

**Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
2026. Том XXIX. № 1**

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2026**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Foundation “Intersotsis”**

**ZHURNAL SOTSILOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2026. Volume XXIX. No 1**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2026**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (д. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. полит. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Ильинична Елисеева (д. э. н., профессор, чл.-корр. РАН, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинский Университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебель (Dr., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д. истор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Dr., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Беларусь)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

© Интерсоцис, 2026

© Авторы материалов, статей, 2026

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (Dr., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социальная теория

Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. Теоретические основания исследования
социетальных процессов в современном мире 7

Социология труда

Акимов А.Н. Семейный статус и здоровьесбережение работников
экспедиционно-вахтовой формы труда в условиях Арктики 40

Тюлюпо С.В., Шадуйко О.М., [Дашиева Б.А.], Тюлюпо В.В.
«Тянется труба как судьба»: социетальные предпосылки
габитуса вахтовика-строителя нефтегазового комплекса
в постсоветский период 62

Социология СМИ

Казун А.Д. Фейк во спасение? Представления россиян
о (не)приемлемости ложной информации 100

Социология миграции

Legut K.D. Adaptation practices of forced migrants: comparative study
of Russian emigrants in Georgia and Germany in 2022–2023 118

Ким А.В. Транзит к родительству и миграция: особенности
социальных взаимодействий молодых матерей 149

Социология спорта

Потапова Е.Б., Горохов В.А. Конструирование детства через спорт:
образ ребенка-спортсмена в художественной гимнастике 177

Исследования национализма

Цумарова Е.Ю. Национальная идентичность во время кризиса:
стратегии осмысления принадлежности к государству и нации
в России после 2022 года 209

Эволюционная антропология

Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. Аллородительство
как фактор сохранения высокой рождаемости
в Тропической Африке 228

Научная жизнь

Шаронов В.И. Цивилизационный потенциал российских регионов:
пятилетний опыт проведения совместных конференций
на площадке Западного филиала РАНХиГС (г. Калининград) 259

Рецензии

Карнаух В.К. Рецензия на книгу: Hester H., Srnicek N. (2023)
After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time.
London; New York: Verso. — 288 p. 268

CONTENTS

Social Theory

Azer Efendiev, Andrey Kozhanov. Theoretical Foundations of the Study
of Societal Processes in the Modern World 7

Sociology of Labor

Alexander Akimov. Family Status and Health Maintenance
of Expeditionary-Shift Workers in the Arctic 40

Svetlana Tyulyupo, Olga Shaduyko, [Bairma Dashieva], Vitaliy Tyulyupo.
“The Pipeline Stretches Like Fate”: Societal Preconditions
of the Habitus of Shift Construction Workers in the Oil
and Gas Sector in the Post-Soviet Period 62

Sociology of Media

Anastasia Kazun. Lies for the Greater Good? Russian Perceptions
of the (Un)acceptability of Disinformation 100

Sociology of Migration

Kira Legut. Adaptation Practices of Forced Migrants: Comparative Study
of Russian Emigrants in Georgia and Germany in 2022–2023 118

Aryuna Kim. Transition to Parenthood and Migration:
Characteristics of Social Interactions among Young Mothers 149

Sociology of Sport

Ekaterina Potapova, Vitaliy Gorokhov. Constructing Childhood
Through Sport: The Image of the Child-Athlete
in Rhythmic Gymnastics 177

Nationalism Studies

Elena Tsumarova. National Identity in Times of Crisis:
Strategies of Understanding Belonging to the State and Nation
in Russia after 2022 209

Evolutionary Anthropology

Vadim Ustyuzhanin, Julia Zinkina, Andrey Korotayev. Alloparenting
as a Factor of the Persistently High Fertility Rates in Central Africa 228

News / Information

Vladimir Sharonov. Civilizational Potential of Russian Regions:
Five Years of Joint Conferences at the Western Branch
of RANEPa (Kaliningrad) 259

Reviews

Vladimir Karnaukh. Book Review: Hester H., Srnicek N. (2023)
After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time.
London; New York: Verso. — 288 p. 268

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИЕТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Азер Гамидович Эфендиев*¹ (efendiev@hse.ru),
Андрей Александрович Кожанов^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. (2026) Теоретические основания исследования социетальных процессов в современном мире. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 7–39.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.1> EDN: ADVBBY

Аннотация. Исследуются фундаментальные основания анализа социетальных процессов современности. Авторы исходят из того, что в XXI в. на всемирно-историческом пространстве сложилась новая социальная реальность, которую нельзя адекватно исследовать, используя инструментарий классической социологии, в основе которого лежит постижение европейского исторического опыта. Это касается как онтологических, так и эпистемологических аспектов исследования социетальных процессов. В предлагаемой работе авторы осуществляют усилия по формированию некоторых фундаментальных оснований теоретического анализа социетальных процессов современности, преодолев европоцентристскую традицию. Реализация означенных проблемы и цели осуществляется в рамках номотетического подхода, нацеленного на выявление субстантивных основ современного исторического процесса. Выдвинуты ключевые теоретические допущения исследования: понимание общества как самодостаточной системы, автономия социума во взаимоотношениях с внешней средой, понимание социальной природы исторического процесса как гуманистически искусственного (а не фатально-стихийного естественно-исторического). Дается углубленная критика «историзма», подчеркивается необходимость разведения биосоциального (доцивилизационного) и постбиосоциального этапов развития, в рамках которого в полной мере реализуются автономия социума. Особое внимание уделяется анализу порождения (детерминации — в широком смысле слова) социальных явлений, социальной необходимости как субстантивной основы социальной активности. Подчеркивается социально-групповая и особенно институционально-символическая культурно-цивилизационная отнесенность содержания социальной необходимости. Социумы, различающиеся культурно-цивилизационными основаниями, будут в своей основе различаться тем, что для них необходимо. Во второй части статьи предпринята попытка выделить основные принципы, подходы анализа реальных социетальных процессов: вопрос об альтернативности/безальтернативности

социетального процесса, углубленная критика экономического детерминизма, подчеркивающая ведущую роль социальных стратегий в определении содержания экономико-организационной деятельности, понимание особенностей современной эпохи, где на равных сотрудничают, соперничают, конфликтуют социумы с различными типами социальной организации.

Ключевые слова: теоретические основания, социетальные процессы, автономия социума, социальная необходимость, искусственно-гуманистическая природа, постбиосоциальный исторический процесс, социальная стратегия развития экономики, альтернативность социетального развития.

Одна из главных проблем исследования социетального развития в современном мире заключается, на наш взгляд, в том, что в работах наших современников анализ этих явлений рассыпается на различные фрагменты, в которых где-то обоснованно, а нередко и необоснованно выдвигаются отдельные идеи, теоретические суждения, трудно складывающиеся в единую объяснительную теоретическую модель. В то же время исследователь, задавшийся целью изучить закономерности и тенденции социетального процесса, сталкивается с необходимостью погрузиться в предварительный анализ многих других фундаментальных оснований социальной науки: проблемы «новой онтологии», дискуссии о понимании социальной реальности, рожденные эпистемологическими заблуждениями, природа социально-исторического процесса и т.д.

Трудно найти другую проблему социологического познания, которая как проблема закономерностей и тенденций социетального развития в современном мире была бы так «перекрещена» с другими фундаментальными проблемами социологии, была бы своеобразным перекрестком, где сходятся линии, пути, треки социологического дискурса. Необходимость изложить свои представления о фундаментальных основаниях исследования современных социетальных процессов обрекает нас на определенную избирательность в отборе исследуемых проблем. Такое разъяснение, надеемся, позволит избежать критики коллег по поводу того, что из поля нашего внимания выпала та или иная проблема метасоциологического исследования социетального процесса.

Социетальный процесс: природа, закономерности и тенденции

Постановка проблемы

Предельная сложность, турбулентность современного мира требует коренной модернизации теоретических социологических инструментов, доктрин, теорий. В настоящее время мы наблюдаем, как складывается

новая социальная реальность, которой не вполне адекватны многие ключевые положения классической социологии с явным или латентным признанием европейской траектории общечеловеческим вариантом социального исторического процесса.

Необходимо подчеркнуть номотетический (а не идиографический, как в исторической науке и антропологии) характер нашего исследования. Исторический контекст, события, факты выступают для нас лишь «кулисами», за которыми скрывается главное — понимание глубинных основ развития социальных процессов, трансформаций. Правы Дуайер и Миннегал (Dwyer, Minnegal 2010), по мнению которых, антропологические подходы либо ущербны, либо частичны; адекватная теоретизация социальных изменений должна не ограничиваться видами связанных с ним процессов (трансформация, адаптация), но и изучить содержательные единицы, тропы этих изменений, «изучать не как факты, свершившееся, а как процессы, которые характерны для социальных изменений» (Dwyer, Minnegal 2010: 635), а деятельность субъекта — это «намеренное причинно-следственное вмешательство в мир» (Ратнер 2000: 413).

В контексте нашего исследования социум, рассматриваемый как социальная система характеризуется следующим.

1. Социуму как социальной системе свойственны:

- самодостаточность; данное свойство, которое, восходя к Аристотелю, рассматривается Т. Парсонсом как ключевое для социальной системы, отличающее общество от подсистем, включенных в общество (Парсонс 2002: 782–793);
- способность к поддержанию целостности, организованности и стабильности;
- способность к саморазвитию, адаптации к новым обстоятельствам путем дифференциации, индивидуализации, централизации и т.п.

Социумы, которые не в полной мере обладают этими свойствами или находятся на стадии становления, или переживают стадию распада.

2. Вышеназванными ключевыми свойствами обладает только социум, отдельные его подсистемы не обладают ни самодостаточностью, ни способностями к поддержанию целостности, стабильности и т.д.

3. Социальные процессы обладают приоритетом над классовыми, групповыми, индивидуально-личностными процессами. Проблема приоритета социального над групповым, личностным имеет различные формы осуществления, что определяет различные профили общественного строя того или иного социума: от этатизма, авторитаризма до либеральной демократии.

4. Социетальная система обладает существенной автономией от внешних, внесоциумных воздействий. Она реагирует на них, исходя из особенностей присущей ей институционально-символической основы.

5. Социетальные процессы — это процессы формирования, функционирования и преобразования социума как целостности, системы институтов, охраняемой и контролируемой властью с помощью государства как высшей формой социальной организации общества.

7. Социетальные процессы характеризуются большой инерцией, консерватизмом; в любом социуме предсказуемость старого порядка вещей перевешивает риски и непредсказуемость нового общественного устройства. Это в первую очередь касается ядра социума общественного строя. В то же время изменение периферии социума осуществляется менее болезненно.

В данной работе нами двигала задача исследования природы социетальных процессов, механизмов порождения, обусловливания социально-исторического процесса. В центре нашего исследования всемирно-исторический контекст социетальных процессов.

Теоретические допущения анализа актуальной социетальной реальности

*Социальное бытие — онтология —
эпистемология социального бытия*

Как отмечает У. Аутвейт, в качестве исходного принципа «в сфере онтологии у нас имеется различие между транзитивными и нетранзитивными объектами науки: между нашими понятиями, моделями etc. и реальными сущностями, отношениями и так далее, что составляет природный и социальный мир». Нетранзитивность характеризуется тем, что «вещи наличествуют и действуют независимо от наших описаний (Аутвейт 1991: 141).

Логика нашего исследования концентрирует внимание на проблеме онтологической приоритетности социального объекта над субъектом, познающим этот объект, субстантивность, т.е. независимость, исходность социальной реальности по отношению к находящемуся в некоем вечном движении по пути к истине субъекту. Признание социального бытия как существующего вне и помимо познавательной деятельности обуславливает, во-первых, предусмотрительность (осторожность) практической активности социального субъекта. Социальная деятельность предстает как синтез преобразовательной активности и познания нового, непредвиденного, ранее неизвестного, реагирование на это новое в виде корректировки проекта деятельности, ограничение активности, замысленного, нейтрализации волюнтаризма.

Во-вторых, понимание реальной деятельности, которая признает приоритет социального бытия над познанием, нейтрализует возможность «когнитивного диссонанса», порождающее интеллектуальную неуверенность, пассивность, панику и, в том или ином виде, агностицизм. В-третьих, преодолевается «убогость мелкотемья», которая провоцируется сведением социальной реальности к тому, что уже познано, лежит на поверхности, знакомо, ежедневно встречается.

При этом, как признает В.А. Лекторский (Лекторский 2001; Лекторский 2017), узловым моментом научного исследования реального является не столько факт ограниченности наших знаний о реальности, сколько деятельно-активное отношение субъекта к объекту его социального познания. Именно в процессе деятельности, эмпирического и теоретического опытов и практик субъект познания раздвигает рамки постижения объекта, выявляет его новые ракурсы и аспекты.

Онтологически социальные (социологические) объекты отличаются символически коммуникационным механизмом своего укоренения (обретения) объективности, независимости от сознания. Объективность социальных объектов достигается не природной запрограммированностью, а на основе договоренностей, согласования, добровольного или вынужденного согласия и т.д., которые приобретают для нового актуального акта человеческой практики «принуждающий» характер. Как отмечает Р. Бхаскар: 1) социальные структуры, в отличие от природных, не существуют независимо от видов деятельности, направляемых ими; 2) социальные структуры не существуют независимо от идей и представлений субъектов о сути своей деятельности (Бхаскар 1991: 231).

Социетальные процессы обладают эксклюзивными чертами, которые обусловлены символически коммуникационной природой объектов социальной реальности.

Первая особенность объектов социальной реальности, их изменений, развития (эволюции) в том, что решающую роль в этом играют сами акторы, их способность договориться, согласовать, изменить и т.д., а не какая-то внесоциальная сила, программирующая трансформацию.

Вторая особенность объектов социальной реальности, их изменений, развития (эволюции) — это культурно-цивилизационный конкретно-исторический характер социальных трансформаций, их результатов. Различные в символически культурном аспекте согласования и ассамбляжи порождают различные вероятно-детерминационные обусловливания и результаты. Вариант культурно-символической трансформации, который дал определенные результаты в одной цивилизации в определенной конкретно-исторической ситуации, в другой конкретно-исторической

культурно-цивилизационной ситуации может породить совершенно иные состояния и контексты. «Цивилизационный порядок любого типа современности действует двояко. Он одновременно и упрощает, принуждая индивида к стандартам потребления, и усложняет, обрекая на индивидуальный выбор» (Козловский 2023: 50).

Третья специфическая черта социальной реальности, ее трансформации, на наш взгляд, проявляется в том, что ее тенденции, закономерности как символически коммуникационного процесса с наибольшей последовательностью и яркостью проявляются именно в рамках культурно-цивилизационного состояния человеческой жизни, в котором основные стороны жизни людей регулируются, гарантируются, организуются на основе придуманных самими людьми правил, законов и т.д.

В доцивилизированном мире эволюция человечества носит скорее *биосоциальный, природно-социальный*, во многом *инстинктивно-запрограммированный* характер. Мы предполагаем, что, изучая доцивилизационное состояние, мы имеем дело скорее с предысторией социального, социетального и т.п. Соответственно социология, изучая социетальную эволюцию (в отличие от антропологии, истории и др.), фокусирует свое исследовательское внимание на тех состояниях общественной организации, которые характеризуются безусловным доминированием созданными самими людьми, их культурой правилами, нормами, законами, институтами и т.д. Размывание различий социальной реальности и биосоциальной организации человека на доцивилизированных этапах развития ведет так или иначе к редукции социальной эволюции, ее факторов к биосоциальному началу.

Основы взаимодействия социума и внешней среды.

Что и как влияет на явления социальной жизни?

Среди научно-стратегических вопросов исследования современных социетальных процессов — многомерная проблема соотношения, логики взаимодействия внесоциальных (в том числе внесоциумных) явлений, сил и социума. В широком общесоциологическом аспекте ключевое значение приобретает понимание основных закономерностей взаимодействия социума с внесоциальной средой. В этом контексте плодотворной представляется идея Н. Лумана об ортогональном (независимом) характере взаимоотношения социума и внешней среды. Согласно его концепции, внешние условия, факторы, процессы не определяют ход событий, действий, мотивов, которые движут людьми, меняют личность, общество, но они «некоторым образом нарушают систему, приводят ее к возбуждению, которое затем внутренним образом приводится в форму, с которой система может

работать» (Луман 1994: 36). Иными словами, внешние условия могут выступать как некие возбудители (раздражители), но то, как социальная среда на них отреагирует, зависит от самой социальной среды, ее устройства, властно-институциональной структуры, культуры, стратегических планов лидеров и элиты.

Проблема социальной природы исторического процесса

Номотетический фокус общесоциологического постижения социального процесса концентрирует внимание на ряде крупных научных дилемм, в их числе дилемма (проблема) природы исторического процесса. Фундаментальным основанием исследования природы исторического процесса является деятельностный подход к пониманию социальной реальности. В.А. Лекторский пишет о теоретическом многообразии подходов в рамках классического и современного (постмодернистского) понимания роли человека, его деятельности в преодолении противопоставления «внутреннего» и «внешнего» фактора объяснения социальной реальности. «“Как возможен мир (если возможен)?” Ответ на этот вопрос пыталась дать немецкая философия в начале XIX в. и ряд течений европейской мысли в XX в. Деятельностный подход в разных своих версиях исторически возник как попытка снять абсолютную дихотомию субъективного и объективного миров» (Лекторский 2001: 85).

Христианский провиденциализм, согласно которому история — это творение Бога, был первой логически последовательной, систематической концепцией исторического процесса как созданного, искусственного, умышленного, запланированного.

Переход к Возрождению знаменовал в понимании исторического процесса переход к пантеистическому, деистическому пониманию провиденциализма, которое окончательно секуляризировалось в философии Просвещения, выработавшей понимание того, что развитие общества предопределяется планами и намерениями людей, массовыми движениями, особенно великими личностями, способными сформулировать новые идеи, заразить ими широкие массы и тем самым привести к социальному движению, изменению. У Питера Штомпки эта секуляризованная модель выступает как гуманистическая (Штомпка 1996: 466; см. также: Горюнов, Потанина, Шабалкина 2013).

Концепция естественной (т.е. независимой от сознания и воли людей), иначе говоря, стихийной (Штомпка называет ее механической — Штомпка 1996: 467), природы исторического процесса, получила свое активное развитие сначала в идеалистической трактовке Г.Ф. Гегеля, где творит историю независимо от желания и активности людей Абсолютный дух,

потом в процессе преодоления этой идеи от идеалистического перфекционизма у К. Маркса в качестве естественно-исторической необходимости, у Г. Спенсера, который утверждает, что «во всех своих видах и разветвлениях общество представляет собой естественное возрастание, а не искусственное производное» (Спенсер 1998: 269).

Эмерджентная модель делает акцент на том, что целенаправленная деятельность людей своими последствиями имеет не только запланированные, ожидаемые актором результаты, но и те, о которых ни он, ни другие участники социальных взаимодействий (сотрудничество, соперничество, конфликты, конкуренция) не ожидали, не предполагали, так как они внезапно (для людей) возникают, т.е. эмердженты.

Эмерджентная модель, в ее социологической трактовке (в отличие от физики газов, биологии мутаций), на наш взгляд, вытекает из искусственно-гуманистической модели, является ее своеобразным ответвлением, но не противостоит ей. В одних случаях эмерджентные эффекты, то есть их возможность заранее так или иначе предполагается (целое обладает «новыми» качествами, которых нет у его составляющих). В других случаях они есть порождение (эпистемологического) незнания онтологии изучаемого процесса. В результате то, что было случайным, внезапным в дальнейшей активной практике актора может выступать как планируемый, ожидаемый эффект. В социетальном измерении — самопроизвольное по своим корням, первоосновам, или эмерджентное, то, что еще не познано. Оно лишается своей эмерджентности как только познается, а затем усматривается, планируется и контролируется.

Рассматривая концепции исторического процесса в контексте дихотомии естественно-исторической необходимости и искусственно-гуманистического понимания исторического процесса, следует сказать о концепции «спонтанности» исторического развития фон Хайека: «Для понимания путей развития цивилизации необходимо осознать, что расширенный порядок не является воплощением человеческого замысла или намерения. Он возник спонтанно, в результате непреднамеренного следования традиционным, а самое главное — моральным правилам» (Хайек 2023: 11). Причем ко многим из них люди могут испытывать неприязнь, как отмечает фон Хайек, тем не менее эти обычаи быстро распространились благодаря тому, что те, кто их придерживается, прошли эволюционный отбор, приумножив численность и свое благополучие и богатство.

Исторически в общественном сознании так сложилось, что стремление к реализации критериев общенаучной методологии в понимании социальных процессов способствовало развитию в XIX–XX вв. стихийного естественно-

исторического понимания социальных трансформаций. Искусственно-гуманистическая концепция, в которой явно или латентно усматривались корни религиозного провиденциализма, воспринималась с понятным недоверием. Сциентизм в понимании социальных процессов сначала выглядел откровенно наивно (географический детерминизм), затем он приобрел достаточно логически завершенные очертания естественно-исторического, объективного понимания социального процесса в работах К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Парсонса и т.д.

Главное, что характеризует, объединяет эти учения, — теоретические допущения, что социальная жизнь развивается, трансформируется по траектории, которая прокладывает свой путь в истории человечества независимо от идей, намерений, устремлений живых людей. Деятельность, активность последних осуществляется как бы в границах своеобразных исторических каналов, содержание которых исторически предопределены, носят запрограммированный характер.

Современные социобиологизаторские исследования теории социальной эволюции (Гринин, Коротаев 2009; Гринин, Марков, Коротаев, Панов 2012) от простой аналогии переходят к сложной «игре» в сосуществование биологической и социальной эволюции, где вторая, разумеется, полностью подчинена первой: «Используя концепции социальных и биологических ароморфоз, нам удалось вывести ряд правил, общих для биологической и социальной макроэволюции, а именно: “плата за генетический прогресс”, “особые условия для возникновения ароморфоз” и другие, которые можно считать схожими (в общих чертах) и которые хорошо работают в обоих случаях биологической и социальной фаз макроэволюции» (Grinin, Korotayev 2023: 115).

Одним из проявлений понимания истории как естественно-исторического процесса является историцизм, согласно терминологии К. Поппера (Поппер 1993). Для историцизма характерно видение истории как определенной целостности, обладающей имманентным смыслом, на базе которой нередко выдвигаются глобальные силы.

Поппером выдвигаются основные черты историцизма, которые во многом пересекаются или основываются на концепции естественно-исторической запрограммированности исторического процесса:

- существование единой истории человечества, реализации определенных всеобщих законов исторического развития;
- задачи общественных наук — раскрытие законов эволюции общества, позволяющих предсказать будущее социума, всего человечества;
- невозможность остановить или(и) изменить закономерный ход истории.

Используя идеи Карла Поппера, выделим дополнительно еще несколько постулатов концепции естественно-исторической природы истории (Розов 1995; Потамская 2016).

Постулат о «восходящем» характере социетальной эволюции. Для большинства учений (кроме Ф. Тенниса) социетальные трансформации приобретают прогрессистскую тональность.

Постулат о превосходстве последующего над предшествующим этапом исторического развития. В лучшем случае признания возможных возвратных движений, обращений вспять приобретают очертания спиральности, как возвращение к «старому», но уже на новом базисе.

Выделенные нами постулаты естественно-исторической предопределенности содержания социетальной эволюции не могли не породить прогрессистскую окрашенность подобных теорий, что заразило своим оптимизмом (не всегда обоснованным) социальных мыслителей, общественно-политических государственных деятелей.

Не ставя перед собой задачу доказательств и опровержений на основе исторических фактов, лишь упомянем известное из европейской и мировой истории, когда на смену универсальному высокоорганизованному Римскому государству пришли варварские образования, повергнувшие Европу на многие столетия «во мрак и тьму» примитивных социетальных образований. Или османский захват полукочевниками Великой Византии, которая поражала всех своей высокой организованностью, правовым совершенством и т.д.

Современная эпоха демонстрирует немало событий, которые по многим своим явлениям ставят под сомнение в чем-то стройные, но, как оказывается, нежизненные построения концепций естественно-исторической природы социетальной эволюции. Успехи и конкурентоспособность арабских монархий, утрата многими так называемыми передовыми демократиями своих позиций (например, Аргентина, Венесуэла и пр.), оживление роли религии и даже клерикализма во многих странах бывшего СССР, Востока и т.д.

В современной социологии концепции естественно-исторической природы социальных трансформаций имеют как свои онтологические корни (попытка представления общественных явлений по аналогии с естественно-природными), так и эпистемологические основы.

На наш взгляд, корни учений о естественно-исторической предопределенности уходят в эпистемологический метод анализа социального развития, которое легализует принцип трактовки исторически состоявшегося как единственно возможного, закономерного и естественно-исторически необходимого.

В социологии, антропологии, в исторической науке на протяжении многих десятилетий изучение социальной и более широко социальной эволюции сводилось, ограничивалось, как правило, молчаливым признанием закономерного, неодолимого в основном через состоявшееся, случившееся. Редукция социоисторического процесса к уже состоявшимся фактам, с одной стороны, способствовала, казалось бы, рациональному пониманию исторического процесса, построенному на базе не умоуязвимых, а эмпирически подтвержденных теоретических конструкций; с другой стороны, создавала опасность сползания к своеобразному историческому эмпиризму, когда факт подменял собой теоретико-концептуальное понимание механизмов порождения тех или иных событий. В результате этого своеобразного исторического эмпиризма история приобретала *безальтернативный* характер. Что, с одной стороны, порождало фатализм в понимании социального процесса с его идеей неодолимости, неизбежности, с другой стороны, характеризовалось поверхностным пониманием внутренних механизмов исторического процесса. Так или иначе, такая редукция необходимого к наблюдающемуся, состоявшемуся уходит своими корнями в неокантианство (Баденская школа), которое провозглашало невозможность познания «вещи в себе», идеографический, описательный по сути характер обществознания.

Следует высказать второе замечание эпистемологического порядка, которое является своеобразной критикой поверхностного обоснования искусственно-гуманистической природы исторического процесса. Подчеркивая искусственно созданный характер реального исторического процесса, который является детищем людских страстей, их приоритетов, борьбы и конкуренции, сторонники данного подхода, к сожалению, ограничиваются научными идеологемами, а не научно-концептуальным пониманием механизмов исторического процесса, утверждением «будущее открыто», которое носило в контексте изменившегося понимания человеческой истории скрытый или явный аксиологический характер, во многом применяя «новую религию понимания социального процесса».

Более того, не затрудняя себя глубинным анализом искусственно-гуманистической природы исторического процесса, данный подход создает определенную основу для субъективно-волюнтаристского понимания исторического процесса, пренебрежения определенными ограничениями, которые облекаются в дальнейшем процессе научной рефлексии в закономерности «творения» людьми исторического процесса.

Беспредельность рамок творения человеком своего будущего, утверждение «будущее открыто», как провозглашал К. Поппер («...мы не знаем будущего, будущее объективно не зафиксировано. Будущее открыто:

объективно открыто. Только прошлое зафиксировано, оно было актуализировано, и тем самым ушло» — Поппер 2006: 188), онтологически неоправданно, сомнительно, так как пренебрегает реально существующими субстантивными, т.е. независимыми, исходными ограничениями в реализации той или иной избранной траектории исторического процесса. Эти ограничения существуют как объективные социальные матрицы осуществления исторического процесса, они выступают как ресурсно-исторические (ты не можешь выдвигать цели, для решения которых нет материальных, социальных и иных ресурсов) и культурно-цивилизационные рамки (ты можешь выдвигать цели, которые согласуются с традициями, предпочтениями, цивилизационными особенностями социума) реализация актором избранного сценария исторического процесса.

Исследование фундаментальных основ социетальных процессов (Браславский 2023) подводит нас к осмыслению проблем обусловливания (детерминации), лежащих в основе социетальных процессов.

Социологическое исследование механизмов обусловливания-детерминации социетальных процессов

Онтология необходимости как движущей силы социальной деятельности

Теоретический характер данной работы в качестве исходного пункта комплексного анализа социоисторического процесса выдвигает не фатальную, стихийную, независимую от людей естественно-историческую программу, а механизм обусловливания-детерминации социальных процессов, исследование социальной необходимости как субстантивной, независимой, исходной первоосновы, порождающей социетальные процессы.

Предварительно сделаем несколько комментариев.

Первый касается употребления понятия «детерминация», которое, к сожалению, нередко ассоциируется лишь с механистическим пониманием причинно-следственных связей, где под причиной имеется в виду непосредственный фактор, напрямую воздействующий на явления и при определенных условиях напрямую порождающий вполне определенные последствия.

По мере развития науки формировалось более широкое осмысление детерминации, в основе которого лежит понимание того, что причинность не сводится к регулярной последовательности — под причиной следует понимать совокупность всех факторов, совместно достаточных и необходимых для производства следствия. «Причинно-следственная связь включает в себя нечто большее, чем просто корреляцию или временную последовательность» (Beebe, Hitchcock, Menzies 2009: 5).

Ром Харре и Эдвард Мадден (Harré, Madden 1975) резюмируют, что отождествление причинности с простой регулярностью не позволяет понять необходимость, присущую причинно-следственным отношениям.

Речь идет о понятии детерминации в широком смысле слова, которая включает фактически все (в том числе непричинные) механизмы социального порождения.

Причинно-следственные представления о детерминации социальных явлений как о своеобразном часовом механизме (Декарт), были обогащены вероятностно-статистическими представлениями о массовых процессах обусловливания, которые носят не абсолютный, а вероятностный характер. Механизмы порождения, обусловливания дополнены признанием индукционного наведения (обусловливания), каталитическим механизмом, когда та или иная императивно-обязывающая сила является, наряду с другими важным условием развития того или иного явления.

Мы предлагаем термин «детерминация» трактовать в его широком смысле как понятие, включающее все виды, формы, механизмы многомерного воздействия на социальный объект, порождающий различные социальные последствия. В связи с этим сделаем еще один комментарий.

В социальной реальности прямая причина, непосредственно «виновная» в определенных последствиях, чаще всего выступает в виде мотивации к определенному действию. Это для социолога очевидно и тривиально. Поэтому в ходе нашего дальнейшего анализа мотивация действия как производная и финальная детерминанта, порождающая определенные последствия, в определенной степени остается вне нашего поиска.

Требует пояснения и наше понимание социальной природы «необходимости». Используя это понятие, исследователь оперирует не конкретным социальным объектом, элементом, а дает характеристику потенциальностей (Аристотель), внутренних сил, которые сродни силам магнитного поля, предрасположенностей (К. Поппер).

Последний предварительный комментарий касается использования нами понятия «императивный». Мы используем его не в кантовском морально-этическом смысле, а в его первоначальном лингвистическом смысле как повелительное наклонение, обязательное, настоятельное требование.

В этом отношении наше понимание необходимости как императивно-обязательного основания социальной деятельности созвучно трактовке этого основания как силы или предрасположенностей у К. Поппера (Поппер 2006: 135), как субстантивная, независимая, конечная сила социальной активности.

Социальная необходимость как феномен

Исходным пунктом процесса социальной детерминации (понимаемой в широком смысле слова) является необходимость в определенных социальных действиях.

«Необходимость» имеет множество коннотаций как бытовых, повседневных, так и научных, академических.

В науке необходимость выступает как связь, взаимодействие, исходная глубинная основа, порождающая то или иное явление. Теоретико-социологически необходимость — это первооснова социальной деятельности, понимаемая как движущая сила определенных социальных действий.

Тем самым, признается, что *движущая сила социальных процессов не возникает стихийно, откуда ни возьмись, как игра стихийных естественно-исторических законов, «вне самих людей», а представляет собой некий элемент социального бытия людей, их заинтересованности в своем успешном развитии.*

1. В основе характеристики той или иной социальной связи как необходимости лежит атрибуция этих взаимодействий как императивных, т.е. неодолимых, обладающих не только логикой неотвратимости, но и силой принуждения, обязывающей данного социального субъекта к действиям, способным в данной ситуации обеспечить стабильность, устойчивость, успешность его функционирования и развития.

2. Фундаментальной основой необходимости является противоречие между наличными (имеющимися или изменившимися условиями) обстоятельствами существования и развития социального субъекта и условиями, обстоятельствами, способными обеспечить успешное, устойчивое, стабильное развитие данного социального субъекта. Противоречие, конфликт, антагонизм между имеющимися (или изменившимися) условиями ситуации и условиями, способными обеспечить устойчивость, успешность развития социального субъекта, и порождает силу принудительности, которой обладает необходимость.

3. Необходимость как императивно-обязательное основание социальной деятельности, по сути, обеспечивает адаптацию социального субъекта к изменившимся условиям. Дифференциация как одна из форм адаптации, вычленение функций, сочетается с их универсализацией, унификацией; совместимость институтов с их автономией. Это ступени исторического развития, в основе которых социальная необходимость, имплементация которой выступает как адаптация, а дифференциация, универсализация и автономность — как ее формы.

Субстантивной основой устойчивого общества, таким образом, выступает целостная, внутренне скоординированная и согласованная

система реализации императивно-обязывающих отношений, реализованных в морали, праве, деятельности ведущих институтов, в том числе политических, экономических, культурно-образовательных и т.п. данного общества.

Возможны отдельные непредвиденные, незакономерные (случайные) флуктуации. Социум как устойчивая система способен или погасить, подавить, или впитать реализацию непредвиденного, случайного в систему уже сложившихся императивно-обязывающих правил, норм, институтов. В этом случае речь идет об адаптивной корректировке, частичном обновлении правил, норм, регулирующих отдельные институты, или даже о создании (путем дифференциации, специализации сложившихся институтов), новых институциональных образований, не затрагивающих общественный строй как систему институтов, создающих единую идейно-нравственную регулятивную основу.

Сказанное подводит нас к следующим теоретическим комментариям и умозаключениям.

Первое из них заключается в том, что необходимо-императивная сила социальных процессов может проявляться как в самовозобновляемых, регулярных взаимодействиях, обеспечивая стабильное функционирование социума, так и в ситуациях уникальных, экспериментальных, в том числе непредвиденных, ранее не встречавшихся, включая революционные, переломные.

Второе. Социальная необходимость имеет множество своих проявлений, воплощений, а еще точнее, сущностей, и проявляется, пожалуй, во всех основных видах, формах, типах детерминации в ее разнообразных формах.

Современные представления об императивно-обязательной силе необходимости включают в себя в качестве ключевых вероятностно-статистические процессы, где механизм порождения имеет не абсолютный, а вероятностно-массовый характер, способный включать и единичные формы отклонений.

Эмпирическая социология большое внимание уделяет индукционным видам порождения социальных явлений, в частности зависимости поведения личности, ее планов, амбиций и достижений от социально-профессионального статуса самого актора, его родителей и т.д.

В качестве формы обусловливания упоминается каталитическая форма реализации социальной необходимости. Имеется в виду механизм, в котором изучаемая необходимость становится ускорителем, катализатором социальных процессов.

В рамках «новой онтологии» получает новое прочтение взаимодействие соотношения (содержания) необходимости в том или ином его

проявлении (вероятностном, индукционном, каталитическом, причинно-следственном) и порождаемых в результате их реализации последствий. Последствие содержательно не всегда зависит от контекста причины, ее смысла.

Признание многомерности процесса обусловливания-детерминации углубляет понимание социальной необходимости как множественного и, по сути, многомерного явления.

Третье. Социальная необходимость имеет различные ступени своей валидности от возможно-вероятного до неизбежного. Исследование логики восхождения от вероятного до неизбежного требует исследование логики ситуации (К. Поппер).

Четвертое. Социальная необходимость проявляет себя как система императивно-обязательных оснований типов социетальной деятельности:

- социум помещен в определенную природную среду, императивно-обязывающие связи с которой очерчивают границы первой группы социетальных необходимостей;
- социум помещен в определенную внешнюю геополитическую социетальную (глобальную, межнациональную, наднациональную) среду, императивно-обязывающая связь с которой определяет вторую группу социетальных необходимостей, включая экономическую, политическую, идеологическую, военно-силовую конкуренцию, конфликты, достижение условий, обеспечивающих суверенитет, «жизненное» пространство, безопасность, сохранение или восстановление территориальной целостности, рынка, медиа-пространства, территориальные претензии и притязания;
- императивно-обязывающие основания социетальной деятельности связаны с созданием и сохранением внутренней устойчивости и развития общества, идейно-ценностной, религиозной сплоченности общества, эффективного развития его институтов (экономических, культурно-образовательных, политических, здравоохранения), содействием развитию ведущих социальных групп.

Перечень выделенных типов социетальных необходимостей не претендует на полноту и скрупулезность описания.

При этом важно учитывать тот факт, что выделенные выше типы социетальной необходимости характеризуются постоянным взаимодействием. В истории не раз возникала необходимость в освоении (завоевании) новых территорий, более благоприятных в смысле природно-климатических условий для проживания социума, как и необходимость защиты своей территории от притязания других. Данные территориальные и природно-климатические необходимости порождают необходимость

не только силовой составляющей, но и развития идейно-нравственной (патриотизм, героизм), политических, военно-технических, дипломатических составляющих.

Пятое. Содержательно социетальная необходимость определяется:

- актуальными конкретно-историческими условиями, ресурсами и возможностями развития социума;
- структурно-стратификационными, профессионально-корпоративными, социально-групповыми позициями и условиями развития социальных субъектов;
- и главное, институционально-символической культурно-цивилизационной природой данного социума, утвердившихся в нем устойчивых традиций, моральных приоритетов и принципов, институтов.

Шестое. Понимание онтологии социетальной необходимости обогащается тем самым еще одним, во многом ключевым для понимания глобальных проблем современности свойством: институционально-символической культурно-цивилизационной спецификой необходимости как исходного начала социальной активности. То, что для существования и развития одного социума будет глубоко и настоятельно необходимо, в рамках другого социума с иной институционально-символической основой может не обладать такой значимостью или же вообще оказаться незначимым, второстепенным.

Именно в культурно-цивилизационной определенности императивно-обязательных начал общественной жизни коренятся самые сложные и ключевые эпистемологические проблемы, когда за всеобщую закономерность как единое для всех социумов выдаются исходные начала, движущие силы, характерные для социумов (цивилизаций) с определенным культурно-цивилизационным христианско-европейским кодом.

Эпистемологические «заблуждения» в понимании онтологии социальной необходимости как феномена, имеющего культурно-цивилизационную отнесенность, проявляются как минимум в следующих теоретических ориентирах.

Во-первых, европоцентристском понимании логики мирового исторического процесса. В основе европоцентризма явно или латентно лежит доктрина естественно-исторической стихийной природы исторической необходимости, которая безальтернативно движет социальным процессом, что, в свою очередь, так или иначе пробивает дорогу фатализму, признанию одномерности (европейскости), безальтернативности исторического развития.

Во-вторых, фундаментальной причиной эпистемологических заблуждений в понимании культурно-цивилизационной определенности онто-

логии социальной необходимости выступает плоское понимание объективного в социальной жизни, благодаря которому символически духовные феномены толковались прежде всего как «отраженные», «субъективные», «рефлекторные», а потому достаточно легко изменяемые под влиянием объективной естественно-исторической необходимости.

Седьмое. Социетальная необходимость как императивно-обязывающая сила социальной деятельности решающим образом зависит от креативной способности социального субъекта глубоко и адекватно осознать конкретно-исторические, геополитические, стратификационно-групповые и т.д. условия развития и выработать соответствующую стратегию и тактику имплементации социальной необходимости. Этот фактор в реалиях жизни проявляется многогранно: социальные инновации организации общества, прежде всего системы власти, их зарождение, видоизменение, историческая последовательность и т.д. не имеют естественно-исторического фатального происхождения, а есть продукт осмысления (адекватной или иллюзорно-ложной в различных ее формах) реальности, инноваций, заимствования, подражания, вынужденного применения в результате конкуренции, конфликтов, побед и поражений.

На практике нередко благодаря властному политическому, силовому давлению, разнообразным политкоммуникационным и электоральным технологиям, которые усиленно развиваются и внедряются в последнее десятилетие, решающим становится не креативная адекватность, а ресурсная обеспеченность той или иной стратегии.

Последствием этого может являться (кратковременное или длительное) развитие той или иной стратификационной, социальной, профессиональной и т.п. группы, сообщества, нации, социума по пути, который не ведет к высокой эффективности, стабильности и успеху. Социетальная необходимость реализована в искаженном, неадекватном онтологическом варианте.

Социетальные процессы в современном мире: основные подходы и принципы исследования

Поликондициональность (многоосновность) процессов развития социума

Постановка проблемы

В данном разделе мы нацелены на то, чтобы на базе идей, изложенных выше, провести анализ основных теоретико-методологических принципов, которые, как мы считаем, необходимо реализовать, чтобы адекватно

познать социальные события и процессы. Такой подход, на наш взгляд, позволит избежать возможную аксиолого-идеологическую приверженность при трактовке тех или иных исторических явлений.

Второй комментарий касается широкого использования понятия «поликондициональность» (от слова *кондиция* — «основание») в коннотации (наличии) множества значимых (но не всяких, не любых) оснований порождения исторических явлений.

Это позволит, как мы надеемся, при описании онтологии порождения социальных явлений уйти от понятия поликаузальности, так как включает в себя гамму возможных значимых связей обусловливания, а не только прямые причинно-следственные связи.

Вместе с тем мы осознанно уходим от использования близкого (казалось бы) понятия «многофакторность», стремясь подчеркнуть многоуровневый, многомерный и даже синтетический характер императивно-обязывающей природы порождения социальных явлений.

Социолого-номотетический анализ возможностей исторического развития социума

Одним из ключевых результатов проведенного в предыдущих разделах исследования социальных процессов является теоретическое положение (гипотеза) о преимущественно гуманистически искусственной природе постбюрократического развития социума.

Научное рассмотрение в этом фокусе социальных процессов требует ответов на несколько ключевых вопросов. Остановимся на некоторых из них.

Первая дилемма (не по значимости, а по логике исследования) предполагает ответ на вопрос: имела ли состоявшаяся история, точнее ключевое событие в истории того или иного социума, определившее на несколько десятилетий-столетий путь развития того или иного общества, безальтернативный, фатальный характер или ей был присущ альтернативный, поликондициональный характер.

Признание стихийного, естественно-исторического характера социального процесса оказывается идейно-теоретической основой представлений о безальтернативности исторического процесса, отсутствии веера возможных путей развития. Признание же поликондициональности открывает путь к пониманию исторического процесса, с одной стороны, субстантивно-императивно обусловленным, а с другой стороны, как результата социально-ресурсной, в том числе интеллектуально-креативной, политически-организационной, властной и силовой конкуренции, конфликта, предпочтений и превосходства.

Для исторического, идеографического постижения истории, как известно, нет сослагательного наклонения («если бы»). Для социологического номотетического исследования осмысление возможных вариантов исторического развития социума, а также анализ условий успешной реализации конкретной траектории, превращение ее из возможного (наряду с другими кондициями) в неизбежное открывает путь к пониманию субстантивных оснований социальной реальности.

В постбиосоциальный период безальтернативность в социетальном развитии встречается крайне редко. И даже безальтернативно-критические для существования всего человечества проблемы современного развития (ядерная, экологическая, биолого-пандемическая) приобретают поликондициональный характер.

Казалось бы, очевидная ядерная угроза уничтожения человечества при внимательном исследовании обнаруживает в последние 30–50 лет набор различных кондиций, начиная от безопасности, сдерживания развития ядерное оружие, кончая силовым лидерством, преимуществом, что делает возможным диктат, запугивание, принуждение других стран, всей международной глобальной общности людей. В последние десятилетия возникла региональная, локальная термоядерная кондиция, и даже кондиции, связанные с тактическим ядерным оружием.

В контексте понимания социетального развития как искусственно-гуманистического процесса важно следующее: *групповая, стратификационная, профессиональная, корпоративно-отраслевая дифференциация обуславливает существенную (подчас антагонистически непримиримую) дифференциацию императивно-обязывающих оснований деятельности социальных субъектов, в том числе их заинтересованности в разных путях развития социума.* Именно внутренняя дифференциация социума обуславливает поликондициональность исторического процесса, стратификационно-групповую отнесенность социальной необходимости.

При одних и тех же вызовах социальной среды, независимо от сознания, объективно формируется социально-групповая определенность социетальной необходимости.

Возможно возражение, суть которого в том, что социетальная необходимость становится императивно-обязывающим основанием деятельности, субъектом которой является все общество в целом как самодостаточная целостность, но не его отдельные группы, профессии, т.е. она имеет надгрупповую сущность.

Филантропически псевдогуманистические представления исходят из того, что субстантивная логика, содержание общественного процесса существуют как некая надгрупповая сущность. Но исторический опыт

неоднократно доказывал определенную иллюзорность подобных идей-мифов. Общественный интерес, который по определению несводим к сумме интересов общественных групп, так или иначе реализуется через деятельность лидирующих групп, страт данного общества, неминуемо преломляясь через специфические императивно-обязывающие основания деятельности этих групп. Соответственно развитие общества осуществляется в форме, в которой условия, необходимые для развития общества в целом, соотносены с кондициями, которые необходимы для развития лидирующих групп.

В основе социальных процессов лежит система императивно-обязывающих отношений, характеризующаяся нарастающей поликондициональностью, порождающая турбулентность, конкуренцию, конфликты. Современное общество представляет собой социум с ясно выраженной поликондициональностью необходимостей по поводу одной и той же ситуации, а значит и наличием достаточно широкого спектра возможных альтернатив исторического процесса.

В контексте гуманистически искусственной концепции исторического развития эти возможности есть не что иное, как альтернативы вариантов, направлений, путей социально-исторического процесса. Какой из этих путей, вариантов будет реализован, будет ли возможность преобразована в неизбежность, определяется не логикой стихийности естественно-исторической необходимости, а драматургией реальной борьбы, соперничества социальных групп за общественное признание, авторитет, легальные, а нередко и нелегальные методы борьбы за лидерство и власть.

Об этом свидетельствует исторический опыт, в том числе опыт русских революций февраля и октября 1917 г. Согласно марксистскому пониманию исторического процесса, которое отстаивалось в том числе Г.В. Плехановым, установление социалистических порядков возможно лишь на основе развитого капитализма. Следовательно, нацеливать Россию на установление социалистической организации общества, в соответствии с этим и представлениями, преждевременно.

В результате известных событий с февраля 1917 г. в реальной политической борьбе участвовало несколько политических сил, олицетворявших различные возможные пути развития российского общества: монархо-консервативные, буржуазно-либеральные, неонароднические социалисты-революционеры (эсеры), социал-демократы (большевики).

Как правило, отмечает К. Поппер, наличествующие возможности развития ситуации неравнозначны. Чаще всего в конкретной ситуации есть более вероятные (К. Поппер называет их «нагруженными» — Поппер 2006: 182) и менее вероятные для реализации возможности.

Как же произошло, что фактически разгромленная в ходе революции 1905–1907 гг. малозначимая политическая сила, ядро которой составляли проживающие в эмиграции деятели, т.е. партия большевиков, смогла в октябре 1917 г. путем вооруженного восстания установить свою власть, сместив переходное Временное правительство и разогнав Учредительное собрание, которые должно было установить новую Конституцию и власть в России?

В 1917 г. после февральской революции, которая вытеснила с политической арены монархо-консервативные силы, неонародническая партия эсеров стала крупнейшей политической силой, насчитывавшей миллион активных членов партии, приобрела господствующее положение в местных органах самоуправления и большинства общественных организаций, одержала безусловную победу в выборах в Учредительное собрание (48,8 % голосов избирателей). В крестьянской стране эсеры провозглашали в качестве своей цели крестьянский социализм в виде аграрной социализации, мирный приход к власти, эволюционный характер преобразований в обществе, активное развитие профсоюзов, местного самоуправления, всеобщее распространение в системе власти принципов выборности, отмену крупной индустриальной частной собственности при сохранении мелкого и среднего предпринимательства и т.д.

Установление социалистической (а не капиталистической, буржуазной) организации общества становится в послефевральской России 1917 г. центральной идеей российского общества. Идея о том, что социализм в России того времени был непредвиденным, маловероятным, не имеет под собой какой-либо основы. Другое дело, что неонароднический социализм существенно по многим принципиальным вопросам отличался от пролетарского марксистско-ленинского социализма. Особенно это касалось проблемы экспроприации, эволюционного пути преобразований.

Но эсеры оказались неспособны обеспечить восхождение высокой вероятности реализации своего проекта в неизбежность ввиду целого ряда обстоятельств.

Выдвижению на передний план большевистского проекта общественных преобразований способствовало возрастание авторитета большевиков среди городского пролетариата в результате разгрома Корниловского мятежа, активизация деятельности большевиков после возвращения Владимира Ленина из эмиграции в апреле 1917 г.

Превращение большевистско-пролетарской возможности в историческую неизбежность общественного развития определялось не только (а может быть и не столько) социально-содержательными (программными) основами деятельности большевиков, сколько их организационными качествами, отношением к вооруженным методам (в том числе на практике).

Большевиков, безусловно, отличала высокая организованность, мобилизованность на политическую борьбу, дисциплинированность, особенно среди лидерского ядра. В условиях Первой мировой войны большевики признали необходимым подготовку и осуществление вооруженного Октябрьского восстания, что обеспечило насильственный приход большевиков к власти, насилие по отношению к Учредительному собранию. Партия эсеров чрезмерно уповала на легальные и легитимные методы, не сумев защитить свои достижения, в том числе Учредительное собрание.

В этом столкновении неонароднического и пролетарского марксистско-ленинского социализма разворачивалась драма России 1917 г., сделавшая неизбежным приход к власти большевиков.

Приведенные исторические свидетельства ставят и ряд других проблем познания исторического процесса из разряда так называемой исторической социальной таксономии: носит ли последовательность типов социальной организации общества присущий, например, Европе, общепристорический характер? В данном случае мы остановились лишь на одном фрагменте, связанном с анализом так называемой преждевременности перехода к социализму в России в 1917 г. Но в рамках признания искусственно-гуманистической природы исторического процесса социалистический проект являлся основой деятельности главных политических сил России, выражения институционально-символической специфики России, построенной на многовековом общинном земледелии. И такие предрасположенности (термин К. Поппера) к социализму характерны для всех социумов, возникших на общинном земледелии (Китай, Вьетнам). В этом свете выглядят неубедительными нарративы о «преждевременном» социализме, «некапиталистическом» пути развития.

Социальный процесс: межстрановой аспект

Постановка проблемы

Остановимся на анализе основных тенденций формирования типов социальной организации социума. От чего в решающей степени зависит последняя: от сложившейся структуры, институциональной системы, традиций, культурно-цивилизационных (в том числе религиозных) оснований общественной жизни или от внесоциальных, внешних причин, в том числе усложнения и нарастания требований производительных сил, технологий? Не является ли наблюдающаяся таксономия, плодом искусственно-гуманистической природы исторического процесса, активности людей, элит, реализации механизмов заимствования, подражания, конкуренции, инновационной креативности и т.п.? И наконец, избранный нами путь анализа онтологии исторического процесса позволит решить клю-

чевой вопрос: можно ли сказать, что всеми социумами в их становлении, функционировании и развитии движут одни и те же императивно-обязательные основания, что неминуемо должно было бы породить единую траекторию исторического процесса разных социумов, независимо от того, какими ресурсами они обладают, «каким богам молятся».

«Расколдовывание» этой дилеммы предполагает исследование некоторых методологических вопросов.

В науке, да и в общественном (обыденном) сознании под влиянием науки, сформировалось устойчивое видение путей и последовательности форм организации социальной жизни, которые определяются уровнем развития производительных сил, технологий. Данный подход возник до и помимо К. Маркса (см. подробнее: Семенов 2003), но в его трудах получил наиболее завершенное и теоретически глубокое осмысление и развитие.

Проблема взаимодействия социальной и внешней среды имеет сложный и многомерный характер. Особенно это касается проблемы взаимодействия социума с экономико-технологическими аспектами развития. Экономический детерминизм в том или ином виде находит свое проявление и в социальной науке конца XX в.: в теории постиндустриального общества, информационного общества, теории культурного отставания, в работах Питера Осборна и т.д. Активная цифровизация, которая характеризует современное общество, породила новую иллюзию, так называемый цифровой романтизм, неизбежность коренного изменения структуры общества под воздействием цифровых технологий, надежда на то, что процесс цифровизации неизбежно приведет к прогрессу не только производительных сил, технологий, но и общества в целом, системы социальных отношений и т.д.

Хозяйственно-экономические аспекты бытия носят, безусловно, максимально важные для общества в качестве материальной основы его функционирования и развития. Но максимальная значимость нетождественна определяющей роли в формировании социума. Фундаментальное значение для понимания взаимодействия экономико-технологических и социокультурных факторов играют положения, выдвинутые М. Вебером, о ценностно-нормативной основе экономического поведения хозяйствующих субъектов, культурно-религиозных корнях исторических типов экономической деятельности. Предложенные ниже идеи опираются на фундамент веберовского учения.

При внимательном рассмотрении проблема экономического детерминизма имеет несколько тесно взаимосвязанных аспектов анализа. Первый касается вторичности тенденций социального развития по отношению к хозяйственно-технологическому развитию общества, уровню развития

его производительных сил. Условно можно это обозначить как эффект синхронности (адекватности) / асинхронности социальной организации общества уровню развития его производительных сил.

В ракурсе синхронизационного анализа экономический детерминизм утверждает неизбежную адекватность уровню развития производительных сил социальной организации. При этом мерилom такой адекватности, синхронизации является развитие европейских стран, пережитая ими последовательность типов социальной организации.

Второй аспект делает акцент на приоритетности экономики, ее задач и требований над проблемами социальной организации общества.

Потребности развития производительных сил диктуют обществу, власти или, наоборот, потребности развития общества, как их понимает власть, диктуют, как развиваться экономике, производительным силам. Данный ракурс делает акцент на инструментальном аспекте проблемы экономического детерминизма. На том, что в практическом контексте приоритетно: потребности экономики или потребности общества (как их понимает власть).

Начнем с первого синхронизационного аспекта. Анализ, проведенный как на макроуровне, так и на мезоуровне не выявляет прямой связи между уровнем развития производительных сил и состоянием общества, его динамикой, последовательностью типов социальной организации. Точнее, оно обнаружено на примере лишь европейской истории. Что стало основанием для формирования классического (и неоклассического) либертарианства, согласно которому именно развитие производительных сил и технологий, тем более цифровых, «взрывает» консервативно-авторитарную организацию общества, построенную на подавлении личных свобод, прав и т.д.

Между тем европейская история, этапы и последовательность ее развития развиваются на определенной христианской культурной цивилизационной основе, которая признает приоритетность личности, ее свободы и активности, мирской аскезы и т.д. Она, безусловно, воплощает приоритет социальных условий, обеспечивающих экономическую эффективность, конкурентоспособность на свободном рынке, право частной собственности, ее священность и нерушимость, свободы предпринимательской инициативы, поощрения материального благополучия как признака жизненного успеха (в особенности в протестантизме) и т.д. Именно общественное устройство, культура, стратегическое видение развития социума его элитой, обществом в целом, безусловно, способствовало развитию производительных сил, политически и морально содействовало этому.

Взаимодействие социальной организации общества и развития производительных сил в европейских странах с безусловным приматом развития экономики в качестве моральной стратегии волей-неволей порождает иллюзию синхронизации общественного устройства в соответствии с развитием производительных сил.

Вне европейской истории мы не можем обнаружить такой синхронизации. Вспомним проблему «азиатского способа производства». Сегодня мы наблюдаем за парадоксальными для европоцентристского взгляда явлениями: бурное развитие производства в социалистических Китае, Вьетнаме, монархии ОАЭ, странах Юго-Восточной Азии, далеких от либерально-демократических идеалов, при снижении темпов развития европейских стран.

Тем самым мы подошли к анализу второго аспекта проблемы экономического детерминизма. Социальная среда — это не адаптивная или нейтральная система, которая воспроизводит требования, условия, в данном случае экономико-технологической среды. Она активно реагирует на внешние, в данном случае экономико-технологические, требования, организовывая свою экономическо-организационную деятельность в соответствии со своими предпочтениями, стратегическими целями и планами, способностью предусмотреть, проанализировать возможные социально-структурные последствия своей экономической политики, а также с уровнем креативности, амбиций, готовности к социальным рискам.

Решающая роль именно социальных (организационно-политических) факторов в развитии экономической деятельности, глубоко и эмпирически верифицировано была доказана на массе исторических фактов и событий К. Полянью, Н. Элиасом и др. «Лишь после возникновения централизованной и публичной монополии на насилие конкурентная борьба... может происходить в значительной степени без применения физического насилия; лишь тогда возникает конкуренция» (Элиас 2001: 145).

К. Полянью отмечает, что выводить рыночную экономику из природы человека (т.е. как естественно-историческую, фатальную необходимость. — А.Э., А.К.), как предлагают классики, абсолютно нелогично. При Полянью подчеркивает, что установление принципа институализации рыночного обмена, рыночной конкуренции и перераспределения произошло не с помощью экономики, а в соответствии с социальной организацией общества, принятием определенных правил, контроля (Полянью 2002).

Вместе с тем есть и позитивные формы реализации практического аспекта экономического детерминизма. Бесспорно, что развитие технологий сопряжено с развитием квалификации, систем образования, новых

направлений подготовки специалистов, что может быть реализовано и без коренного изменения институционально-символической основы общества, его социального строя.

Проведенный нами анализ основных аспектов проблемы экономического детерминизма подводит нас к умозаключению, что признание как исторического императива адекватности общественной организации уровню развития технологий по сути искажает онтологию социальных процессов, приводит к абсолютизации значимости экономико-технологических факторов в жизни общества, является (еще одной) эпистемологической иллюзией.

Социальная система способна через экономическую политику, которая является результатом институционально-символической системы данного социума, способствовать/препятствовать развитию производительных сил и технологий. Критика экономического (да и других детерминизмов) приобретает и более широкое поле осмысления. Можно выдвинуть предположение, что на постбиосоциальном этапе развития решающую роль в определении того или иного типа социальной организации общества, их утверждении и сохранении (в том числе, казалось бы, архаичных монархий) играют внутренние кондиции социума: система ценностей, религия, нормы и правила, система обычаев.

Современный мир: парад социальных типов организации социальной жизни (вместо эпилога)

Приступая к завершающей части нашей работы, считаем нужным предварительно выделить проанализированные в предыдущих разделах ключевые положения, выступающие основанием нашего исследования современных социальных процессов.

1. Внесоциальные факторы (климат, географическая среда, технологии) способны «возбудить» социальную систему, побуждают к определенной реакции, но не определяют содержание этой реакции, которая формируется институционально — символической культурно-цивилизационной природой данного общества.

2. Исторический процесс в его постбиосоциальном цивилизованном этапе развития имеет гуманистически искусственную, рукотворную природу, но не является фатальной естественно-исторической необходимостью, пробивающей себе путь стихийно, помимо и независимо от воли людей, их активности, согласия, приемлемости, инициативы и креативности.

3. Социальная необходимость как субстантивная первооснова любой социальной деятельности имеет институционально-символическую отне-

сенность. То, что остро необходимо европейцу, арабу может быть не столь значимо, и наоборот.

В этой институционально-символической отнесенности (в том числе социетальной) активности и заключается ключ к пониманию природы и содержания социетального процесса. Этот процесс оказывается, с одной стороны, объективно ограничен предыдущим опытом и результатом развития, с другой стороны, носит искусственно-гуманистическую, сотворенную людьми природу.

4. Европоцентристское толкование мировых социетальных процессов нашло свое проявление в таксонологии постбиосоциального (цивилизационного) развития общества. Продвижение общества от первобытного состояния к коммунизму приобрело черты, во многом характерные для Европы и построенного на европейской истории понимания последовательности типов организации общества: капитализм обязан идти после феодализма, социализм после капитализма и т.п.

Почему социалистическая организация общества должна строиться лишь на основе капитализма? А если в культуре страны сильно развита общинность? По крайней мере остается открытым вопрос о наличии закономерной исторической последовательности социальной организации общества на этапе постбиосоциального (цивилизационного) развития. В странах с сильной исторической традицией общинного земледелия (Россия, Китай, Вьетнам и т.д.) установление социалистического типа организации общества вполне вписывается в рамки институционально-символической матрицы. Требуется пересмотра и положение о невозможности активного развития экономики в рамках кланово-авторитарной власти (ОАЭ, Катар, Оман) и других форм авторитарной власти.

* * *

Современный мир поражает многообразием типов социальной организации социумов, характеризующимся в том числе достаточно высоким уровнем производительных сил, технологий, конкурентоспособностью. Эпоха колониализма знаменовала диктат европейского типа общества, его безусловное лидерство. Основными «действующими лицами» XIX и XX вв. были державы европейского типа организации социальной жизни.

Глобализация стала продолжением колониализма, но уже в другой форме. В ее основе лежала экономическая политика европейских стран и США. В лице транснациональных компаний глобализация знаменовала активное развитие производительных сил ранее отсталых стран, превращение их в экономических «тигров», «газелей», «единорогов». Следует признать, что глобализация привела к неоднозначным (амбивалентным)

результатам. С одной стороны, она резко ускорила экономическое развитие ощутимого большинства ранее экономически неразвитых стран. С другой стороны, к сожалению инициаторов этого процесса, не привела (и не могла привести) к утрате этими (ранее неразвитыми экономически) странами своей институционально-символической идентичности.

В этих условиях характерное для XIX–XX вв. лидерство и диктат европейского типа организации общества, который лежал в основе мирового порядка, в том числе послевоенного устройства мирового сообщества, был утрачен. Мир, по сути, утратил тот стержень, который делал мировой процесс упорядоченным, предсказуемым.

Глобализация обернулась нарастающей локализацией. Содержание современных социальных процессов — это конкуренция, соперничество нескольких (многих) экономически развитых, но в корне различающихся своей институционально-символической основой социумов.

Следует обратить внимание на то, что новая ситуация, с которой столкнулись страны с европейской институционально-символической основой, породила необходимость в корректировке либерально-демократических первооснов, усиления изоляционистско-патриотических начал в жизни общества, проявление других кризисных явлений в экономике и политике. Современная эпоха — это эпоха, которая знаменует конец европейского доминирования в мировом социальном историческом процессе, в развитии международных отношений, эпоха соперничества и конфликтов более или менее экономически развитых стран, имеющих различные институционально-символические основы развития, приверженных различным приоритетам, ценностям и нормам. Это эпоха реального соперничества/сотрудничества обществ с различными типами организации социумов, реализующего (более или менее) успешную экономическую политику: монархий, авторитарных, социалистических, либерально-демократических социумов. В основе процессов, характерных для современной эпохи — искусственно-гуманистическая природа исторического процесса.

Литература / References

Аутвейт У. (1991) Реализм и социальная наука. *Социологос: Социология, антропология, метафизика*, 1: 141–158.

Outhwaite W. (1991) Realism and Social Science. *Sociologos: Sociologia, antropologiya, metafizika* [Sociologos: Sociology, Anthropology, Metaphysics], 1: 141–158 (in Russian).

Браславский Р.Г. (2023) Метатеоретические основания цивилизационного анализа в современной социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 7–40.

Braslavskiy R.G. (2023) Metatheoretical Foundations of Civilizational Analysis in Contemporary Sociology. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 7–40 (in Russian).

Бхаскар Р. (1991) Общества. *Социологос: социология, антропология, метафизика*, 1: 219–240.

Bhaskar R. (1991) Societies. *Sociologos: Sociologiya, antropologiya, metafizika* [Sociologos: Sociology, Anthropology, Metaphysics], 1: 219–240 (in Russian).

Валлерстайн И. (1997) Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? *Социологические исследования*, 1: 8–21.

Wallerstain I. (1997) Does Social Change Last Forever? Does No One Ever Change? *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1: 8–21 (in Russian).

Гартман Н. (2007) Старая и новая онтология. *ANTROPOLOGY — web-кафедра философской антропологии* [<http://anthropology.ru/ru/text/gartman-n/staraya-i-novaya-ontologiya>] (дата обращения: 25.05.2025).

Gartman N. (2007) Old and New Ontology. *ANTROPOLOGY — veb-kafedra filosofskoy antropologii* [ANTROPOLOGY — web-Department of Philosophical Anthropology] [<http://anthropology.ru/ru/text/gartman-n/staraya-i-novaya-ontologiya>] (accessed: 25.05.2025) (in Russian).

Горюнов А.В., Потанина Л.Е., Шабалкина Е.Е. (2013) Эволюция общества как эмерджентный исторический процесс. *Теория и практика общественного развития*, 9: 17–22.

Goryunov A.V., Potanina L.E., Shabalkina E.E. (2013) Evolution of the Society as an Emergent Historical Process. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 9: 17–22 (in Russian).

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2009) *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: Либроком.

Grinin L.E., Korotaev A.V. (2009) *Social Macroevolution. The Genesis and Transformation of the World System*. Moscow: Librokom (in Russian).

Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В., Панов А.Д. (2012) Эволюционная мегапарадигма: возможности, проблемы, перспективы. *Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества)*. Волгоград: Учитель: 106–119.

Grinin L.E., Markov A.V., Korotaev A.V., Panov A.D. (2012) The Evolutionary Metaparadigm: Opportunities, Problems, Prospects. In: *Universal and Global History (Evolution of the Universe, Earth, Life and Society)*. Volgograd: Uchitel: 106–119 (in Russian).

Козловский В.В. (2023) Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 41–62.

Kozlovskiy V.V. (2023) Models of Civilizational Development of Modern Societies: Self-determination and Interaction. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 41–62 (in Russian).

Лекторский В.А. (2001) *Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: Эдиториал УРСС.

Lektorskiy V.A. (2001) *Classical and Nonclassical Epistemology*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Лекторский В.А. (2017) Познание, действие, реальность. *Вопросы философии*, 9: 5–23.

Lektorskiy V.A. (2017) Cognition, Action, Reality. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 9: 5–23 (in Russian).

Луман Н. (1994) Понятие общества. *Проблемы теоретической социологии*. СПб.: 25–42.

Luhmann N. (1994) The Concept of Society. In: *Problems of Theoretical Sociology*. St. Petersburg: 25–42 (in Russian).

Парсонс Т. (2002) *О социальных системах*. М.: Академический проект.

Parsons T. (2002) *On Social System*. Moscow: Akademicheskij proekt (in Russian).

Поланьи К. (2002) *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

Polanyi K. (2002) The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Time. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Поппер К. (1992) *Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы*. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива».

Popper K. (1992) *The Open Society and Its Enemies. Volume 2. The high tide of prophecy: Hegel, Marx, and the aftermath*. Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa» (in Russian).

Поппер К. (1993) *Нищета историзма*. М.: Прогресс.

Popper K. (1993) *The Poverty of Historicism*. Moscow: Progress (in Russian).

Поппер К. (2006) *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: К. Поппер и его критики*. М.: Эдиториал УРСС.

Popper K. (2006) *Evolutionary Epistemology and the Logic of Social Sciences: K. Popper and his Critics*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Потамская В.П. (2016) Проблема историзма в философии К. Поппера. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*, 1: 160–168.

Potamskaya V.P. (2016) The Problem of Historicism in K. Popper's Philosophy. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 1: 160–168 (in Russian).

Розов Н.С. (1995) Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера. *Вопросы философии*, 12: 55–69.

Rozov N.S. (1995) The Possibility of Theoretical History: Responding to Karl Popper's Challenge. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 12: 55–69 (in Russian).

Семенов Ю.И. (2003) *Философия истории от древности до наших дней: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции*. М: Современные тетради.

Seменов Yu.I. (2003) *Philosophy of History from Antiquity to the Present Day: General Theory, Main Problems, Ideas and Concepts*. Moscow: Sovremennye tetradi (in Russian).

Спенсер Г. (1998) *Опыты научные, политические и философские*. Минск: Современный литератор.

Spenser G. (1998) *Scientific, Political, and Philosophical Experiments*. Minsk: Sovremennyy literator (in Russian).

Хайек Ф. (2023) *Пагубная самонадеянность*. М.: АСТ.

Hayek F. (2023) *Pernicious Arrogance*. Moscow: AST (in Russian).

Штомпка П. (1996) *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс.

Sztompka P. (1996) *Sociology of Social Change*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. Т. 2. М.: Университетская книга.

Elias N. (2001) *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Vol. 2. Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Beebe H., Hitchcock C., Menzies P.C., Menzies P. (eds.) (2009) *The Oxford handbook of causation*. Oxford Handbooks Online. OUP Oxford.

Dwyer P.D., Minnegal M. (2010) Theorizing Social Change. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 16(3): 629–645.

Grinin L.E., Korotayev A.V. (2023) Social Evolution: Theoretical Aspects and General Outlines. *Social Evolution & History*, 22(2), September: 111–158.

Harré R., Madden E.H. (1975) *Causal powers: A theory of natural necessity*. Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield. Edited by Edward H. Madden.

Ratner C. (2000) Agency and culture. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 30: 413–34.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF SOCIETAL PROCESSES IN THE MODERN WORLD

Azer G. Efendiev¹ (efendiev@hse.ru),
Andrey A. Kozhanov^{1,2}

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the FCTAS of the RAS, Moscow, Russia

Citation: Efendiev A.G., Kozhanov A.A. (2026) Theoretical foundations of the study of societal processes in the modern world. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 7–39 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.1> EDN: ADVBBY

Abstract. The fundamental foundations of the analysis of societal processes of modernity are investigated. The authors proceed from the fact that in the 21st century, a new social reality has emerged in the world historical space, which cannot be adequately explored using the tools of classical sociology, which is based on understanding the European historical experience. This applies to both ontological and epistemological aspects of the study of societal processes. In the proposed work, the authors make efforts to form some sociological foundations for the analysis of modern societal processes, overcoming the Eurocentric tradition. The implementation of these problems and goals is carried out within the framework of a nomothetic approach aimed at identifying the substantive foundations of the modern historical process. Some key theoretical assumptions of the research are put forward: understanding society as a self-sufficient system, the autonomy of society in relations with the external environment, understanding the social nature of the historical process as artificially humanistic (and not fatally spontaneous natural historical). An in-depth criticism of “historicism” is given, and the need to separate the biosocial (pre-civilizational) and postbiosocial stages of development is emphasized, within which the autonomy of society is fully realized. Special attention is paid to the analysis of the generation (determination, in the broadest sense of the word) of social phenomena, social necessity as a substantial basis of social activity. The socio-group, and especially the institutional-symbolic cultural-civilizational relevance of the content of social necessity is emphasized. Societies that differ in their cultural and civilizational foundations will differ substantially in what is necessary for them. In Part II, an attempt is made to identify the main principles and approaches to analyzing real societal processes: the question of the alternative/non-alternative societal process, an in-depth critique of economic determinism, emphasizing the leading role of social strategies in determining the content of economic and organizational activities, an understanding of the features of modern epochs, where societies with different types of social organization cooperate, compete, and conflict on equal terms.

Keywords: theoretical foundations, social processes, autonomy of society, social necessity, social determination, artificially humanistic nature, postbiosocial historical process, social strategy of economic development, alternative societal development.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

СЕМЕЙНЫЙ СТАТУС И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИОННО-ВАХТОВОЙ ФОРМЫ ТРУДА В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

Александр Михайлович Акимов^{1,2} (akimovam@infarkta.net)

¹ Тюменский кардиологический научный центр — филиал Томского НИМЦ
Российской академии наук, Тюмень, Россия

² Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Цитирование: Акимов А.М. (2026) Семейный статус и здоровьесбережение работников экспедиционно-вахтовой формы труда в условиях Арктики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 40–61.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.2> EDN: AHSXR

Аннотация. Представлены результаты социологического исследования, направленного на определение динамики семейного статуса и здоровьесбережения работников, занятых в режиме экспедиционной вахты на нефтегазодобывающем комплексе Арктического региона РФ. Без учета ценностных характеристик отношения к здоровью и социального статуса «вахтовиков», частью которого является семейный статус, реализация социального регулирования жизнедеятельности среди мужчин, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда, не представляется возможной, что определяет актуальность данной работы как научной основы для формирования эффективных социально-управленческих механизмов в условиях Арктики. Целью исследования явилось определение возрастных и временных трендов семейного статуса и некоторых параметров ответственности за здоровье у мужчин экономически активного возраста, их ассоциаций в зависимости от стажа работы экспедиционно-вахтовым методом в Арктике. Исследование проводилось на двух репрезентативных выборках, сформированных на промышленных предприятиях нефтегазодобывающего комплекса во временном диапазоне 35 лет, среди мужчин 25–54 лет, занятых в режиме экспедиционной вахты в Арктическом регионе РФ. Среди лиц мужского пола 25–54 лет, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда в условиях Арктического региона, в возрастном диапазоне определены 35-летние тренды к росту доли одиноких мужчин в каждом из трех десятилетий жизни 25–34, 35–44, 45–54 лет и более чем к двукратному снижению доли зарегистрированных браков. По данным социологического исследования 1987–1988 гг. (ГДУ), с увеличением возраста установлено закономерное увеличение доли мужчин, состоящих в браке. По данным социологического исследования 2022–2023 гг. (ЕВРАКОР), в третьем десятилетии жизни сравнительно со старшими возрастными категориями определено увеличение доли мужчин, состоящих в браке, но и рост доли одиноких мужчин, как состоящих, так и не состоящих в браке ранее. В зависимости от стажа работы экспедиционной вахтой

на промышленных предприятиях Арктики установлены 35-летние тренды к увеличению доли одиноких мужчин по крайним позициям — при стаже менее трех и более десяти лет, к снижению доли зарегистрированных браков независимо от стажа работы экспедиционно-вахтовым методом. При стаже работы экспедиционной вахтой в условиях Арктики более трех лет у мужчин с наличием спутницы жизни определена наибольшая забота о своем здоровье и ответственность за него.

Ключевые слова: мужчины, экономически активный возраст, экспедиционно-вахтовый труд, семейный статус, ответственность за здоровье, Арктика.

Введение

Арктическая зона, малоприспособленная для постоянного проживания, создает множество экологических и социальных проблем, которые негативно влияют на здоровье человека. Современный этап развития Российской Федерации как государства с социально ориентированной экономической рыночного типа требует особого внимания к основному элементу экономического и социального развития общества — человеческому капиталу (Силин 2016: 78; Белоножко и др. 2022: 19). Важнейшими составляющими потенциала здоровья человеческого сообщества являются социально-экономические условия среды, включая социально-экономические, демографические, поведенческие и другие факторы (Кривошеков, Охотников 2000: 21). Брак является одним из самых мощных защитных механизмов социальной поддержки. В научных исследованиях о смертности как в развитых, так и в развивающихся странах последовательно продемонстрировано снижение смертности среди мужчин, состоящих в браке (Акимова и др. 2012: 258). Смертность среди разведенных, овдовевших, а также никогда не состоявших в браке различается, хотя эти результаты являются противоречивыми (August, Sorkin 2010: 87). Зависимость уровня здоровья от модифицируемых факторов риска, управление которыми обеспечивает устойчивое социальное и экономическое развитие страны в целом и отдельных ее регионов, в настоящее время является доказанным (Каюмова и др.: 52; Wilkinson, Marmot 2003: 18; Tanaka et al. 2018: 310). Особую актуальность приобретают проблемы устойчивого развития Арктики. Организация объединенных наций (ООН) ставит важные цели по достижению такого развития к 2030 г. Вместе с тем социальные проблемы Арктического региона в рамках поставленных и сформулированных целей ООН в области устойчивого развития не находят должного внимания в решении обеспечения социального здоровья и достижения благополучия населения. Реализация ряда направлений социальной политики, в частности в области социального здоровья и формирования здорового образа

жизни, является чрезвычайно важной в контексте целеполагания устойчивого развития территорий (Маркин, Силин 2021: 321).

Сложность современных исследовательских задач по регулированию и управлению здоровьем на Арктических территориях России обусловлена необходимостью принимать во внимание целую совокупность социальных факторов, действующих на человека. По данным В.П. Казначеева, при работе в режиме экспедиционной вахты в условиях Арктики часто развивается «полярный синдром», или «синдром полярного напряжения» (Казначеев 1986: 11; Хаснулин 1998: 18). Между тем, поскольку одним из важнейших социально-психологических свойств личности является отношение к своему здоровью, в контексте с этим семейный статус при работе экспедиционной вахтой в условиях Арктического региона приобретает особое значение и не может не влиять на ценностные характеристики здоровья «вахтовиков» (Акимов и др. 2024: 35). Результаты настоящего исследования продемонстрировали влияние экспедиционной вахты, дистанцирующейся в Арктическом регионе Западной Сибири, на отношение работников к своему здоровью в зависимости от семейного статуса. Рассмотренные в данном исследовании маркеры ответственности за свое здоровье среди работников, занятых экспедиционной вахтой при наличии и отсутствии спутника жизни, могут и должны являться научной основой для разработки механизмов управления здоровьем на промышленных предприятиях Арктического региона (Акимов 2013: 104; Акимов 2023: 123; Каюмова и др. 2023: 52).

Постановка проблемы

В современный период нефть и газ — наиболее общественно значимые ресурсы, которые лежат в основе высокой динамики мировой экономики. На эту динамику оказывают воздействие цена, доступность, технологии добычи, обработки сырья и геополитические интересы. Благодаря почти безграничным возможностям использования ископаемые энергоносители принадлежат к числу самых ценных ресурсов в мире. Поскольку добыча и обработка этих ресурсов территориально связаны с промышленными регионами и месторождениями, это оказывает прямое влияние на рынок труда и, таким образом, непосредственно формирует реалии человеческой жизни в культурном, социальном и социально-пространственном отношении.

Экспедиционно-вахтовый метод представляет собой наиболее эффективный способ привлечь рабочую силу в Арктическую зону РФ. В связи с этим разведка, обнаружение и добыча сырой нефти и природного газа в экстремальных климатических условиях ставят перед наукой не только новые технологические задачи, но и вопросы социологии труда. Возникает

дилемма о решении социальных и медицинских проблем в условиях циклической мобильности и в то же время об ориентации и стимуляции работников к работе экспедиционной вахтой в Арктической зоне (Силин 2021: 8; Саксингер и др. 2014: 75). Вместе с тем исследования в рамках масштабных научных программ «Вахта», «Адаптация человека», «Солнце — климат — человек», «Глобальный эксперимент» в Западной и Восточной Сибири, на Европейском и Азиатском Севере страны, на Дальнем Востоке показали, что проживание человека в дискомфортных или экстремальных климато-географических условиях, сочетающихся с тяжелой антропогенной нагрузкой на экологические системы в промышленных регионах, приводит к более интенсивному использованию и быстрому истощению адаптационных резервов организма человека и, таким образом, к ускоренному расходованию «человеческого капитала» (Хаснулин 1998: 7; Белоножка и др. 2022: 11). Это проявляется в ускоренном развитии экологически обусловленной патологии, осложненном течении хронических заболеваний, преждевременном старении и омоложении показателей смертности населения. Особенно это относится к северным территориям России при использовании вахтовой и экспедиционно-вахтовой формы труда. В Арктической зоне и в приравненных к Северу территориях государство столкнулось с проблемой значительного увеличения «человекопотерь» и «человекопотребления» в качестве платы за получение единицы валового внутреннего продукта в виде нефти, газа, цветных металлов (Маркин, Силин 2021: 27).

Научные исследования, проведенные в Арктике, показали, что при работе экспедиционно-вахтовым методом в экстремальных условиях, которая предполагает наличие выраженной нагрузки на экологические системы, происходит преждевременное истощение адаптационных ресурсов человеческого организма (Хаснулин 1998: 12). Выявленный В.П. Казначеевым «синдром полярного напряжения», который, в отличие от синдрома стресса, открытого канадским физиологом Гансом Селье в 1935 г., присущ лишь Крайнему Северу, раскрывает взаимосвязи дизадаптивных процессов у человека с особенностями геомагнитной сферы, светового и холодового режимов, питания, социального климата и других факторов, присущих циркумполярным регионам (Казначеев 1986: 27; Силин 2016: 52). В связи с этим исследования отечественных ученых показали, что в соответствии с конституционными типами, отличающимися стратегией адаптивного поведения в экстремальных условиях, необходимо рекомендовать проводить отбор лиц, выезжающих на Крайний Север, определять оптимальные сроки их пребывания в регионах с экстремальными условиями и создавать наиболее эффективные режимы трудовой деятельности (Кривошецов, Охотников 2000: 72; Силин 2016: 72).

Результаты социологических исследований продемонстрировали явные свидетельства снижения значимости ценностных ориентаций у работников нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири после длительной работы экспедиционно-вахтовым методом при высоких стрессовых нагрузках в семье и на рабочем месте (Силин 2021: 27). Экспедиционно-вахтовая форма труда, кроме априори имеющихся непростых природно-климатических условий, в которых вынуждены работать нефтяники и газовики, характеризуется мобильным режимом и отдаленностью рабочих мест от базовых предприятий, постоянными маятниковобразными переездами работающих на значительные расстояния из территорий стационарного проживания к рабочему месту и обратно. Экспедиционно-вахтовый метод организации труда предполагает рост интенсивности труда в период вахты, более продолжительную рабочую смену, уменьшение межсменного отдыха при отсутствии выходных дней и минимальном социальном и бытовом обеспечении и, соответственно, выраженное воздействие факторов хронического социального стресса. Предусмотренные самой экспедиционно-вахтовой формой труда длительность и регулярность воздействия, нарастающая с увеличением стажа работы опасность влияния тяжелых и вредных факторов производства, накопление патологии ставят факторы экспедиционно-вахтового метода работы в класс хронических профессиональных стрессов с экстремальным характером воздействия (Тапака 2018: 310; Каюмова и др. 2023: 47). Кроме того, семейное положение рабочих побуждает их ориентироваться на более напряженный трудовой режим с целью удлинения периодического отдыха, проводимого в кругу семьи (Саксингер и др. 2014: 88). Работа в таком режиме приводит к постоянному напряжению и перестройке всех адаптационно-регуляторных систем организма, требуя разработки социально ориентированных профилактических проектов для работников, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда (Акимов 2023: 123). Для эффективного управления здоровьем работников нефтегазодобывающего комплекса в Арктическом регионе главным условием является осознанное желание самих «вахтовиков» изменить стереотипы поведения. Отношение к своему здоровью и его самооценка представляются надежными индикаторами таких устремлений «вахтовиков» (Wilkinson, Marmot 2003: 83; McFadden 2008: 228; Смазнов 2011: 24; Акимов и др. 2024: 36).

Эмпирическая база и методика анализа

Два кросс-секционных исследования по единому протоколу во временном интервале 35 лет были проведены среди мужчин экономического активного возраста, работающих экспедиционно-вахтовым методом

на промышленных предприятиях нефтегазодобывающего комплекса в арктических широтах региона Западной Сибири. Репрезентативные выборки формировались из списков работников мужского пола, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда на промышленных предприятиях «Газпром добыча Уренгой» (ГДУ) и ЕВРАКОР. Поскольку социологические исследования были проведены по единому протоколу на репрезентативных выборках (каждое исследование за годовой период времени и в одном регионе — г. Новый Уренгой и его окрестностях, в местах нахождения вахтовых поселков, связанных с газодобычей), полученные данные можно экстраполировать на всех мужчин в возрастной категории 25–54 лет, работающих экспедиционной вахтой в условиях Приполярья (г. Новый Уренгой). Основу изучения 35-летних трендов семейного статуса составили карты профилактического наблюдения 1987–1988 гг. (ГДУ) и 2022–2023 гг. (ЕВРАКОР). Карты были заполнены и обработаны по результатам двух срезов медико-социологических исследований на промышленных предприятиях нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири (г. Новый Уренгой) среди работников 25–54 лет, занятых в режиме экспедиционной вахты. Для формирования выборок применялась общепринятая методика «случайных чисел», реализованная в компьютерном варианте, с последовательным отбором возрастных групп по 250 лиц мужского пола в трех десятилетиях жизни: третьем (25–34 лет), четвертом (35–44 лет), пятом (45–54 лет). В итоге в окончательный состав выборки вошло 1500 мужчин в возрасте 25–54 лет. Первое социологическое исследование на предприятии ГДУ было проведено с откликом 82,4 %, второе социологическое исследование на предприятии ЕВРАКОР — с откликом 82,4 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение обследованных работников ЕВРАКОР и ГДУ по возрасту

Возрастные группы, лет	Число обследованных ГДУ/ ЕВРАКОР	ЕВРАКОР / ГДУ, %
25–34	216 / 214	34,8 / 34,6
35–44	205 / 206	33,0 / 33,3
45–54	200 / 198	32,2 / 32,0
25–54	621 / 618	100,0 / 100,0

Согласно протоколу исследования, каждому из обследуемых лиц, включенных в репрезентативную выборку 2022–2023 гг., для самозаполнения была представлена стандартная анкета ВОЗ, адаптированная автором применительно к настоящему исследованию. Ответственность за свое здоровье определялась посредством анализа утверждений из

перечня фиксированных ответов (2 тестовых вопроса с соответствующими двумя и тремя ответами). Оценка семейного статуса проводилась по параметрам: 1) имеет спутницу жизни; 2) не имеет спутницу жизни. В соответствии с современными реалиями работники, обследованные в 2022–2023 гг. (ЕВРАКОР), дополнительно были разделены на подгруппы. Спутница жизни как постоянная оценивалась на основании субъективного восприятия респондента в каждом отдельном случае.

Так, среди имеющих постоянную спутницу жизни были выделены подгруппы: а) состоит в браке; б) состоял в браке ранее, имеет спутницу жизни; в) одинокий (не состоял в браке), имеет спутницу жизни. Среди не имеющих спутницу жизни были выделены подгруппы: а) состоял в браке ранее, не имеет спутницу жизни; б) одинокий (не состоял в браке), не имеет спутницу жизни.

Оценка стажа работы экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики проводилась по трем градациям: 1) стаж 3 года и менее; 2) стаж 4–9 лет; 3) стаж 10 и более лет (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение обследованных работников ЕВРАКОР и ГДУ
по стажу работы экспедиционно-вахтовым методом**

Стаж работы, лет	Число обследованных ЕВРАКОР/ ГДУ	ЕВРАКОР / ГДУ, %
3 и менее	264 / 102	42,5 / 16,5
4–9	254 / 330	40,9 / 53,4
10 и более	103 / 186	16,6 / 30,1
Всего	621 / 618	100,0 / 100,0

Ограничением исследования является сравнение разных организаций, что затрудняет выявление изменений в брачной структуре работников в конкретной организации, однако дает представление о динамике семейного статуса в целом среди вахтовиков, занятых на нефтегазодобывающем комплексе в условиях Арктики.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с использованием программного обеспечения IBM «Статистика 21.0». При оценке статистически значимых различий между выборочными долями совокупности в двух группах применялся критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона, критический уровень значимости принимался равным 0,05. При парных сравнениях средних величин в четырех и более независимых группах (при оценке сопряженности параметров ответственности за здоровье и семейного статуса) для исключения проблемы множественных сравнений применялась поправка Бонферрони.

Семейный статус у работников нефтегазодобывающего комплекса, 35-летние тренды в зависимости от возраста и стажа работы экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики

Проведенный анализ на предприятиях ГДУ и ЕВРАКОР показал наличие спутницы жизни у 85,5 и 80,3 % соответственно, т.е. если рассматривать также незарегистрированные браки по данным социологического исследования 2022–2023 гг. (не только состоящих в браке в настоящий момент, но и в совокупности с ними бывших ранее в браке и «одиноких» мужчин, имеющих постоянную спутницу жизни) условный брачный статус среди лиц мужского пола, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда в условиях Арктики, в современный период оказался существенно ниже ($p < 0,05$). В то же время в советский период истории нашей страны (данные социологического исследования 1987–1988 гг., ГДУ) такая градация не проводилась, поэтому что касается зарегистрированных браков, анализ полученных трендов за 35-летний период по результатам исследования на двух социологических срезах среди лиц, работающих в режиме экспедиционной вахты, продемонстрировал более чем двукратное снижение семейного статуса (85,5 % vs 39,8 %; $p < 0,001$) (рис. 1).

Динамика семейного статуса за 35-летний период наблюдения среди «вахтовиков» в возрастном диапазоне показала статистически значимые различия, выявленные относительно зарегистрированных браков среди работников ЕВРАКОР и ГДУ по всем трем возрастным категориям 25–34, 35–44 и 45–54 лет. Была установлена статистически значимая тенденция к уменьшению доли семейных мужчин при работе в условиях Арктиче-

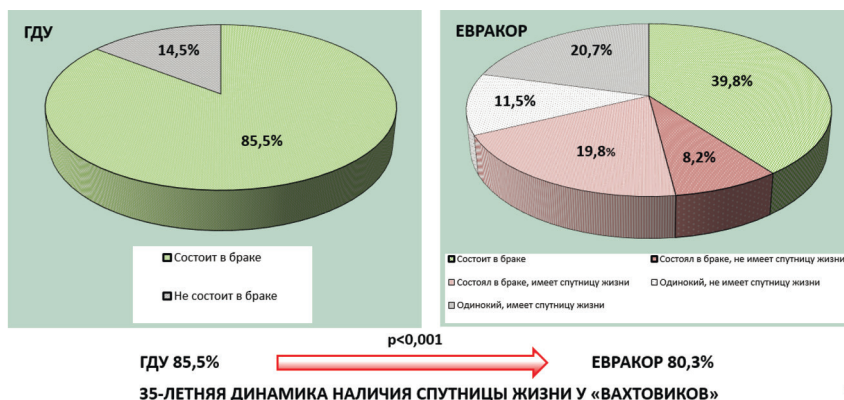

Рис. 1. 35-летние тренды семейного статуса среди работающих экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики (%)

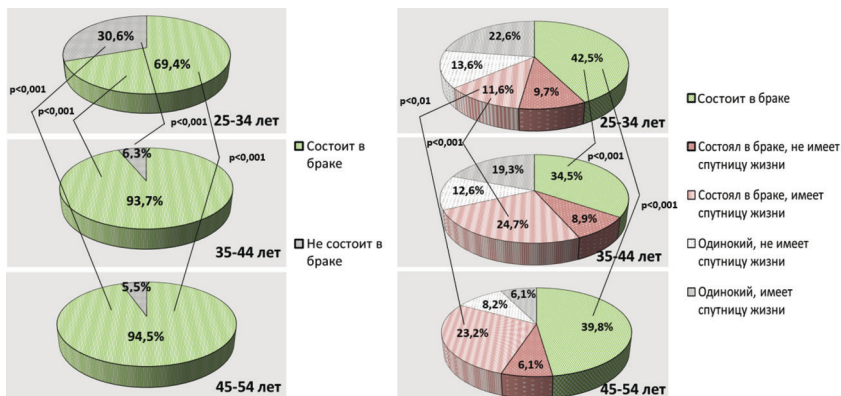

Рис. 2. 35-летние тренды семейного статуса среди работающих экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики в возрастном диапазоне (%)

ского региона в режиме экспедиционной вахты независимо от возраста (25–34 лет: 69,4 % vs 42,5 %; 35–44 лет: 93,7 % vs 34,5 %; 45–54 лет: 94,5 % vs 42,4 %; $p < 0,001$). Те же тенденции к снижению семейного статуса в динамике 35-летнего наблюдения сохранялись и у вахтовиков в возрастном диапазоне, имеющих и не имеющих спутницы жизни (рис. 2).

Анализ данных первого исследования (1987–1988, ГДУ) показал закономерный рост состоящих в браке вахтовиков с увеличением возраста, когда доля зарегистрированных браков существенно выросла при переходе от младшей возрастной категории 25–34 лет к возрастной категории 35–44 лет (69,4 % vs 93,7 %; $p < 0,001$), далее оставаясь практически стабильной (93,7 % vs 94,5 %; $p > 0,05$) (рис. 2). Вместе с тем по результатам второго исследования (2022–2023, ЕВРАКОР) доля зарегистрированных браков, напротив, существенно снизилась с увеличением возраста от третьего (25–34 лет) к четвертому десятилетию жизни (35–44 лет) (42,5 % vs 34,5 %; $p < 0,001$). У мужчин молодого возраста 25–34 лет определена тенденция к росту доли одиноких мужчин сравнительно со старшей возрастной категорией 45–54 лет, как состоящих ранее в браке и не имеющих спутницы жизни в настоящий момент (9,7 % vs 6,1 %; $p > 0,05$), так и одиноких (не состоявших ранее в браке) и не имеющих спутницы жизни в настоящий момент (13,6 % vs 8,2 %; $p > 0,05$). Статистически значимая тенденция отмечалась в связи со снижением среди вахтовиков младшей возрастной категории 25–34 лет по сравнению с более старшими группами 35–44 лет (11,6 % vs 24,7 %; $p < 0,01$) и 45–54 лет (11,6 % vs 23,2 %; $p < 0,01$)

доли лиц, состоящих в браке ранее, но имеющих спутницу жизни в настоящий момент (рис. 2).

Полученные тренды к снижению числа зарегистрированных браков за 35-летний период динамического наблюдения у мужчин экономически активного возраста 25–54 лет, вероятно, можно объяснить весьма прагматичными причинами (нежеланием делиться доходами и платить алименты при наличии более высоких зарплат на нефтегазодобывающем комплексе) в связи с коммерциализацией общества в целом за период становления рыночной экономики в РФ. Подобная тенденция более заметна при рассмотрении такого рода трендов по возрастным категориям, когда в настоящий период времени отмечается не только преобладание доли зарегистрированных браков в третьем десятилетии жизни, но и в целом преобладание мужчин, не имеющих спутницы жизни в молодом возрасте (23,3 %) относительно пятого десятилетия жизни, где в полтора раза меньше вахтовиков в том или ином варианте продемонстрировало свое одиночество. По мнению многих исследователей, смена общественной социально-экономической и культурно-этической парадигмы российского общества в 1990-е годы оказала влияние на институт семьи и брака, хотя семья и остается востребованной формой социальной организации жизни современного человека (Синельников 2018: 95; Курбатова и др. 2024: 103).

Далее была изучена динамика семейного статуса среди лиц, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда, в зависимости от стажа работы на нефтегазодобывающем комплексе в условиях Арктики. На рисунке 3 показаны статистически значимые различия по динамике семейного статуса за 35 лет, выявленные среди работников ГДУ и ЕВРАКОР касательно как зарегистрированных, так и незарегистрированных браков, в зависимости от стажа работы экспедиционно-вахтовым методом, когда минимальное наличие спутницы жизни отмечалось у вахтовиков со стажем работы три года и менее. В первом случае (зарегистрированные браки) при стаже работы в условиях Арктического региона в режиме экспедиционной вахты три года и менее (78,4 % vs 21,6 %; $p < 0,001$), 4–9 лет (89,0 % vs 43,3 %; $p < 0,001$), а также 10 лет и более (95,1 % vs 43,5 %; $p < 0,001$) была установлена тенденция к уменьшению доли семейных мужчин. Снижение доли мужчин, имеющих спутницу жизни отмечалось и в целом среди мужчин 25–54 лет (85,5 % vs 39,8 %; $p < 0,001$). Вместе с тем что касается наличия спутницы жизни (по параметру, включающему состоящих в браке в настоящий момент, бывших ранее в браке и «одиноких» мужчин, имеющих постоянную спутницу жизни), существенное снижение этого показателя в дина-

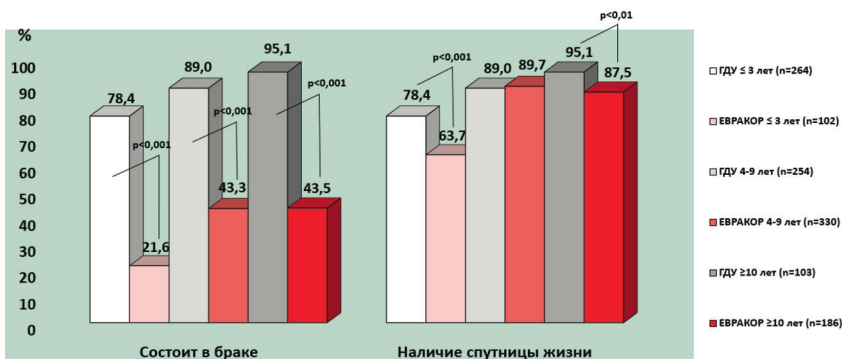

Рис. 3. 35-летние тренды семейного статуса в зависимости от стажа работы среди работающих экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики (%)

мике 35-летнего наблюдения было установлено только по крайним позициям — при стаже работы в режиме экспедиционной вахты три года и менее (78,4 % vs 63,7 %; $p < 0,001$) и при стаже 10 лет и более (95,1 % vs 87,5 %; $p < 0,01$) (рис. 3).

Анализ динамики изучаемых параметров семейного статуса за длительный период — с конца советского периода (1987–1988) до настоящего времени (2022–2023) — продемонстрировал негативные тенденции среди работников нефтегазодобывающей отрасли Арктического региона, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда. Кроме смены приоритетов, безусловно, можно предположить и отрицательные последствия деструктуризации по семейному статусу этой категории работающих в экстремальных условиях Арктики. Не вызывает сомнения, что такая ситуация крайне неблагоприятна как в социальном плане, так и в отношении воздействия фактора наличия семьи на сердечно-сосудистые риски для вахтовиков (Акимова и др. 2012: 258). Так, в период проведения первого скрининга (1987–1988) на территориях освоения нефтегазодобычи бывшего СССР проводилась крупномасштабная научно-исследовательская программа «Вахта», которая включала в себя исследования функциональных и прикладных медико-биологических и социально-гигиенических характеристик новых методов освоения Арктической зоны (Казначеев 1986: 105; Хаснулин 1998: 76). В рамках программы «Вахта» в том числе изучались социальные аспекты личностных отношений в семье с ориентацией на сокращение срока вахты или увеличение периодического отдыха. В настоящее время, по данным скрининга 2021–2022 гг., нивелируются результаты программы «Вахта», где большое количество исследо-

ваний было связано с определением оптимальных для человека сроков вахта/отдых, а сроки пребывания на вахте удлиняются вплоть до полугода и значительно варьируются в зависимости от производственной необходимости. Следовательно, обоснованным является тот факт, что такой важный аспект жизни вахтовика, как семейное положение, наиболее уязвим во всех возрастных категориях (Силин 2016: 56).

На явную тенденцию роста одиноких мужчин в нынешнем веке относительно предыдущего, который по данным настоящего исследования не зависел от стажа работы экспедиционной вахтой, вероятно, накладывается несколько причин. С одной стороны, этот процесс идет в соответствии с мировыми тенденциями, связанными прежде всего с повсеместным налаживанием связей в интернет-пространстве и тем самым разрывом прежних, физических связей. Причем при работе экспедиционно-вахтовым методом такой разрыв, усугубляемый вынужденными побочными явлениями, связанными с постоянным и длительным отрывом от семьи и в то же время с широкими возможностями для большого количества временных связей, представляется обоснованным. По мнению других авторов, изучающих вопросы мобильного труда и его воздействия на семью, вахтовый труд укрепляет семью, поскольку дает не только возможность много путешествовать и тем самым регулярно отдыхать от семейных обязанностей, но и ощущение новизны отношений в браке (Саксингер и др. 2014: 87). В.В. Маркин и А.Н. Силин в социологических очерках о человеческом капитале регионов Российской Арктики также утверждают, что постоянное проживание на Крайнем Севере в связи с жесткими климатическими и социально-экономическими условиями более пагубно для сохранения семьи, чем вахтовый режим работы (Маркин, Силин 2021: 87). Вместе с тем эта точка зрения, безусловно, остается дискуссионной и чаще всего опровергается большинством исследователей (Акимов 2013: 103; Белоножко и др. 2022: 10). В то же время, изучая специфику реализаций функций в семьях специалистов вахтового труда, В.П. Серкин проводит семантическую оценку женщин, которые оценивают себя и своих мужей, работающих вахтовым методом. Автор делает вывод о негативных особенностях вахтового метода для семейных отношений и отмечает меньший уровень общения и решения совместных задач, развития внутрисемейных межличностных отношений, трудности в реализации психотерапевтической функции и функции духовного общения (Серкин 2012: 152).

Семейная жизнь один из основных критериев полноценной жизни человека, особенно в молодом возрасте, в период его становления. При определении стресса в семье необходимо учитывать не только характер

внутрисемейных отношений, но и переживания, связанные с болезнью или смертью близких, динамику семейного положения, а также возможности семейного отдыха. Такие параметры стрессовых семейных факторов, по результатам наших предыдущих исследований, оказались зависимыми от стажа работы экспедиционной вахтой и усугублялись с его ростом (Акимов 2023: 123; Каюмова и др. 2023: 53). Во многих случаях хронические стресс-факторы индивидуального уровня могут быть смоделированы как последствия более масштабных социальных, динамических и политико-экономических процессов, а станет ли данный фактор для человека эмоциональным стрессором или нет, определяется, во-первых, индивидуальным опытом и, во-вторых, его личностными особенностями (Силин 2021: 89). В связи с этим изучение динамики семейного статуса за длительный временной период демонстрирует крайнюю необходимость интенсификация профилактических и социальных программ, направленных на ослабление влияния психосоциальных факторов риска, дифференцировано для каждой возрастной категории и в зависимости от стажа работы экспедиционно-вахтовым методом в Арктической зоне.

К настоящему времени накоплено большое количество исследований как по брачному статусу, так и в отношении других характеристик, основанных на известной концепции факторов риска (Heinemann et al. 1998), которые являются научной базой для разработки профилактических программ на мировом, российском, региональном уровнях, а также в организованных коллективах разного профиля (Гафаров и др. 2024: 410; Хаснулин 1998: 72; August, Sorkin 2010: 1307; Tanaka et al. 2018: 310; Wilkinson, Marmot 2003: 218). Концепция факторов риска легла в основу разработанной нами в дальнейшем социальной модели для вахтовиков, одним из аспектов которой являются результаты, представленные в данном исследовании.

**Ассоциации семейного статуса с некоторыми параметрами
ответственности за свое здоровье среди мужчин,
занятых экспедиционно-вахтовой формой труда,
в зависимости от стажа работы в Арктике**

По данным социологического исследования на промышленном предприятии ЕВРАКОР (2022–2023) были проанализированы ассоциации некоторых показателей заботы и ответственности за здоровье при наличии либо отсутствии спутника жизни в зависимости от стажа работы экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики.

Наибольшую заботу о своем здоровье проявляли лица с наличием спутника жизни при стаже работы экспедиционной вахтой 10 и более лет

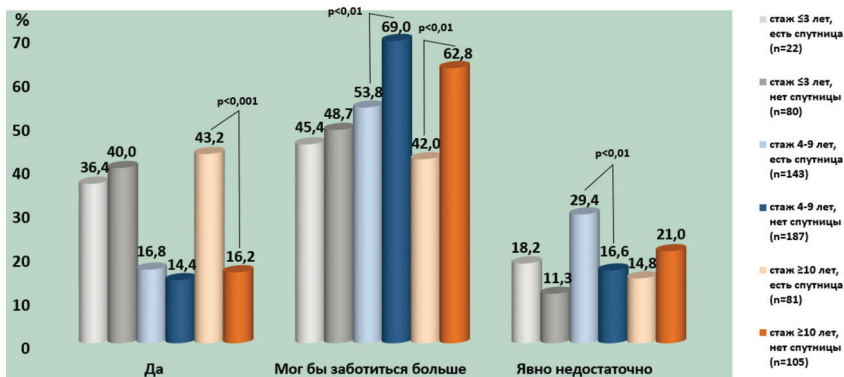

Рис. 4. Забота о своем здоровье в зависимости от стажа работы среди работающих экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики (по данным исследования на предприятии ЕВРАКОР) (%)

(43,2 % vs 16,2 %; $p < 0,001$). В обеих группах длительной работы экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики, т.е. при стаже 4–9 (69,0 % vs 53,8 %; $p < 0,01$) и 10 и более лет (62,8 % vs 42,8 %; $p < 0,01$), при отсутствии спутника жизни было продемонстрировано желание большей заботы о своем здоровье. При наличии спутника жизни превалировало и мнение о явно недостаточной заботе о своем здоровье в группе со стажем экспедиционной вахты 4–9 лет (29,4 % vs 16,6 %; $p < 0,01$) (рис. 4).

Касательно действий респондентов при плохом самочувствии статистически значимые различия среди лиц с наличием и отсутствием спутника жизни были получены по двум противоположным ответам в группе со стажем 10 лет и более. Так, при наличии спутника жизни при плохом самочувствии вахтовики продолжали работать существенно реже, чем при отсутствии спутника жизни (24,7 % vs 49,5 %; $p < 0,001$), тогда как обращались к врачу реже соответственно одинокие мужчины (59,3 % vs 28,6 %; $p < 0,001$). При другой постановке вопроса при установлении температуры или симптомов гриппа в группе со стажем 10 лет и более определялись те же зависимости. Так, существенно больше одиноких мужчин продолжали работать в обычном режиме (46,6 % vs 19,8 %; $p < 0,001$). В то же время значительно реже оставались дома до достижения хорошего самочувствия (21,0 % vs 43,2 %; $p < 0,01$). Те же закономерности по первым вариантам ответов — продолжали работать (53,1 % vs 39,9 %; $p < 0,05$) и работали как обычно (50,8 % vs 37,1 %; $p < 0,05$) — сохранялись и при стаже работы экспедиционной вахтой 4–9 лет. При том же стаже работы экспедиционной вахтой 4–9 лет женатые работники при ухудше-

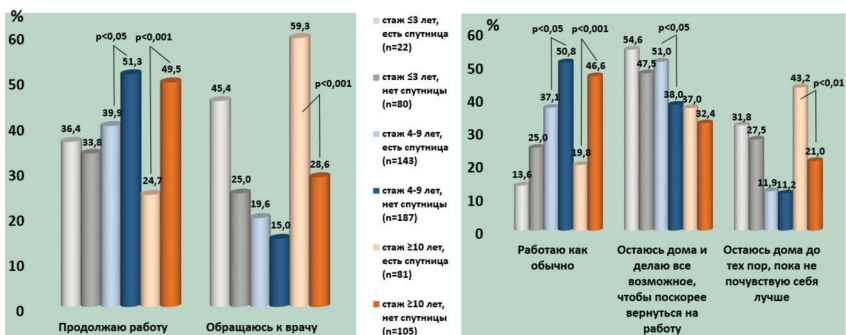

Рис. 5. Забота о своем здоровье в зависимости от стажа работы среди работающих экспедиционно-вахтовым методом в условиях Арктики (по данным исследования на предприятии ЕВРАКОР) (%)

нии самочувствия чаще оставались дома и делали все возможное, чтобы поскорее вернуться на работу (51,0 % vs 38,0 %; $p < 0,05$) (рис. 5).

Многочисленные исследования в Арктических и Антарктических экспедициях, а также наблюдения за жителями северных промышленных комплексов свидетельствуют о том, что в процессе зимовки у полярников возникают некоторые изменения психофизиологического состояния, которые проявляются в снижении скорости переработки информации, уменьшении диапазона регулирования уровня активации мозга, нарушении операторской деятельности, изменении психофизиологического и социального статуса. При изучении динамики некоторых механизмов психофизиологической адаптации в экстремальных условиях Крайнего Севера установлено, что ряд психофизиологических параметров, таких как лабильность нервной системы, время реакции на слабый и сильный раздражитель, показатель подвижности нервных процессов, ухудшаются к шестому месяцу проживания. Показатели остаются на этом уровне до восемнадцати месяцев и вновь ухудшаются к двадцать четвертому месяцу. К восемнадцатому месяцу пребывания на Севере наблюдается повышение показателей эмоциональной лабильности, тревожности, снижение индекса социальной адаптации. Этот период выделен как один из моментов возможного срыва психофизиологической адаптации (Казначеев 1986: 118). Психоэмоциональное напряжение в период адаптации к условиям полярных регионов является одним из основных звеньев мобилизации резервных возможностей организма. Успешность первого периода адаптации связана с наличием целевой психической установки у человека на успешную реализацию поставленных перед ним творческих и социальных

задач (Хаснулин 1998: 136). В то же время продемонстрировано, что изменение профиля как поведенческих, так и психосоциальных характеристик оказывает существенное влияние на уровень здоровья в тех случаях, когда научной базой для эффективного внедрения профилактических программ является грамотная оценка исходной информации в производственных коллективах (Смазнов и др. 2011: 26; Белоножко и др. 2022: 10; Акимов и др. 2024: 36). Подходы к профилактике и повышению здоровья с использованием таких механизмов управления имели место и на промышленных предприятиях Арктического региона, использующих метод экспедиционно-вахтовой организации труда (Маркин, Силин 2021: 76). Однако показано, что условиями выполнения поставленных задач являются корректно проведенные социологические исследования среди вахтовиков с определением основных характеристик социального статуса, прежде всего семейного, в этой категории работающих (Кривошеков, Охотников 2000: 110; Wilkinson, Marmot 2003; August, Sorkin 2010: 1304). Путем направленного воздействия на изученные характеристики здоровья и определения конечных точек (изменение ответственности и заботы о своем здоровье) возможна оценка эффективности превентивных мероприятий у данного контингента (Акимов 2023: 120). При этом необходимым и существенным является определение вектора движения социологической ситуации среди работников, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда, за длительный временной период (Силин 2016: 122).

На основании установленных закономерностей разработана двухкомпонентная модель и механизм управления модифицируемыми факторами риска на основе двухуровневой системы оценки и мониторинга для работников нефтегазодобывающего комплекса, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда, с учетом возраста, ценностных, поведенческих, стрессовых параметров, стажа работы в условиях Арктического региона, вектора движения социального градиента за 35 лет динамического наблюдения (Акимов и др. 2024: 36; Каюмова и др. 2023: 52).

Комплексное решение поставленных задач для достижения конечных точек — изменения отношения к здоровью, профилактике, медицинской помощи среди работающих экспедиционной вахтой в Арктике — предполагает целенаправленное воздействие на управляемые факторы риска в «рискогенных группах» как на месте работы, так и на месте проживания вахтовиков. Сложившаяся у вахтовиков ситуация по социальному градиенту за 35-летний период мониторинга, весьма неблагоприятная в отношении семейного статуса, косвенно может подвергаться воздействию со стороны администрации предприятий. В связи с этим механизм реализации модели, касающийся представленных ассоциаций семейного статуса

и отношения вахтовиков к своему здоровью, предполагает: 1) внедрение оптимальных, регулярных режимов работы «вахта — отдых» с возможностью пребывания в семье от двух до четырех недель через равные промежутки времени; 2) индивидуальные и групповые занятия с психологом для нивелирования стресса в семье среди работающих в режиме экспедиционной вахты; 3) гарантированные социальные привилегии для работников с длительным стажем работы экспедиционной вахтой; 4) при позитивной динамике отношения к своему здоровью, профилактике и медицинской помощи организацию на промышленных предприятиях ежегодной системы поощрения для лиц, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда в условиях Арктики.

Заключение

Результаты социологического исследования продемонстрировали динамику семейного статуса и здоровьесбережения работников, занятых в режиме экспедиционной вахты на нефтегазодобывающем комплексе Арктического региона РФ. Определены возрастные и временные тренды семейного статуса и некоторые параметры ответственности за здоровье у мужчин экономически активного возраста, их ассоциаций в зависимости от стажа работы экспедиционно-вахтовым методом в Арктике. Полученные данные могут стать научной основой для формирования эффективных социально-управленческих механизмов в условиях Арктики по реализации социального регулирования жизнедеятельности среди мужчин, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда.

Литература / References

Акимов А.М. (2013) Стресс в семье и социальная поддержка в открытой мужской популяции. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 6: 103–105.

Akimov A.M. (2013) Family stress and social support in an open male population. *Istoricheskaya i obshchestvenno-pedagogicheskaya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 6: 103–105 (in Russian).

Акимов А.М. (2023) О некоторых социальных характеристиках хронического стресса вахтовиков в условиях Арктики. *Социологические исследования*, 5: 154–159. <https://doi.org/10.31857/S013216250022670-0>.

Akimov A.M. (2023) About some social characteristics of chronic stress of shift workers in the Arctic conditions. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 5: 154–159. <https://doi.org/10.31857/S013216250022670-0> (in Russian).

Акимов А.М., Гакова Е.И., Каюмова М.М., Бессонова М.И., Лебедев Е.В., Новоселов А.В., Акимова Е.В., Гафаров В.В. (2024) Табакокурение и его ассоциа-

ции с отношением к здоровью мужчин 25–54 лет, работающих экспедиционно-вахтовым методом в Арктическом регионе Западной Сибири. *Профилактическая медицина*, 27(4): 32–37. <https://doi.org/10.17116/profmed20242704132>.

Akimov A.M., Gakova E.I., Kayumova M.M., Bessonova M.I., Lebedev E.V., Novoselov A.V., Akimova E.V., Gafarov V.V. (2024) Tobacco smoking and its associations with the health attitude in men of 25–54 years working on an expeditionary-rotational basis in the Western Siberia Arctic region. *Profilakticheskaya meditsina* [Russian Journal of Preventive Medicine], 27(4): 32–37. <https://doi.org/10.17116/profmed20242704132> (in Russian).

Акимов Е.В., Каюмова М.М., Смазнова О.В., Акимов А.М., Гафаров В.В., Смазнов В.Ю., Кузнецов В.А. (2012) Психосоциальная составляющая здоровья в тюменской мужской популяции 25–64 лет. *Мир науки, культуры, образования*, 1(32): 257–260.

Akimova E.V., Kayumova M.M., Smaznova O.V., Akimov A.M., Gafarov V.V., Smaznov V.Yu., Kuznetsov V.A. (2012) Psychosocial component of health in the Tyumen male population aged 25–64 years. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2012;1(32): 257–260 (in Russian).

Белоножко М.Л., Белоножко Л.Н., Барбаков О.М., Ишкина Е.Г. (2022) Роль социального здоровья населения в развитии Арктики. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, 15(4): 9–24. <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-4-9-24>.

Belonozhko M.L., Belonozhko L.N., Barbakov O.M., Ishkina E.G. (2022) The role of social health of the population in the development of the Arctic. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics], 4: 9–24. <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-4-9--24> (in Russian).

Гафаров В.В., Акимов Е.В., Трубачева И.А., Гагулин И.В., Кавешников В.С., Каюмова М.М., Гакова Е.И., Акимов А.М., Новоселов А.В., Гафарова А.В., Громова Е.А. (2024) Вклад психосоциальных факторов в выживаемость, риск развития сердечно-сосудистых заболеваний среди лиц 25–64 лет в Сибири (Новосибирск, Тюмень, Томск): результаты кросс-секционных и когортных исследований 1981–2020 гг. *Атеросклероз*, 20(4): 397–412. <https://doi.org/10.52727/2078-256X-2024-20-4-397-412>.

Gafarov V.V., Akimova E.V., Trubacheva I.A., Gagulin I.V., Kaveshnikov V.S., Kayumova M.M., Gakova E.I., Akimov A.M., Novoselov A.V., Gafarova A.V., Gromova E.A. (2024) The contribution of psychosocial factors to survival, the risk of developing cardiovascular diseases among people 25–64 years old in Siberia (Novosibirsk, Tyumen, Tomsk): results of cross-sectional and cohort studies 1981–2020. *Ateroskleroz*, 20(4): 397–412. <https://doi.org/10.52727/2078-256X-2024-20-4-397-412> (in Russian).

Казначеев В.П. (1986) *Клинические аспекты полярной медицины*. М.: Медицина.

Kaznacheyev V.P. (1986) *Clinical aspects of polar medicine*. Moscow: Meditsina (in Russian).

Каюмова М.М., Бессонова М.И., Гафаров В.В., Гакова Е.И., Акимов А.М., Лебедев Е.В., Новоселов А.В., Петелина Т.И., Акимова Е.В. (2023) Ассоциации депрессии с параметрами отношения к медицинской помощи в открытой городской популяции, гендерный аспект. *Врач*, 34(8): 48–53. <https://doi.org/10.29296/25877305-2023-08-09>.

Kayumova M.M., Bessonova M.I., Gafarov V.V., Gakova E.I., Akimov A.M., Lebedev E.V., Novoselov A.V., Petelina T.I., Akimova E.V. (2023) Associations of depression with parameters of attitude towards medical care in an open urban population, gender aspect. *Vrach [Doctor]*, 34(8): 48–53. <https://doi.org/10.29296/25877305-2023-08-09> (in Russian).

Каюмова М.М., Акимов А.М., Бессонова М.И., Гафаров В.В., Лебедев Е.В., Гакова А.А., Акимова Е.В. (2023) Ассоциации стресса в семье, параметров отношения к здоровью и его самооценка у работающих экспедиционно-вахтовым методом в Арктике. *Профилактическая медицина*, 26(10): 49–54. <https://doi.org/10.17116/profmed20232610149>.

Kayumova M.M., Akimov A.M., Bessonova M.I., Gafarov V.V., Lebedev E.V., Gakova A.A., Akimova E.V. (2023) Associations of stress in family, parameters of health attitude and self-rating in expeditionary rotation schedule workers of the Arctic region. *Profilakticheskaya meditsina [The Russian Journal of Preventive Medicine]*, 10: 49–54. <https://doi.org/10.17116/profmed20232610149> (in Russian).

Кривошеков С.Г., Охотников С.В. (2000) Производственная миграция и здоровье человека на Севере. М.; Новосибирск: СО РАМН.

Krivoshchekov S.G., Okhotnikov S.V. (2000) *Proizvodstvennaya migratsiya i zdorov'ye cheloveka na Severe [Industrial migration and human health in the North]*. Moscow; Novosibirsk: SO RAMN (in Russian).

Курбатова Л.Н., Стегний В.Н., Тарасова Е.О. (2024) Институционализация гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры как отражение трансформации семьи и брака. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 65–105. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.3>.

Kurbatova L.N., Stegnyiy V.N., Tarasova E.O. (2024) Institutionalization of gender-sexual and reproductive-matrimonial culture as a reflection of the transformation of family and marriage. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 27(3): 65–105. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.3> (in Russian).

Маркин В.В., Силин А.Н. (2021) Человеческий капитал регионов российской Арктики: социологические очерки. М.: Вологодский научный центр РАН.

Markin V.V., Silin A.N. (2021) *Human capital of the regions of the Russian Arctic: sociological essays*. Moscow: Vologodskiy nauchnyy tsentr RAN (in Russian).

Саксингер Г., Эфнер Э., Шакирова Э., Иванова М., Яковлев М., Гареев Э. (2014) «Я готов!»: новое поколение мобильных кадров в российской нефтегазовой промышленности. *Сибирские исторические исследования*, 3: 73–103.

Saxinger G., Efner E., Shakirova E., Ivanova M., Yakovlev M., Gareev E. (2014) “I’m ready!”: the next generation of mobile professionals in the Russian oil and gas industry. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 3: 73–103 (in Russian).

Серкин В.П. (2012) Специфика реализации функций семьи при работе мужа вахтовым или сезонным методом. *Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки»*, 2(20): 146–154.

Serkin V.P. (2012) Specifics of family functions in conditions of husband’s seasonal or rotating work. *Vestnik nauchnykh trudov KRASETSA. Seriya “Gumanitarnyye nauki”* [Bulletin of the KRASEC. Series “Humanities”], 2(20): 146–154 (in Russian).

Силин А.Н. (2016) *Социальные проблемы Арктического региона*. Тюмень: ТИУ.

Silin A.N. (2016) *Social problems of the Arctic region*. Tyumen: TIU (in Russian).

Силин А.Н. (2021) *Вахтовый труд в Арктике: социально-пространственный дискурс*. Тамбов: Юком.

Silin A.N. (2021) *Shift work in the Arctic: socio-spatial discourse*. Tambov: Yukom (in Russian).

Синельников А.Б. (2018) Семья и брак: кризис или модернизация. *Социологический журнал*, 24(1): 95–113.

Sinelnikov A.B. (2018) Family and marriage: crisis or modernization. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 24(1): 95–113 (in Russian).

Смазнов В.Ю., Каюмова М.М., Акимова Е.В., Бессонова М.И., Каюмов Р.Х., Загородных Е.Ю., Гафаров В.В., Кузнецов В.А. (2011) Информированность, отношение к своему здоровью и профилактике в мужской сибирской популяции. *Профилактическая медицина*, 4: 24–27.

Smaznov V.Yu., Kayumova M.M., Akimova E.V., Bessonova M.I., Kayumov R.Ch., Zagorodnich E.Yu., Gafarov V.V., Kuznetsov V.A. (2011) Awareness, attitude towards one’s health and prevention in the male Siberian population. *Profilakticheskaya meditsina* [The Russian Journal of Preventive Medicine], 4: 24–27 (in Russian).

Хаснулин В.И. (1998) *Введение в полярную медицину*. Новосибирск: СО РАМН.

Khasnulin V.I. (1998) *Introduction to polar medicine*. Novosibirsk: SO RAMN (in Russian).

August K.J., Sorkin D.H. (2010) Marital status and gender differences in managing a chronic illness: the function of health-related social control. *Soc. Sci. Med.*, 46: 1303–1312.

Heinemann L. (1998) The Risk Factor Concept in Cardiovascular Disease. In: Stellman J.M. (eds.) *Encyclopaedia of Occupational Health and Safety*. International Labour Office: 34–39.

Tanaka A., Shipley M.J., Welch C.A., Groce N.E., Marmot M.G., Kivimaki M., Sing-Monoux A., Brunner E.J. (2018) Socioeconomic inequality in recovery from poor physical and mental health in mid-life and early old age: prospective Whitehall II cohort study. *J Epidemiol Community Health*, 72(I.4): 309–313.

Wilkinson R., Marmot M. (2003) *Social determinants of health: the solid facts*. Denmark: WHO.

FAMILY STATUS AND HEALTH MAINTENANCE OF EXPEDITIONARY-SHIFT WORKERS IN THE ARCTIC

Alexander M. Akimov^{1,2} (akimovam@infarkta.net)

¹ Tyumen Cardiology Research Center — Branch of the Tomsk NIMC
of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

² Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Citation: Akimov A.M. (2026) Family status and health maintenance of expeditionary-shift workers in the Arctic. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 40–61 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.2> EDN: AIHSXR

Abstract. The paper presents the results of a medical and sociological study aimed at preserving the health of workers employed on expeditionary shifts in the oil and gas production complex of the Arctic region of the Russian Federation. Without taking into account the value characteristics of attitudes towards health and the social status of “shift workers”, part of which is family status, the implementation of social regulation of life activity among men engaged in expeditionary rotational work does not seem possible. This determines the relevance of this work as a scientific basis for the formation of effective social and managerial mechanisms in the Arctic. The purpose of the study was to determine age and time trends in marital status and some parameters of responsibility for health among men of economically active age, their associations depending on the length of time they worked as expeditionary rotation workers in the Arctic. The study was conducted on two representative samples formed at industrial enterprises of the oil and gas production complex in the time range of 35 years, among men 25–54 years old, employed on expeditionary shifts in the Arctic region of the Russian Federation. Among males aged 25–54 years engaged in expeditionary and shift work in the Arctic region, 35-year trends have been identified in the age range towards an increase in the proportion of single men in each of the three decades of life 25–34, 35–44, 45–54 years and a more than twofold decrease in the proportion of registered marriages. According to the sociological study of 1987–1988 (GDU), with increasing age, a natural increase in

the proportion of men in marriage has been established. According to the 2022–2023 sociological study (EURACOR), in the third decade of life, compared to older age categories, an increase in the proportion of married men is determined, as well as an increase in the proportion of single men, both previously married and unmarried. At industrial enterprises in the Arctic, 35-year trends have been established towards an increase in the proportion of single men in extreme positions — with less than three and more than ten years of work experience, towards a decrease in the proportion of registered marriages regardless of the length of service in expeditionary and shift work. With more than three years of work experience in expeditionary shift work in Arctic conditions, men with a life partner are determined to have the greatest care and responsibility for their health.

Keywords: men, economically active age, expeditionary rotational work, marital status, responsibility for health, Arctic.

«ТЯНЕТСЯ ТРУБА КАК СУДЬБА»: СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГАБИТУСА ВАХТОВИКА-СТРОИТЕЛЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД¹

Светлана Владимировна Тюлюпо¹ (svetdy@mail.ru),
Ольга Михайловна Шадуйко¹,
Баирма Антоновна Дашиева¹,
Виталий Владимирович Тюлюпо²

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² АНО ДПО «Учебный комбинат СтройНефтеГаз», Томск, Россия

Цитирование: Тюлюпо С.В., Шадуйко О.М., Дашиева Б.А., Тюлюпо В.В. (2026) «Тянется труба, как судьба»: социетальные предпосылки габитуса вахтовика-строителя нефтегазового комплекса в постсоветский период. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 62–99. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.3> EDN: AKELLR

Аннотация. Представлены результаты междисциплинарного научного проекта, ориентированного на выявление тенденций качества жизни населения трудодефицитных территорий России. Цель статьи — раскрыть структуру и механизм ключевых социетальных влияний, определивших преобразование жизненного мира и траектории социального благополучия вахтовых работников нефтегазового комплекса (НГК) России в период 1990–2020-х годов. Эмпирическую базу составили биографические интервью вахтовиков-строителей. Качественный анализ, выполненный в логике обоснованной теории с применением концепции габитуса П. Бурдьё, позволил выявить ключевые взаимосвязи между социетальными процессами и трансформацией поля труда. Результаты показывают, что приток в отрасль новых когорт работников (высвобожденных промышленников, сельских жителей, мигрантов) с predisпозициями выживания стал агентом системных изменений. Их габитус, характеризующийся непритязательностью, правовой пассивностью и ориентацией на краткосрочный доход, легитимировал сверхинтенсивные режимы труда и «серые» схемы оплаты как допустимые и даже предпочтительные. Работодатели использовали эти практики как конкурентное преимущество, что сформировало гиперустойчивое организационное поле, воспроизводящее прекарность и уязвимость. Исследование вносит вклад в понимание механизмов прекарнизации труда в России, демонстрируя долгосрочное влияние социетальных потрясений, опосредованных изменением состава и габитуса рабочей силы, на социальное благополучие вахтовиков.

Ключевые слова: Сибирь, нефтегазовый комплекс (НГК), вахтовый метод организации труда (ВМОТ), вахтовик, компоненты окружающей среды, социальный габитус, социальное благополучие.

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы «Приоритет 2030» ТГУ (проект № 2.2.1.24 ОНГ).

Введение

Феномен вахты сегодня можно рассматривать как один из системообразующих механизмов освоения ресурсных регионов России. Конструкт «вахтовый метод» давно перерос первоначальные заданные в 1981 г. узкие рамки контекста, в пределах которого он маркирует конкретный метод организации труда (Госкомтруд СССР, Секретариат ВЦСПС, 1981). Он стал ключевым элементом жизнеустройства территорий, социальной мобильности и особой формы бытия для сотен тысяч человек. Однако научная рефлексия этого феномена, несмотря на его масштаб и значимость, остается фрагментарной и страдает от дисциплинарной разобщенности, зачастую подменяя анализ сложного социального целого констатацией его отдельных, чаще всего проблемных аспектов.

Исторически первое и наиболее разработанное направление изучения вахтового труда сложилось в русле советской медико-биологической науки. Ее фундаментальный вклад состоит в объективации физиологической «цены» адаптации человека к экстремальным условиям Севера и в научном обосновании базовых регламентов труда и отдыха (Казначеев 1980; Медведев и др. 1984). Современные исследования, развивая эту традицию, раскрывают психофизиологические механизмы снижения показателей здоровья вахтовиков (Кривошеков 2016; Дегтева, Зубов 2017; Корнеева и др. 2021). Закономерным эффектом этого подхода является объективация биопсихической составляющей жизнедеятельности работника. Его исследовательской оптике оказались недоступными исторически изменчивые социальные, технологические и организационные условия, формирующие «экстремальность», с которой вынужден справляться организм вахтовика.

Второй массив исследований, сложившийся в постсоветский период, сместил фокус в плоскость экономики и прикладного менеджмента. Эти работы, отвечая на актуальный отраслевой запрос, концентрируются на проблемах кадрового обеспечения, эффективности, мотивации и удовлетворенности трудом (Ананенков 2010; Корнеева и др. 2024; Пучков 2007; Силин 2021). Однако, будучи ограничены прагматической логикой «запрос — оптимизационное решение», они оставляют за скобками главное: каким образом экономические и технологические модели преломляются в повседневных практиках, трудовых отношениях и в конечном счете формируют стратегии выживания и траектории благополучия самих работников?

Отчасти этот пробел заполняют единичные работы социально-антропологической направленности. Смещая фокус с макроструктур на

жизненный мир самих вахтовиков, они позволяют увидеть за «трудовым ресурсом» человека с его мультилокальностью и семейными компромиссами (Серкин 2012; Saxinger 2016). Вносят вклад в это направление и исследования стратегий совладания с профессиональными рисками (Белых и др. 2016; Симонова и др. 2016). Доминирование в этом сегменте строгих психометрических подходов ограничило чувствительность направления к проявлениям субъектности, агентности вахтовиков. Способы осмысления ими своей жизненной траектории, вписанной в множественные пространственные локации, пути поиска способов, позволяющих контролировать риски, связанные со спецификой труда, остаются в этом контексте нераскрытыми.

Вместе с этим механизм трансляции макросоциальных изменений в измерения микросредового окружения и жизненного мира вахтовиков часто остается имплицитным. Между тем повседневные практики и структурируемые этими обстоятельствами диспозиции работников, различия, задаваемые местом в производственной иерархии, структурой трудового договора и степенью включенности в системы корпоративной поддержки, являются ключевыми для понимания траекторий их социального благополучия и содержания социального опыта, формируют их доминирующие уязвимости и определяют дихотомии карьерных траекторий (Гатти, Федорова 2014; Тартаковская, Ваньке 2019).

Таким образом, в исследовательском поле возникает существенная лакуна. Мы имеем, с одной стороны, узкую фокусировку исследователей на объективных, зачастую негативных аспектах (физиологических, экономических, бытовых) вахтового труда, с другой — растущее внимание к субъективному опыту и уязвимостям вахтовых работников. При этом отсутствуют исследования, которые показывают, как именно в повседневных практиках, отношениях и биографиях вахтовиков-строителей проявляются и трансформируются влияния макропроцессов (деиндустриализации, становления рынка труда и т.д.).

Этот пробел, в свою очередь, блокирует выдвижение иных исследовательских вопросов и предположений, например о глубинных механизмах воспроизводства прекарных практик, девиаций и социального неравенства в вахтовой среде нефтегазового комплекса (НГК) как индивидуальной репрезентации современных трендов социального развития, влияющих на социальное благополучие отдельных групп трудоспособного населения и на устойчивость общества в целом (Тощенко 2015; Федорова и др. 2016).

Таким образом, возникает необходимость в глубинном качественном исследовании, которое, избегая предзаданных теоретических схем, позволит реконструировать субъективный опыт, практики и биографические

траектории вахтовиков-строителей в их взаимосвязи с меняющимся социальным контекстом.

Цель статьи — на основе биографических кейсов раскрыть структуру и механизм ключевых социетальных влияний, определивших преобразование жизненного мира и траектории социального благополучия вахтовых работников НГК России в период 1990–2020-х годов. Следуя этой цели в соответствии с логикой обоснованной теории (Страусс, Корбин 2001), мы не выдвигаем априорных гипотез о природе и механизме этих влияний, а, опираясь на возможности предусмотренных выбранным дизайном алгоритмов кодирования данных биографических интервью, последовательно решаем следующие задачи: 1) выявить ключевые феномены, раскрывающие вклад социетальных процессов исследуемого периода в организационные преобразования, способные влиять на благополучие вахтовиков; 2) реконструировать наиболее общие феномены трансформации жизненного мира вахтовиков-строителей, заданные сочетанием социетальных и организационных изменений; 3) сформулировать теоретическое обобщение относительно природы и механизма сопряжения перечисленных силовых векторов в рамках теории, обеспечившей максимальную емкость и продуктивность обобщений. В качестве таковой на этапе синтетико-теоретических обобщений мы обращаемся к концепции формирования и трансформации социального габитуса (Бурдые 2007).

Материалы и методы

Контекст исследования и стратегия теоретического синтеза

Статья представляет результат заключительного этапа междисциплинарного проекта (2018–2025), посвященного трансформации образа жизни сообществ Западной Сибири (Каллаган и др. 2020). В фокусе проекта находился вопрос о том, как глобальные трансформации (климатические, экономические, социальные) преломляются в образе жизни, практиках и субъективном благополучии различных групп региона, включая вахтовых работников НГК.

Первичный анализ биографических интервью с вахтовиками-строителями выполнялся в логике обоснованной теории (Страусс, Корбин 2001), что позволило выявить базовые эмпирические паттерны их трудовых и бытовых практик. На этапе теоретического синтеза наиболее эвристичной оказалась концепция социального габитуса (Бурдые 2007). Она позволила системно связать трансформацию внешних условий, структурирующих поле вахтового труда, с изменением глубинных диспозиций работников, определяющих их стратегии и траектории благополучия.

Материал

Исследование построено на нарративах вахтовиков-строителей НГК — группы, гомогенной по условиям труда и быта, что позволяет рассматривать ее как класс акторов (Бурдые 2007).

Выбор этой группы обусловлен тремя причинами.

1. Структурная уязвимость. В отличие от эксплуатационных подразделений компаний НГК, строительные подразделения в ходе постсоветских реформ были выведены на субподряд как отдельные организации. Это превратило их сотрудников в наиболее прекарную категорию, обреченную на демпинг оплаты, депривацию быта и нестабильность занятости.

2. Открытость их опыта эмпирическому исследованию. Высокая текучесть и отсутствие долгосрочных обязательств перед конкретным работодателем сделали эту группу более открытой для интервью: информированное согласие охотнее давали строители, уже свободные от контрактов с обсуждаемыми организациями.

3. Внутренняя разнородность при общности условий. Различаясь по специальностям (сварщики, изолировщики, механизаторы), информанты занимают сходное место в производственной иерархии и подчиняются единой логике поля. При этом, в отличие от работников периферийных сервисов (кейтеринг, охрана), они интегрированы в ключевые технологические процессы отрасли.

В качестве информантов выступили пять мужчин 55–65 лет с вахтовым стажем 16–25 лет. Все прошли путь от рабочего до ИТР, работали как в субподрядных, так и в головных организациях на ключевых проектах (ВСТО, «Северный поток») в Сибири, на Дальнем Востоке и европейской части РФ. Их совокупный опыт охватывает распад советской системы (1990-е), становление рыночных отношений (2000-е) и корпоративную унификацию (2010–2020-е). Часть материала имеет автоэтнографический характер (В.В. Тюлюпо — в тексте статьи представленные им данные будут маркироваться ВВТ). Насыщение пакета эмпирических данных, положенных в основание исследование, и контроль риска искажений, обусловленных субъективизмом исследователя, обеспечено сочетанием следующих методологических условий. Во-первых, инсайдерской позицией в отраслевом поле В.В. Тюлюпо и наличием у него дружеских связей с другими информантами. Использование возможностей доступа к интересующим нас вопросам на основании данных, представленных респондентами, находящимися в позиции *friendly insider*, позволило сочетать возможности таких методов, как вовлеченное наблюдение, полевые записки, случайные нарративы и глубинное интервью, базирующееся на

доверии информанта исследователю (Taylor 2011). В целях расширения тематического горизонта и контроля риска искажения данных, сопряженного с субъективной позицией исследователя, был использован триангуляционный подход (Flick 2014). В этом контексте в качестве комплементарного пакета данных использовались документы, раскрывающие историю отрасли, паттерны вахтового фольклора и фальшлора, представленные на видеохостингах, обсуждение того или иного феномена вахтовой жизни в чатах и форумах профессионального сообщества, нарративы случайных респондентов, столкнувшихся с проблематикой вахты. Таким образом, задача теоретического насыщения материала решалась посредством сочетания методов, наиболее чувствительных к культурному своеобразию качественных антропологических данных, способных обеспечить доступ к малодоступным для сторонних исследователей и политически ангажированным явлениям (Bayard De Volo, Schatz 2004; Coffey 1999; Flick 2014; Taylor 2011). Основные интервью собраны в 2009 г. и дополнялись нарративами вплоть до 2025 г. Материал, раскрывающий динамику преобразований социального поля, которые связаны с проблематикой пандемии и СВО, из анализа исключен, поскольку задает тренды, требующие отдельного анализа.

Метод

Эмпирический метод обеспечен возможностями полуструктурированного интервью. Его функциональное ядро обеспечивал фокус на происхождении коллег по бригаде, нормах отношений и взаимодействия, динамике этих норм в связи с изменениями в стране. Релевантный материал отбирался также из спонтанных нарративов респондентов, описывающих разные периоды их вахтовых ротаций. Вопрос о степени релевантности выявляемых тем, формируемых категорий и осей описываемому респондентами положению дел в интересующем нас отраслевом поле уточнялся посредством дополнительного расспроса. Параллельно с этим решались задачи триангуляционного сканирования комплементарных кейсов и проводилось постоянное сравнение и кодирование. К моменту, когда новые интервью и дополнительные материалы перестали порождать новые категории в рамках выделенных феноменов (трансформация габитуса, легитимация прекарных практик и др.), было зафиксировано теоретическое насыщение в соответствии с логикой обоснованной теории (Страусс, Корбин 2001).

Открытое и осевое кодирование эмпирического материала позволило выявить устойчивые темы и их смысловые взаимосвязи, а финальная концептуализация выводов с опорой на теорию габитуса Бурдьё — рекон-

струировать объективные «правила игры» поля. В данной статье мы фокусируемся на том, как макропроцессы (деиндустриализация, кризис села, миграции) определили приток в отрасль новых когорт работников и тем самым трансформировали базовые нормы труда и профессиональную самооценку, т.е. социальный габитус, задающий траектории благополучия в долгосрочной перспективе.

Результаты

Анализ нарративов информантов позволяет реконструировать ключевые социетальные процессы, сформировавшие поле для становления постсоветского производственного габитуса вахтовиков-строителей. Ниже мы проследим эту динамику от начала 1990-х годов. Детальный анализ феноменов, преломляющих влияние этих процессов в мезосоциальных практиках и субъективном опыте наших информантов, мы пока оставляем вне фокуса анализа.

«Новая» рабочая сила и ее диспозиции: парадоксы пространственно-временного перехода в макрорегиональном измерении

Распад СССР повлек дезинтеграцию отраслевых гигантов, выбросив на рынок труда массы высоко квалифицированных рабочих¹. Они стремились трудоустроиться целыми коллективами, принося с собой сложившиеся нормы взаимодействия и высокие требования к организации работ, и находили спрос у новых частных организаций, претендовавших на контракты в НГК. Данный период и характер социального перехода отражены в нарративах наших информантов.

Ну, вот... Ч., М. (ВВТ перечисляет своих товарищей по бригаде, в которой работал в 1994–1996 гг.), они все с «Химстроя» пришли. Туда много народу в свое время съехалось, кто с Союза, кто из области. Всесоюзная же стройка была. Там бригадой работали, там квартиры получили... Они все семьями дружили. И жены и дети друг друга знали. И потом по всем предприятиям бригадой увольнялись, бригадой устраивались.

У многих рабочих при этом существовал опыт прямого делового взаимодействия с ведущими специалистами и руководителями предприятий, соответствующий сложившимся в советский период нормам взаимодействия акторов производства. При этом опытный рабочий — мастер

¹Такова, например, история Управления «Химстрой» в Томске.

своего дела — по традиции, сформировавшейся в советский период, мог принимать участие в производственных совещаниях, посвященных решению особо трудных вопросов — прохождению болотистого участка, перебазировке. Возможность внести предложения в решение подобных вопросов, уважительное отношение руководства, представляющего советскую традицию управления, обеспечивало в качестве своеобразного немонетарного вознаграждения труда ощущение собственной значимости, создавало для молодых рабочих своего рода аттрактор для формирования приверженности конкретному руководителю, организации, подразделению. Уже к окончанию 1990-х практика привлечения опытных рабочих к выработке коллегиальных решений в решении трудных трудовых задач была редуцирована.

Участок болота проходили по зиме. Там зубры в бригаде. Уже лет по десять по северам все. Говорили: «Гатить надо болото! Мерзлоту сохранить». Начальник — молодой, азартный: «Без советчиков обойдемся! Так пройдем. Время еще тратить!» Ага! (зло смеется) Прошли!!! В марте — туда. Обрато — в августе. Сунулись, а там... Ой! Растаяла мерзлота-то! Ну кто-бы мог подумать!!!

Нарративы восходящие к этому периоду указывают на то, что ключевыми носителями установок на ценностное, персонифицированное отношение к опытному рабочему являлись именно инженерно-технические работники, пришедшие с профильных предприятий советского периода: *Технику теряем — это не самое страшное. Люди уходят! Лучшие люди! Машины новые купим. Специалистов таких больше не будет* (собственное наблюдение ВВТ), — и частных контекстах: *Он (называют фамилию директора) такой к конторе подходит — Н. (фамилия рабочего) лежит пьяный. Он (директор) начальнику (вахтовой смены) — Ты что, не видишь? У тебя тут человек лежит? Простудится же! Быстро, перенеси (в «контору»)!* Ну, этот Н. слесарь. Они вместе с (имя директора) объект начинали. Этот Н. — не знаю, чего он не может в своем деле?! Ну, да... Алкоголик... Но мастер, да! Если никто не знает, как сделать — отдайте Н. — он сделает! (БВГ, интервьюер В. Тюлюпо).

Приходящие во вновь создаваемые ООО и АО рабочие хранили в памяти щедрые практики доставки с вахты на вахту, обеспеченные возможностями вертолетных парков, еще находившихся во второй половине 1980-х в распоряжении отраслевых гигантов (арендованных ими на постоянной основе).

Они еще какое-то время как при Советах жили. С вахты летят. Летчику: «Вот тут тормозни!» Так его (называет имя рабочего)

прямо на его собственное картофельное поле высаживали (ВВТ, ок. 1996 г.).

Аналогичные нарративы транслировал, относясь к раннему постсоветскому периоду, каждый из информантов. Подобные практики становились событием уже для семьи вахтовика, создавая ему некую ауру в глазах семьи, детей, соседей. Экстренно «добросить» работника или небольшой груз до труднодоступного участка можно было «с оказией» не только на попутной вахтовке или трубовозом, но и с «попутным» вертолетом. Дружелюбие по отношению к вахтовикам со стороны служб вахтовой авиации в поздний советский период и чуть позже представляется сегодня просто фантастическим.

Мы студентами практику закончили. Фронта работ больше нет — чего здесь сидеть!? Дневники подписали... На плоту, потом пешкодралом — до аэродрома добрались. На вахтовый самолет: «Мы — студенты. До Томска добросьте!» — «Садитесь!» Ну, не помню, паспорта мы, быть может, показали. Ничего у нас не спросили больше. Денег не взяли (СКБ; аналогичный нарратив представляет ВВТ, 1988 — 1990-е гг.¹).

Атомизация инфраструктуры НГК к середине 1990-х привела к повсеместному отказу профильных предприятий, прежде всего строительных, от доставки вахтовиков чартерными авиарейсами. Работники, следовавшие к месту сбора железнодорожным транспортом, оказались в ситуации повышенной уязвимости, пополняя «кормовую базу» мошенников, ранее промышлявших преимущественно на «бичевозах». Наш информант свидетельствует:

*Газеты-журналы, еду-напитки — девочки развоят... Юбки у девочек чуть ниже пояса кончаются. Естественно, такое: «Вот знал же, что с этими *** пить нельзя! И что теперь!? Денег нет! Документов — нет!» — вообще не редкость.*

Вариативные схемы мошеннического «развода» вахтовиков на вокзалах транспортных хабов — Тюмени, Читы, Братска, Красноярска, Иркутска, Северобайкальска — стали обыденной практикой. Наиболее уязвимую группу составляли добирающиеся до места сбора одиночки. Однако это касалось и вахтовиков, вербуемых непосредственно в городах, являвшихся логистическими центрами НГК. Они стали объектом пристального внимания представителей относительно новой криминальной практики — рэкета.

¹ Здесь и далее указан временной период, о котором говорит информант.

ТПТПС в Сургуте чернорабочих нанимала. Платили хорошо. Сургутские братки в Уренгой приехали. Адрес местной конторы нашли. «Вы своим по 700 платите? Давайте сразу нам 400 — мы ваших трогать не будем».

Так в массовом обыденном восприятии вахтовики все чаще обретали черты маргинального вида «терпилы» — объекта для мошенников и фигуры, вызывающей настороженность у законопослушных граждан: *Трезвый был, просто спал. Во сне ноги в проход выставил. Можно было просто сказать. Нет, милицию вызвали* (наблюдение ВВГ, 1998–1999 гг.).

Таким образом, утрата корпоративной инфраструктуры доставки и сопутствующая ей атомизация потока рабочей силы стали важным фактором трансформации социального поля, формируя как новые риски, так и новые репутационные коннотации образа вахтовика. Этот репутационный шлейф приобрел значительную устойчивость во времени и протянулся далеко за пределы территорий, охватываемых хозяйственной деятельностью НГК:

«От Тюмени ехала с вахтовиками в вагоне. Кошмар какой-то!!!» — говорит на кофе-брейке одна из участниц конференции. Ее собеседники сочувственно кивают (наблюдение С. Тюлюпо в 2018 г., сделано в кулуарах всероссийского научного мероприятия в Москве).

Атомизация хозяйственного комплекса НГК затронула горизонтальные коммуникации чисто производственного характера. Еще в 1995 г. рядовым явлением оставались практики неспешной сдачи-приемки вахтовой смены, когда механизаторы заезжающей и заканчивающейся вахты сообща решали сложные задачи по обслуживанию техники, формируя устойчивые связи между сменами. К концу интересующего нас периода размывание структуры заездов, сегрегация действий подрядчиков, решающих задачи доставки персонала, в сочетании с текучестью кадров сделали такую практику, а с ней и преемственность и коллективизм в решении задач (даже решаемых силами смежных подразделений) — невозможной.

Мне завтра участки стыковать, а я ночью мастера с бригадиром знакомя (БВГ, 2019 г.)

Таким образом, элементы социального порядка, свойственного уже ушедшей эпохе, какое-то время еще воспроизводились социумом строительной вахты. Порядок этот в значительной степени базировался на коллективистских установках, ценностном отношении к труду, способности представителей всех иерархических уровней организации к объеди-

нению усилий вокруг решения единой трудовой задачи, прозрачных механизмах символического и материального вознаграждения труда. В этих обстоятельствах вахтовики-строители располагали определенной степенью свободы в позиционировании себя как полноправных и вполне благополучных представителей вахтового социума НГК в целом. Функционируя как сплоченные коллективы, такие бригады могли оказать существенное сопротивление требованиям работодателя, его действиям, направленным на демпинг в отношении оплаты труда.

Когорта строителей, составляющих рабочую элиту строительных гигантов советского периода, оказалась распыленной во множестве мелких частных организаций, волнами возникающих и распадающихся в новых экономических условиях.

Стабильность коллектива... стабильность эта была к 2010 году полностью убита... Стоило какой-то бригаде коготки показать — началось: выходи по одному... и ротация по разным бригадам (сборный нарратив ВВТ, АВТ, БВТ).

Вместе с этим был девальвирован и функционал института бригадирства.

Бригадир все мог решать в своей бригаде. Как мы будем работать? Как будем участок проходить? Тот же В. (ВВТ называет фамилию бригадира, известного способностью решать производственные задачи исключительной трудности, отстаивая при этом и интересы бригады) мог сказать: «Мы будем работать сутки — сделаем! Эту задачу мы так решать не будем». То есть в той мере, в которой тактика реализации конкретного плана могла быть адаптирована к конкретным условиям — этот вопрос вполне бригадир мог решать — уже на ВСТО я про таких не слышал. Нет больше этого института! (ВВТ, 1994–1997 гг.).

А что бригадир!? Ему сказали: «Бурундук — птичка!» Он пошел перышки искать! (БВТ, 2006–2015 гг.).

С течением времени представители этой страты вахтового социума, своего рода рабочей элиты, естественным образом были «вымыты» из генеральной совокупности вахтовиков. По разным причинам (сменили профессию, вышли на пенсию, умерли) они ушли из отраслевых организаций. Вместе с этим в структуре социума вахтовиков-строителей примерно к 2010–2012 гг. была элиминирована точка воспроизводства ушедшего социального порядка. Необратимость этого процесса хорошо видели представители инженерно-технической элиты уходящего периода.

Ранее упомянутый нарратив «Мы людей теряем. Совсем! Не будет больше таких людей!» в обсуждении проблематики развития предприятий, их возникновения и преобразований становился сквозной темой.

Источником человеческих ресурсов стали также предприятия стремительно деградирующего агропромышленного комплекса. Трактористы, механизаторы гибнущих колхозов и совхозов — мастера на все руки, способные (в страду) к критическому напряжению сил, с характерной для сельской глубинки общительностью, легко находили себя в трудовых коллективах вахтовиков-строителей, готовы были браться за любую работу. Их неприхотливость в быту, способность из любого подсобного материала соорудить баньку или другую полезную «бытовку» являлась ценным ресурсом, делала их незаменимыми в коллективе. Увлечения и пристрастия (таежники, рыбаки, охотники среди сельских жителей не редкость) позволяли им извлекать из вахтового образа жизни множество дополнительных бонусов и минимизировать тем самым требования к работодателю.

Низкий уровень образования (часто школьный минимум), усугубленный общим кризисом системы профессиональной подготовки в 1990-е годы, не только ограничивал для них карьерные перспективы, но и формировал дефицит правовой грамотности. Это делало их крайне уязвимыми в контексте «серых» трудовых отношений и неспособными к юридической защите своих прав. Однако они и сами готовы были использовать полулегитимные практики работодателей в своих интересах.

О.К. (называет имя и фамилию) — он сам деревенский. И его ребята такие же. Они там и не знали и вопросов никаких не задавали — на вахту едут или в командировку. О том, что за зверь такой «северный стаж» многие из них только при оформлении на пенсию узнавали... А на вахту прямо рвались, именно на длинную. Главное, к нужному сезону домой успеть. Там у них у всех у кого огород, у кого охотничий сезон, у кого шишка (ВВТ, 1995–1999 г.).

Упомянутые в сообщении практики подмены вахтового метода ротации рабочей силы длительными командировками, оформляемыми часто «на период выполнения работ», широко использовались работодателями для минимизации выплат так называемых северных надбавок, скрытия системных переработок вплоть до 2020 г.¹ Это приводило к критическому поражению прав работников в самых различных обстоятельствах — при

¹ В 2020 г. социальные возмущения в вахтовых городках в период пандемии COVID-19 окончательно вывели эти серые схемы трудового найма из тени.

начислении отпускных, выплат за период «отдыхающей» вахты, пенсионных начислений и выплаты пособий по временной нетрудоспособности.

Еще одним источником пополнения рабочей силы, задействованной в строительном сегменте НГК в режиме вахты, стало множество разрушающихся в 1990-х годах по всему постсоветскому пространству предприятий непромышленного сектора. В условиях критической экономической нестабильности, гибели предприятий и организаций государственного сектора, распада системы социально-ориентированных программ, возникновения и роста безработицы строительный сектор НГК создавал впечатление достаточно надежной для трудоустройства территории, обещающей сравнительно стабильное вознаграждение труда. Так в строительный сегмент отраслевого рынка труда было выплеснуто множество представителей нерабочих профессий, сотрудников вспомогательных служб или специалистов с непрофильным высшим образованием. На это указывают и собственные трудовые биографии наших информантов (например, БВГ до устройства на вахту работал поваром, АВГ — милиционером). Об этом же они сообщают в своих нарративах:

Там кого только не было. У нас то ли директор одесского дома культуры, то ли замдепартамента по культуре Одессы. Точно не скажу сейчас. Но на баяне играл виртуозно (БВГ, 1994–1999).

Новые оптанты отраслевого сегмента рынка труда с относительно невысоким уровнем образования, трудоустраиваясь на вахту, готовы были принимать дефицитарность и скудость бытового обеспечения работников вновь возникающих частных строительных предприятий как норму вещей. Их ротация в производственном пространстве множества отраслевых предприятий способствовала легитимации и тиражированию таких норм на нижнем этаже организационной иерархии. В свою очередь, высокий уровень образования оптантов отраслевого рынка труда с «непрофильным высшим» в условиях дробления крупных предприятий и возникновения множественных дочерних обеспечивал для них доступ к восходящим кадровым ротациям. Отсутствие у них опыта решения специфических для отрасли задач в сфере организации труда и быта на основе научно обоснованных подходов, дефицитарность концептуальной модели отраслевого человекопотребления фиксировало на уровне управления строительными предприятиями волонтаристские практики управления человеческими ресурсами, в том числе привлекаемыми на основе вахтового метода.

Наконец, существенный источник проточной рабочей силы составили трудовые мигранты из бывших союзных республик. Начиная с рас-

пада СССР в строительный сектор НГК хлынули белорусы, украинцы, молдаване. Они относились к тем же социальным стратам, что и строители-россияне. Хорошо владея русским языком, многообразными трудовыми навыками, они были востребованы в коллективах, внося в них определенный культурный колорит. Одни из них, осваиваясь в новых условиях, оформляли российское гражданство по праву рождения в СССР и подтягивали к себе семьи. В подобных случаях перед ними открывались релевантные уровню образования карьерные перспективы как в отрасли, так и за ее пределами.

Э. (называет имя) *сам себя иначе, как хохол, не называет. Он при первой возможности гражданство оформил. Потом мать с отцом сюда перетащил. И с вахты ушел при первой же возможности. Это вообще не его было. Да и было видно, что он на пределе все это терпит. Ему нужно, чтобы дом, семья — рядом были. Ну, К... Он из Молдавии¹. Тоже здесь осел. Гражданство практически сразу после распада (СССР) оформил. Но он как работал в УМНЦС², так до пенсии и проработал. Да много таких было...* (БВГ перебирает имена и кратко характеризует карьеру в отрасли каждого из упоминаемых).

Другие предпочитали использовать окно возможностей, связанных с фундаментальными различиями в оплате труда у себя на родине и на российских предприятиях НГК.

Они сюда «работать» приезжают. Там у них ни рабочих мест, ни зарплат! Что они ЗДЕСЬ по серым схемам получают, у них ТАМ — состояние. А пенсия здесь им не нужна. Так что наличка для него — то, что доктор прописал! (БВГ, 2004–2005 г.).

Поток в регионы освоения новых месторождений, новых магистральных проектов трудовых мигрантов привнес весьма своеобразный вклад и в трансформацию ритма труда в отрасли. В числе трудовых мигрантов работодатели, предпочитающие сверхинтенсивные режимы организации труда (так называемые командировки с открытой датой выезда) находили весьма благодарный отклик. Находясь в крайнем удалении от дома, пред-

¹ Мы сохраняем названия стран в вариантах, использованных нашими респондентами. Для них, представителей советской формации, Белоруссия и Молдавия так и не стали Беларусью и Молдовой.

² Имеется в виду Управление магистральных нефтепроводов Центральной Сибири, к концу отраслевых реформ приобретшее статус ОАО «Магистральные нефтепроводы Центральной Сибири» и некоторое время фигурирующее в отраслевом сегменте как ЦЕНТРСИБНЕФТЕПРОВОД.

ставители этой когорты предпочитали максимально длительные периоды вахты. Тем более что в условиях перманентного разрушения/возникновения/преобразования строительных предприятий, множества лакун в области трудового права постсоветского периода оптанты строительной вахты, в принципе не имея опыта трудоустройства в этой сфере, снова и снова становились заложниками недобросовестных схем трудового найма. Особо уязвимыми оказывались представители республик, вышедших из состава СССР, — Украины, Молдовы, Белоруссии. Дефицит разветвленных контактов и информационной поддержки в вахтовых регионах Сибири не позволял им прогнозировать, что их ждет, и подготовиться к встрече с новой правовой реальностью должным образом.

ИТР на соседнем участке из Киева... Вижу, ходит грустный. Что такое? Домой уезжает. Полгода здесь работал — остался предприятию сорок тысяч должен. Началось с того, что приехал без медосмотра. Ему директор: «Ну проходи здесь». И цену называет... Тот: «Ничего так!!! Так в Киеве...». — «Ну, съезди в Киев». И понеслось! Вычет за проживание. За питание... В договоре-то все было прописано. А он туда и не заглядывал, и не представлял, сколько на самом деле за то, да за это с него причитается. Так что им в принципе за счастье было просто порядочного работодателя найти. Который хотя бы деньги (которые обещал) заплатит. А уедешь — не факт, что ты к нему же и вернешься (БВГ, 1996–2000).

Таким образом, являясь налоговыми резидентами иных государств, трудовые мигранты-вахтовики не требовали системных отчислений в социальный фонд, учета северного стажа, предпочитая выплаты «живыми деньгами». Их готовность последовательно поддерживать нормы серых трудовых контрактов и интенсивных режимов труда вносила свой вклад в консолидацию токсичных норм распределения власти между работниками и работодателями. К 2014 г. (в связи со стабилизацией экономики Республики Беларусь и политическими процессами, закрывшими возможности трансграничных миграций для граждан Украины и Молдовы) эта субпопуляция вахтовиков-строителей, легко адаптирующихся к русскоязычной среде, была замещена потоками трудовых мигрантов из республик Средней Азии. В силу языковых и культурных барьеров их склонность к формированию замкнутых анклавов, нечувствительность к нормам социального взаимодействия вахтового сообщества, нормам трудовой дисциплины и безопасности труда представляет отдельную, не решенную до сих пор управленческую проблему, способствуя дальнейшей фрагментации трудовых коллективов.

Гибриды и идентичности: от человека к социотехнической общности в контуре территориального промышленно-хозяйственного комплекса

На более низком уровне социальной организации тренды, формирующие неравенство представителей вахтовиков-строителей задавались, во-первых, пространственным отношением социально-географической локации источника рабочей силы и географической локацией отраслевых проектов, в которых эта сила была задействована. Так, короткое плечо вахты существенно облегчало вахтовикам и процесс акклиматизации, снижало организационные затраты на поиск добросовестного работодателя и степень неопределенности при трудоустройстве, снижало временные затраты на перевахтовку и позволяло контролировать риски столкновения с недобросовестным работодателем. Кроме того, работодатели, использующие приток рабочей силы на так называемом коротком плече ротаций, очевидно наблюдая низкую эффективность и производительность труда работников сверхдлительных вахт, с гораздо большей готовностью используют вахты малой и умеренной длительности (15 через 15, 20 через 20, месяц через месяц). Во-вторых, существенный вклад в порождение внутреннего неравенства когорты вахтовиков-строителей вносит отнесенность места их проживания к урбанистическим центрам «старых» или «новых» регионов освоения сырьевой базы. Так, вахтовикам-горожанам, выезжающим на вахты месторождений из городов ЯНАО и ХМАО, Тюменской области (Сургут, Нижневартовск, Салехард, Муравленко) оказывается вполне доступной сеть оздоровительно рекреационных объектов — профилакториев, санаториев, спортивно-оздоровительных центров и т.д., аффилированных с предприятиями, входящими в сеть отраслевых гигантов: Газпрома, Сургутнефтегаза, Лукойла и многих других. Для их коллег из отдаленных сельских районов тех же округов или жителям областей с социальной инфраструктурой, слабо аффилированной с отраслевыми лидерами, возможности рекреации их адаптивного потенциала практически недоступны.

Существенное влияние проживание в отраслевых центрах оказывает влияние и на процессы формирования идентичности будущих вахтовиков.

Я в Стрежевом вырос. Отец — нефтяник, дядька — нефтяник, сосед — нефтяник. Вокруг — сплошь нефтяники. Я с детского сада знал, что нефтяник — это круто!!! (СКБ).

Подобного рода predisposition профессиональной идентичности уже на входе в карьеру вахтовика оказывается вполне эффективной прививкой, стабилизирующей восходящую траекторию карьерного трека,

облегчающей вхождение в вариативные смежные сообщества профессионалов.

При этом целый ряд предприятий-лидеров отрасли, вербуя новых сотрудников отдает очевидное предпочтение оптантам, документально подтверждающим свое проживание в соответствующем городе.

*Сургутнефтегаз — это круто, конечно! Они и строят под себя!
И соцпакет у них — Ого! Но ты, поди, устройся в Сургутнефтегаз,
без сургутской-то прописки!* (ГАВ, 2006–2010 гг.).

Наш информант продолжает представленное положение развернутым нарративом, описывающим ухищрения, на которые идут соискатели вакансий флагманского предприятия, чтобы приобрести эту прописку. Таким образом, объективные, и, казалось бы, стабильные во времени и пространстве условия структурируют поле доступности вахтовикам совокупного социального капитала корпораций и дифференцируют их когорту по степени инкорпорации его элементов.

Во внутреннем контуре отрасли в связи с ее прогрессирующим вкладом в экономическое развитие страны на протяжении всего постсоветского периода исправно функционировал своеобразный «насос», обеспечивавший приток высококачественной рабочей силы в отрасль благодаря оснащению и переоснащению вновь образующихся строительных организаций, заходящих на отраслевые объекты. Этот процесс обеспечивал поток высококвалифицированной рабочей силы в ту или иную локацию и ее ротацию между организациями безотносительно каких-либо социально-экономических преобразований или социально-политических событий, локализованных за пределами отраслевого рынка труда.

Необходимость соответствующих затрат и их объем диктовался задачами конкретного проекта.

Ну, ТПППС (совершенно новая компания, в которую ВВТ перешел из внутреннего подразделения Трансгаза, обеспечивающего устранение дефектов и аварийно-восстановительных работ) — такая себе компания. Только возникла. Кто она, что она — никто не знал... Но она сразу... СРАЗУ! Новую технику из Японии привезла. Я когда в Лимбьяху приехал, мой новенький Komatsu еще из Японии не пришел. KOMATSU! После шушлайек¹ этих... Я его САМ с трала снял! (ВВТ, 1997–1999 гг.).

¹ Шушлайка — жаргонная маркировка разбитой, технически устаревшей машины, фигурирующая в нарративах наших информантов наравне с конструктом «ведро с болтами».

Приток рабочей силы составляет функцию не столько от количества, сколько от качества приобретенной под новые производственные задачи техники. Попытки сэкономить могут обернуться для работодателя прямыми репутационными и экономическими потерями.

Ну, тут важно, какую технику покупают. Конечно, что-то украдут, что-то сэкономят. Кто-то новеньких «японцев» завез, кто-то «корейцев», кто-то — «китайцев». Здесь много возможностей. Вон УК «ХХХ» (ВВТ называет одну из организаций, в которой отработал год в качестве механика и в которой столкнулся с описываемыми манипуляциями) пыталась у Транснефти их местную рухлядь, в хлам разбитую, перекупить — подшаманить и на объекты двинуть. И где она теперь, та УК «ХХХ»? (ВВТ, 2005–2007 гг.).

Информация о том, что та или иная организация закупает новую технику, прямо указывала на то, что эта организация получила крупный подряд, за которым последует поток финансов. Привлекательность возможности работы на самой новой, мощной машине¹, получение высокооплачиваемого (хотя бы в перспективе инициального периода строительства) рабочего места, не только притягивала наиболее мотивированных работников, но и делала их заложниками сверхинтенсивных вахтовых схем, суть которых мы приводим ниже.

Отношение к машине, будь то трубоукладчик, бульдозер или экскаватор, становилось одним из важнейших факторов, структурирующих социально-производственную иерархию и повседневные практики. Обладание «персональной» машиной возводило машиниста в статус высшей рабочей касты, тогда как «безмашинные» специалисты оказывались в подчиненной позиции. Это порождало острое переживание несправедливости, становясь триггером конфликтов.

В Иркутске у меня... механизатор с разнорабочим подрались. Разнорабочий инженерную защиту делал. <...> Он камни в ведрах таскает метров за семьдесят! Бульдозерист рядом планировку делает. Ну отвалом просто прикатывал... На перекуре, слово за слово — сцепилась: «Я получаю 15 тысяч и работаю больше чем ты... А ты получаешь семьдесят... Ну, короче — хлобысть! — бульжником в бульдозер! У него (бульдозера) — одно ведро в половину его (разнорабочего) зарплаты. (АВГ, 2003 г.). В подобных случаях дело могло

¹ Ниже, говоря о машине, мы имеем в виду обобщенное техническое средство, безотносительно его категории, идет ли речь об экскаваторе, тракторе, бульдозере, трубоукладчике или другой технике.

закончиться дракой, поножовщиной или умышленной порчей техники.

В условиях постоянной публичности вахты кабина для машиниста обретала статус интимной локации, зоны психологического комфорта. Надежность техники определяла не только результат труда, но и физическое выживание. Все перечисленное порождало глубокую, почти личностную связь оператора с его машиной. Злоупотребление ее функционалом могло восприниматься как насилие:

Скалу проходили. Взрывники далеко. Дорого. Экскаваторщику говорят: «Давай, ковшом!». Тот: «Не буду! Сломаюсь... Машина — новая! <...> Начальник участка рядом: «Не ломаешься... пройдешь. Давай!» Долбил. Со слезами долбил (К., 2006–2010 гг.). Вынужденная «пересадка» на другую модель, даже более совершенную, воспринимается как болезненное вторжение в личное пространство. Передача «своей» машины другому оператору расценивается работником как личное оскорбление, способное привести к разрыву трудовых отношений. В профессиональной этике машинистов высшим презрением клеймится «наездник» — оператор, потребительски использующий технику, не заботящийся о ней и не чувствующий ее потребностей и «капризов». Отдать «свою» машину такому «наезднику» при отъезде с вахты и принять при возвращении «ведро с болтами» воспринимается как нечто немислимое, недопустимое.

Таким образом, машина из технического агрегата трансформировалась в комплексный социотехнический феномен: атрибут статуса, гарант безопасности, пространство приватности и объект эмоциональных инвестиций. Это давало руководству особую власть удерживать ценных операторов на сверхдлительных вахтах. Инструментализация связи работника с «его» машиной становилась ядром манипулятивных практик. Когда работник пытался выйти из режима «бесконечной» вахты, руководство при нем демонстративно решало судьбу его машины: «Кого из “безлошадных” теперь “посадят”?» На вопрос, вернут ли ему машину, руководитель отвечал неопределенным пожатием плеч. Символическая угроза утраты капитала, обеспеченного правом управления «своей» машиной, означала для работника потерю субъективно привлекательной для него позиции в поле вахтового сообщества и фундаментальную девальвацию его профессиональной идентичности.

Подобные манипуляции могли вовлекать в орбиту не только представление работника о возможностях сохранить за собой право на возвращение прав на машину — свой ключевой ресурс, но и права на возвращение в принципе.

Я начальнику говорю: «Слушай! Не могу больше! Четвертый месяц уже здесь! Я все здесь настроил... Домой съезжу?» Он такой (БВГ протягивает с подчеркнутым безразличием): «Езжай! Справимся». — «Ну а ты мне когда вызов оформишь?» — (БВГ опять подчеркивает безразличие) «А х знает... Как получится». — А как может получится? Через какое время в таком случае, правда, тебе вызов оформят? — (БВГ с видимой досадой) Да кто знает?! Может вообще не оформят. Ну, не то, чтобы вообще. Просто так и будешь болтаться: «А вдруг завтра позвонят? А вдруг вообще не позвонят?»*

Таким образом личность работника отчуждается от процесса и результата его труда за счет сведения его индивидуальности исключительно к функционально-прагматическому измерению его производственной полезности. Потенциал коллектива вахтовой бригады трансформируется в набор функций вахтового контингента, ассоциированных с функционалом техники и обеспечивающих решение производственной задачи. Манипуляции подобного рода по сути сигнализировали работнику: «Ваша функция останется — она нам необходима, а вы — нет!» Это вынуждало работника делать выбор между личными, иногда витально значимыми, потребностями в пользу своего социально-технического «я-здесь». Решения о продлении вахты на неопределенный срок становилось высоковероятным событием.

Для вахтовиков старшей возрастной группы такие решения зачастую способны были привести буквально к соматическим катастрофам. Так, описываемая выше ситуация, в которой БВГ отложил (в очередной раз) свой выезд с вахты закончилась для него инсультом, застигшим его на трудовом посту (2010–2015 гг.). Аналогичным образом в иной соматической модальности (инфаркт) разрешилась ситуация «выезда на отдыхающую вахту» для другого нашего информанта — СКБ (2009–2012 гг.). Для одного из коллег ВВТ, частого фигуранта его нарративов, находящегося (с учетом выработанного северного стажа) в предпенсионном возрасте, подобная расстановка приоритетов также окончилась инсультом (2007 г.).

Порядки из хаоса в диссипативных отраслевых процессах: ресурсы, власть, консенсус, гиперустойчивость

Во внутриотраслевом контуре дополнительные тренды формирования прекарного габитуса работника создавали силовые вектора внутренних преобразований. Так, критическое сокращение затрат управлений, обеспечивающих строительство и обслуживание магистральной инфра-

структуры газопроводов, усугубило эффекты обстоятельств, описанных выше.

Ну, когда Черномырдин, при всем к нему уважении, вот с этим вылез: «Ни рубля на ремонт газопровода... Этот износим — новый построим!» — в управлении буквально офигевали все. А что делать!? И да... РСУ (ремонтно-строительные управления) всякие в этот период выводили из головных предприятий. Нерентабельно. Парк техники, обслуживание ее, дорожный налог... На вольные хлеба всех типа отпустили... На вольные, ага! Вы сами себе на жизнь зарабатывайте! Но когда нам нужны будете — чтобы на наши объекты... То есть вы кормите себя сами, но... Чтоб никаких долгосрочных контрактов! Вы нам самим понадобится! А реально — и краткосрочные не заключишь. Действительно же были ситуации, когда «вы нам здесь вчера нужны!» Когда им волевым решением финансирование обрезают, они обанкротились благополучно.

Ну и реорганизации предприятия тоже или, скажем, если тендер закончился, сотрудников, чтобы пособие по сокращению штатов не платить, просто выдавливали. Так и говорили: «Не нравится — увольняйтесь! Лучшие не будет. Не ждите!» (ВВТ).

Все перечисленное, будучи спроецированным в процессы преобразования отношений ключевых акторов отраслевого сегмента рынка труда, привело в долгосрочной перспективе к фиксации в этом сегменте практики демпинговых трудовых контрактов, сложившейся по умолчанию нормы принятия непрозрачных схем трудового найма, тиражированию дефицитарных моделей жизнеобеспечения быта вахтовиков, минимизации затрат на доставку рабочей силы к месту выполнения работ и элиминации немонетарных подходов к вознаграждению труда. Научно обоснованные подходы в сфере управления дисциплиной труда и быта, мотивацией работников к соблюдению требований технологических процессов обоснованные и апробированные к окончанию советского периода, так и не нашли закрепления на уровне организационных рефлексивных практик. Институционализация серых схем найма и сверхинтенсивных режимов работы как конкурентное преимущество подрядчиков одновременно сформировало у работодателя устойчивое восприятие работника как бесконечно возобновляемого ресурса, а не субъекта, чье благополучие требует системных инвестиций в инфраструктуру и социальные гарантии.

Это привело к снижению не только экономической, но и символической ценности квалифицированного труда, усугубило деструкцию рост-

ка воспроизводства советского производственного габитуса. Множество рабочих, сами будучи жертвами системного кризиса, своим массовым включением в отрасль на условиях принятия депривации объективно стали катализатором и стабилизатором той самой организационной культуры, которая в итоге минимизировала их собственное социальное благополучие и заблокировала развитие гуманизированной модели трудовых отношений в нефтегазовом строительстве. Их опыт демонстрирует трагический парадокс: стратегии индивидуального выживания, коллективно инкорпорированные в поле, могут привести к воспроизводству и усилению структуры, которая делает эти стратегии единственно возможными.

Существенный вклад сюда вносят социально-исторический и промышленно-исторический контексты. Так, уже на старте выделенного нами временного периода решения в области жизнеобеспечения и организации быта в условиях уже существующей инфраструктуры и при строительстве новых объектов различались самым очевидным для вахтовиков образом. В частности, в условиях ремонта или демонтажа объектов, точки расселения и способы жизнеобеспечения вахтовиков-строителей могли быть привязаны к уже устойчиво функционирующим поселениям, приобретших статус городов. Такой опыт становился эталоном недостижимого уровня благополучия.

Ну, да... мы несколько дней в общежитиях Юкоса столовались. Заходишь как в Метрополь. Зимний сад, в холле экран на всю стену, аквариумы... Что б я дома так жил! (ВВТ, ок. 2000 г.). В условиях бытовой структуры опорных вахтовых городов строители чувствовали себя тем более чужаками, чем с большей частотой пересекались с сотрудниками лидерских отраслевых компаний.

В столовую поехали — перед нами шлюмовский [«Шлюм» — жаргонное наименование компании Schlumberger] автобус. Вываливают из него такие — все в шевронах, со спортивными сумками. Хозяева жизни! И рядом мы — из кунга, в робах, в мазуте, с баулами... Зэка на вольном выгуле (БВГ, ок. 1998 г.).

Подобный опыт подчеркивал их собственную уязвимость, становился триггером переживания несправедливости в обеспечении условий и социального вознаграждения труда.

При всем этом полностью деградировала практика поддержки и воспроизводства в организационном измерении стабильных трудовых коллективов и практики выработки решения группой исполнителей и практика разделения ответственности за решения, проведенные

в жизнь. В этих условиях всеобщее обесценивание символической составляющей вознаграждаемости труда, монетизации человеческих отношений между представителями различных акторов буквально раскололо вахтовый социум по горизонтали, породив почти непроницаемые барьеры между работниками исполнительского и руководящего звена. Во внештатных ситуациях это попросту блокирует их взаимодействие.

Общаться, разговаривать по-человечески топы перестали практически. И оплата... Раньше практика была: «В этом месяце не было авралов. Но деньги — вот. Мужики, мы вас знаем — выручите, если в будущем вдруг поднажать надо, а денег не будет!» Сейчас — все! Зарплата — только номинал. Мы рыпнулись... Нам: «А зачем? Мы вам бабки — вы нам работу!». Мы такие: «Ладно! Принято!» Тут техника стала. Заказчик долбит. Денег не дает. Они к нам: «Мужики, ну надо! Сделайте! Мы позже заплатим». Мы: «Ну!!! Вот когда заплатите, тогда и сделаем!» (СКБ, 2010–2015 гг.).

Описанные трансформации поля производства под воздействием внешних силовых полей сформировало и специфический для постсоветского периода производственный габитус. Сформированный в условиях переэксплуатации ресурсов, нацеленный на сиюминутную выработку в ущерб долгосрочному планированию, он порождает практики авралов, показухи и запредельного износа техники и людей. Заданное этими трендами силовое социальное поле обрело черты гиперустойчивости, активно отторгая иные, даже экономически эффективные практики как чужеродные и неприемлемые. Яркой иллюстрацией этого служит нарратив нашего информанта, наблюдавшего работу зарубежных подрядчиков на ВСТО, чьи методы полностью соответствовали принципам ресурсосбережения и *vision zero*.

На ВСТО было... Москва прессует: «Выработку давай. Если день выработки не будет, всех уволим!» Облеты, обьезды официальные. Мы технику на трассу вытаскивали, типа работаем... Рядом с нами — немцы. Господа немцы полгода стоят, еле шевелятся, на выработку плюют. Работают в своем режиме. ПОЛГОДА (!!!) строят. Подъездные пути строят. Выработки ноль. Москва прессует... Им по... Достраивают пути. Выводят технику. За два месяца дают 12 километров. Все! Первые объект закончили. Техника ВСЯ целая! И зарплату получали люди, кто реально на трассе нужен. Они перевалку не делали. Снимали трубу с поезда и везли на сварку... Технику ВСЮ (!!!) целую увезли... Я эту планерку помню. Феноменальная планерка... Все такие: «Ага... Во! Давайте как немцы делать! Давайте!..

Ага... б...! Давайте! Да! Со следующего месяца. А сейчас... Выработку!! Выработку давай!!! Уволю всех на...!!¹ (АВГ, на момент возникновения описанной ситуации мастер участка импортной техники, вахтовый стаж 9 лет).

Из приведенного нарратива видно, что даже последовательное наблюдение эффективности иных практик, их групповая рефлексия представителями постсоветского габитуса и наличие их очевидной экономической выгоды не приводят к системным изменениям. Диссонанс, переживаемый наблюдателями, казалось бы, имеющими все необходимые полномочия для преобразования практики, не перерастает в действие: ему мгновенно противостоит инерция укорененного габитуса, откатывая систему к исходным целевым ориентирам «выработки любой ценой». Этот случай демонстрирует, что габитус — не просто поверхностная черта социальной системы, а глубинная система диспозиций, которую не изменить осознанием или декларацией следования требованиям международных, национальных или корпоративных стандартов. Трансформация требует перестройки самого габитуса. А это крайне медленный процесс, динамическое ядро которого лежит вне компетенций вовлеченных в производство акторов.

Между тем, пока ключевые динамические факторы этого процесса находят лишь парциальное освещение в поле системной научной рефлексии, процессы социально-экономического развития периода 2010–2020 гг. запустили тренды кадрового оттока из трудодефицитных регионов, являющихся ключевыми локациями новых строительных проектов НГК. Так, вакансии ведущих строительных предприятий НГК могут месяцами не находить отклика у выпускников учебного комбината «Стройнефтегаз», реализующего краткосрочные программы обучения по рабочим специальностям, более полусотни которых востребованы в строительном сегменте НГК (собственные данные ВВТ, 2015–2020 гг.). Как и в ранее нами описанных случаях, силовые вектора этого процесса заданы факторами, лежащими за пределами внутреннего контура предприятий. Их источником становится рост спроса на труд в регионах европейской части России, выравнивающий различия в заработной плате высококвалифицированных специалистов в Арктике и регионах с более благоприятными условиями (Быков 2020; Гильтман, Обухович, Ларионова 2020).

¹ Дериваты ненормативной лексики указывают на драматизм переживания наблюдателями принципиально отличающейся стратегии решения производственной задачи. Особо интонированные паттерны маркированы восклицательными знаками.

Схлопывание границ вахтовых городков под давлением карантинных мероприятий пандемии COVID-19 в 2020 г., ориентация рекрутинговых контрактов Минобороны, по сути, на ту же когорту взрослых здоровых мужчин трудоспособного возраста, неприхотливых, способных к тяжелому труду в экстремальных и сверхэкстремальных условиях, какие традиционно составляют кадровый потенциал строительной северной вахты, интенсифицирует этот отток. Таким образом, противоречие между потребностью отрасли в квалифицированных кадрах и ригидностью сформировавшихся прекарных трендов и практик, отталкивающих когорты наиболее пассионарных соискателей, указывает на своеобразную системную ловушку. Краткосрочная логика демпинговых трудовых контрактов в долгосрочной перспективе подрывает воспроизводство, приток и удержание кадрового потенциала, необходимого для освоения стратегически значимых трудовдефицитных территорий Российской Федерации.

Обсуждение

Если исследования сибирскихстроек фиксируют сам факт выведения строительных подразделений на субподряд как организационное решение (Долголюк 2017), то наши данные позволяют увидеть, как эта реорганизация преломилась в повседневном опыте. Выведение на субподряд обернулось для работников не просто сменой юридического статуса, а утратой устойчивых коллективных связей, девальвацией института бригадирства и утратой преемственности в решении трудовых задач. Это конкретизирует представления о дезорганизации социального обмена в постсоветский период (Донцов, Перельгина 2016), показывая механизмы этого процесса на уровне первичного производственного коллектива.

Феноменологические референты этих латентных механизмов соотносимы с представлениями о структурирующем потенциале социальной травмы (Штомпка 2005). Высвобождение работников из деградирующих секторов экономики (АПК, непромышленные предприятия, союзные республики) и их массовый приток в строительный сегмент НГК выступили механизмом, конституирующим новые отношения неравенства внутри вахтового социума.

Однако сама по себе травматическая дезинтеграция макросоциальных связей не предопределяет трендов инкорпорации травматического опыта в ткань повседневности. Макропроцессы обретают плоть в пространственно-временных условиях вахты — в условиях удаленности, длительных ротаций и сверхтрудных трудовых задач в экстремальных условиях. «Живой голос» вахтовика выступает здесь ключевым инструментом, позволяющим реконструировать габитус как социально исторически детер-

минированный способ существования работника в строительном секторе нефтегазовой вахты: подвижный и при этом глубоко укорененный в телесных и эмоциональных практиках. Прямые ответы вахтовиков на вопросы интервью дают доступ к феноменам макроуровня (фиксация организационных изменений, сдвигов в оплате и режимах труда). Спонтанные нарративы, эмоционально окрашенные и детализированные, раскрывают процессы инкорпорации этих макроизменений в ткань повседневности и их интериоризацию в устойчивые структуры субъективного и субъектного опыта вахтовиков.

Наши предшественники фиксируют отдельные феномены поведения, восприятия и стратегий вахтовиков — копинг, стратегии жизни, идентичность, ментальные репрезентации вахты и многое другое (Серкин 2012; Белых и др. 2016; Saxinger 2016; Туракаев, Баймурзина 2022). Наш материал дополняет эти работы, позволяя (через субъективный опыт самих работников) реконструировать многоуровневую связь этих феноменов в единую динамическую систему и место каждого из них в этой системе. Такая реконструкция является необходимым шагом к вскрытию специфических порядков организации жизни миллионов российских граждан, пространственной и экономической деятельности в регионах России (Плюсин 2012; Лексин 2021).

Если макростратификационные исследования фиксируют общие тренды трансформации социальной структуры (Тощенко 2015; Тихонова 2021), то наши данные показывают, как конкретно эти тренды преломляются в позициях и траекториях работников, по собственной воле легитимирующих «токсические элементы» корпоративных трудовых отношений, структурирующих, в свою очередь, габитус вахтовика. В этом отношении они существенно дополняют работы наших предшественников (Гатти, Федорова 2014; Туракаев 2016; Saxinger 2016).

Прекарность в строительном сегменте НГК выступает не просто интроецированным атрибутом статуса или попыткой работника активно дистанцироваться от потенциала власти государства, как это описывают исследователи феномена отходничества — исторического предшественника и своеобразного аналога вахтового труда (Плюсин 2012; Лексин 2021). В строительном сегменте НГК феномен раскрывается как аддитивный эффект двух встречных процессов: притока работников с предрасположенностью выживания (непритязательность, правовая пассивность, ориентация на «живые деньги») и растущей потребности работодателя в дешевой и мобильной рабочей силе. Эта констелляция, закрепленная пространственно-временными характеристиками трудовых локаций, консолидировала депривационные нормы как предпочитаемые обеими

сторонами. Таким образом, мы обнаруживаем, как практики прекаризации труда описываемые нашими предшественниками, могут воспроизводиться не только «сверху» (давлением работодателя), но и «снизу» — через габитус самих работников, легитимирующих эти нормы как приемлемые.

Выявленные трансформации габитуса закономерно проецируются на траектории социального благополучия. Депривационные нормы, будучи инкорпорированными, входят в противоречие с базовыми потребностями работника в признании, справедливости и предсказуемости жизненного мира, что повышает уровень его социальной фрустрации (Шамионов 2020). Особого внимания в этом контексте заслуживает феномен социотехнической связки «человек — машина». Инструментализация этой связи становится ядром манипулятивных практик, удерживающих работников на сверхдлительных вахтах. Это измерение власти в поле вахтового труда остается за рамками исследований макроструктурных, социальных и психофизиологических predispositions вахтового труд (Симонова и др. 2016; Тартаковская, Ваньке 2019; Лексин 2021; Силин 2021; Туракаев, Баймурзина 2022; Корнеева и др. 2024). Между тем, как показывают наши данные, в отдельных когортах работников события, локализованные в этом измерении, несут потенциал триггера нисходящих траекторий благополучия, базирующегося на доверии, безопасности и удовлетворении базовых социальных потребностей (Донцов, Перелыгина 2016; Шамионов 2020).

Последнее заключение дает основание рассматривать все описанные выше эффекты в сочетании с сохраняющимися прекарными практиками на Севере как predisposition своеобразной внутрисистемной ловушки. Ригидность сформировавшегося прекарного производственного габитуса вступает в противоречие с долгосрочными задачами воспроизводства кадрового потенциала отрасли, обеспечения надежности человеческого фактора отраслевых производственных процессов, актуализации восходящих трендов производительности и безопасности труда (Ананенков 2010; Васильев, Аношкин 2010; Долголюк 2017; Лексин 2021) Это усугубляется тенденциями рынков труда вне отраслевого контура. Рост конкурентоспособных рабочих мест в центральных регионах (Быков 2020; Гильтман и др. 2020) провоцирует отток с отраслевого рынка труда наиболее пассионарных и квалифицированных работников. Преодоление этой ловушки требует пересмотра укоренившихся моделей организации труда — пересмотра, невозможного без учета субъективного измерения, раскрытого в нашем исследовании.

При этом решение задачи оптимизации субъективного благополучия персонала, формирования позитивной профессиональной идентичности

составляет сегодня важнейший компонент работы, направленной на обеспечение надежности человеческого фактора и воспроизводимости человеческого потенциала (Бессонова 2018). Системные, научно обоснованные решения в этом контексте разрабатываются и внедряются атомной отраслью, несущей не меньшие, сопряженные с проблематикой воспроизводимости человеческого потенциала риски чем производственный комплекс нефтегазового хозяйства (Обознов и др. 2020). Межотраслевой перенос и внутриотраслевая адаптация этих практик оказываются невозможными без изучения глубинных процессов, блокирующих точки входа для позитивных изменений.

Наши находки позволяют поднимать вопрос о востребованности переоценки исторического опыта в конструирования и стабилизации репутационного образа рабочих профессий, формирования позитивной профессиональной идентичности строителей, работающих в тяжелых и сверхтяжелых условиях Сибири, Крайнего Севера и других трудодефицитных регионов. Такой опыт периода СССР сегодня последовательно подвергается научному переосмыслению (Абрамов 2017; Фролова, Посухова 2016). К сожалению, модальность этого пересмотра задана скорее вопросом о диссонансах, вносимых официальным и культурным дискурсом в практики идентичности, чем раскрытием механизмов, стабилизирующих самовосприятие и социальный имидж профессионала, в том числе представляющих рабочие профессии строительного профиля, задействованные в НГК в режиме вахты.

Заключение

Таким образом наше исследование через биографические нарративы вахтовиков-строителей делает видимым мир человека, входящего в силовое поле нефтегазовой отрасли. Оно раскрывает сложность такого социокультурного феномена, как «вахта», с его внутренней этикой, иерархиями и драматическими стратегиями выживания и борьбы. Анализ нарративов вахтовиков показывает, как внутри одного, казалось бы, гомогенного класса (вахтовиков-строителей) воспроизводятся глубокие внутренние градации и возникают узловые структуры воспроизводства неравенства, вклад в генезис которого делают и формальный статус и социальная роль, и место в производственной иерархии, и логика доступа к организационному корпоративному социальному капиталу, определяемая «плечом» и длительностью вахты, спецификой трудовой задачи и инструментами ее решения.

Потенциал концепции габитуса позволяет преодолеть фрагментарность и дисциплинарную разобщенность данных о природе снижения

благополучия и здоровья вахтовиков и реконструировать релевантные системные механизмы этого процесса в измерении сложного социально-целого.

С этих позиций габитус вахтовика-строителя, инкорпорированного в поле НГК, может быть рассмотрен как система диспозиций, сформировавшаяся под давлением сопряженных силовых векторов. Эти векторы инициированы процессами социально-политических и экономических преобразований постсоветского периода и проецируются как в макроизмерение существования НГК, так и в измерение его организационного пространства (мезоуровень). Данная система диспозиций интегрирует эффекты трех групп исторически сложившихся условий:

- а) приток в отрасль когорт работников с predispositionами выживания — неприязательных, пассивных с правовой точки зрения, но способных к экстремальной мобилизации сил и ориентированных на получение максимального монетарного вознаграждения в краткосрочной перспективе;
- б) актуализация и легитимизация в организационной логике поля практик переэксплуатации человеческого потенциала при критической деструкции системы немонетарного вознаграждения труда, деградации основанных на доверии и диалоге практик социального обмена в иерархии производственных отношений, а также разрушение коллективных институтов саморегуляции, самоорганизации и социальной поддержки в горизонтальном измерении;
- в) атомизация и деградация функциональных связей между организационными акторами, занимающими различные позиции в иерархии нефтегазового хозяйства (предприятия строительного профиля, сервисные службы и службы эксплуатации, службы доставки и др.).

Сочетанным эффектом трансформации габитуса вахтовика-строителя в постсоветский период стала инкорпорация множества уязвимостей — от маргинализации в иерархии организационно-производственных отношений и деструкции позитивного компонента профессиональной идентичности до существенных репутационных потерь строителей как полноправных участников социального обмена за пределами отраслевого поля. Совокупным системным эффектом выступила легитимация депривационных норм производственно-трудовых отношений, воспроизводящих прекарность как естественную и неизбежную норму. Инкорпорация порождаемых в этом процессе уязвимостей блокирует актуализацию восходящих траекторий социального благополучия вахтовиков уже в микроизмерении их социального бытия и проецируется в ближайшую и отдаленную перспективу жизнедеятельности.

Опираясь на представленные результаты, мы можем утверждать, что задача реабилитации профессионального габитуса вахтовиков-строителей не может быть решена за счет простых управленческих решений командно-административного характера. Ее решение требует системных и научно обоснованных управленческих мер, в ряду которых наиболее значимыми и эффективными могут являться следующие: 1) выявление, укрепление и создание в поле отраслевой индустрии внутренних (в том числе новых) точек устойчивости и позитивных изменений; 2) выявление и выведение на уровень системного анализа практик воспроизводства прекарности и способствующих этому процессу компромиссов (практик серого трудового найма, неясных схем оплаты труда, демпинговых контрактов, увеличение срока рабочей вахты без опоры на данные мониторинга социального благополучия, субъективной защищенности и здоровья персонала и т.д.). В этом контексте должны быть переосмыслены достижения советского периода. В своё время они позволили сформировать точки воспроизводства позитивной профессиональной идентичности, коллективизма, конструктивного диалога преемственности и сотрудничества как в горизонтальном, так и в вертикальном измерениях промышленно-строительного комплекса, инкорпорированного в нефтегазовое хозяйство. Это притом, что и строительная, и добывающая отрасли несли в себе след крайне напряженной эпохи, в которой от первых пятилеток до послевоенного восстановления промышленности принудительно-мобилизационные практики и практики переэксплуатации человеческого потенциала обеспечивали возможность выживания страны и являлись, скорее, социальной нормой, чем составляли проблему.

Спектр этих достижений включает широкую линейку инструментов от конструирования социальных установок и положительного образа профессии посредством культурного дискурса до наукоемких решений, реализованных с 1970-х по 1990-е гг. в контексте комплексной программы Академии наук СССР, объединившей более сотни учреждений науки и высшего образования.

В этом контексте существенную роль могут играть выявление (и межотраслевой перенос) лучших практик: поддержки репутационной привлекательности рабочих профессий, востребованных сектором; формирования организационно-производственной среды, дружелюбной к потребностям работников и охватывающей все фазы решения организационных производственных задач от рекрутинга рабочей силы до доставки работников к месту проживания; реабилитация практик немонетарного и символического вознаграждения труда в отраслевом сегменте.

Выработка научных оснований для этих решений требует более детального анализа силовых векторов отраслевого поля, в том числе заданных внутренним укладом трудовой вахты, спецификой и прядками решения трудовых задач, практиками быта и досуга вахтовиков, практиками контроля их поведения, общения взаимодействия, практиками социального обмена в горизонтальном и вертикальном измерениях вахтового социума. Систематизация релевантных феноменов, их проекций в пространство трудового и субъективного опыта работников строительных вахт составляет перспективу нашего исследовательского проекта.

Литература / References

Белых С.Л., Симонова Н. Н., Корнеева Я. А., Войтехович Т. С. (2016) Ментальные репрезентации вахты как фактор профессиональной адаптации персонала. *Психологический журнал*, 37(5): 32–44.

Belykh S.L., Simonova N.N., Korneeva Ya.A., Voitekhovich T.S. (2016) Mental representations of shift work as a factor of professional adaptation of personnel. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 37(5): 32–44 (in Russian).

Бессонова Ю. В. (2018) Психологическое благополучие профессионала в экстремальных условиях деятельности. В Обознов А.А., Журавлев А.Л. (ред.) *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*. Т. 8. М.: Институт психологии РАН: 214–251.

Bessonova Yu.V. (2018) Psychological well-being of a professional in extreme working conditions. In Oboznov A.A., Zhuravlev A.L. (eds.) *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoy psikhologii i ergonomiki* [Current problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics]. Vol. 8. Moscow: Institut psikhologii RAN: 214–251 (in Russian).

Бурдые П. (2007) Социальное пространство и генезис «классов». Пер. с фр. Шматко Н. А. (ред.) *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя: 14–48.

Bourdieu P. (2007) Social space and the genesis of «classes». *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The sociology of social space]. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya: 14–48 (in Russian).

Быков В.М. (2020) О некоторых проблемах организации труда в Арктической зоне Российской Федерации. *Вестник Коми Республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления*, 24(29): 10–15.

Bykov V.M. (2020) On some problems of labor organization in the Arctic zone of the Russian Federation. *Vestnik Komi Respublikanskoy Akademii Gosudarstvennoy Sluzhby i Upravleniya. Seriya: Teoriya i Praktika Upravleniya* [Bulletin of the Komi Republican Academy of State Service and Administration. Series: Theory and Practice of Management], 24(29): 10–15 (in Russian).

Васильев А.В., Аношкин Д.В. (2010) Человеческий фактор как причина аварийности и травматизма на производстве и его анализ на основе принципов системного подхода к обеспечению безопасности. *Безопасность труда в промышленности*, 11: 22–25.

Vasiliev A.V., Anoshkin D.V. (2010) Human factor as a cause of accidents and injuries at production and its analysis based on the principles of a systematic approach to safety assurance. *Bezopasnost' truda v promyshlennosti* [Occupational Safety in Industry], 11: 22–25 (in Russian).

Гатти М., Федорова А.Е. (2014) Токсические элементы корпоративных социально-трудовых отношений: рабочее место, руководство и персонал. *Вестник Омского университета*, 2: 46–51.

Gatti M., Fedorova A.E. (2014) Toxic elements of corporate socio-labor relations: workplace, management, and personnel. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2: 46–51 (in Russian).

Гильтман М.А., Обухович Н.В., Ларионова Н.И. (2020) Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера. *Мир России*, 29 (3): 28–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-28-50>.

Giltman M.A., Obukhovich N.V., Larionova N.I. (2020) The influence of wages in the European part of Russia on migration in the regions of the Far North. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 29(3): 28–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-28-50> (in Russian).

Дегтева Г.Н., Зубов Л.А. (2017) Личностный ресурс работников нефтегазодобывающих компаний в контексте адаптации к неблагоприятным климатогеографическим условиям Арктики. *Психологический журнал*, 9: 15–21. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2017-9-15-21>.

Degteva G.N., Zubov L.A. (2017) Personal resource of oil and gas production company employees in the context of adaptation to unfavorable climatic and geographical conditions of the Arctic. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 9: 15–21. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2017-9-15-21> (in Russian).

Долголюк А. А. (2017) Создание строительных коллективов в формирующихся территориально-производственных комплексах Сибири. Стась И.Н. (ред.). *Сибирские строители: события и судьбы*: сб. ст. всерос. науч. конф., Сургут, СурГУ, 25–26 ноября, 2016. Курган: Курганский Дом печати: 39–55.

Dolgolyuk A.A. (2017) Creation of construction teams in the emerging territorial production complexes of Siberia. *Sibirskiye stroiteli: sobytiya i sud'by* [Siberian Builders: Events and Fates]. Kurgan: Kurganskiy Dom pechati: 39–55 (in Russian).

Донцов А. И., Перельгина Е. Б. (2016) Взаимодействие в условиях социальных изменений: доверие, субъективное благополучие и психологическая безопасность. *Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии*. Екатеринбург: Гуманитарный университет: 291–296.

Dontsov A.I., Perelygina E.B. (2016) Interaction in the context of social changes: trust, subjective well-being, and psychological security. *Ustoychivoye razvitiye Rossii*:

vyzovy, riski, strategii [Sustainable Development of Russia: Challenges, Risks, Strategies]. Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet: 291–296 (in Russian).

Казначеев В. П. (1980) Адаптация человека (социальные и медико-биологические аспекты). Кузнецов В. Ю. (ред.). *Клинические и экспериментальные аспекты общей патологии*. Новосибирск: СО АМН СССР: 5–17.

Kaznacheev V.P. (1980) Human adaptation (social and biomedical aspects). Kuznetsov V.Yu. (ed.) *Klinicheskiye i eksperimental'nyye aspekty obshchey patologii* [Clinical and Experimental Aspects of General Pathology]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Academy of Medical Sciences of USSR: 5–17 (in Russian).

Каллаган Т.В., Лобанов А.А., Тюлюпо С.В., Волкова И.И., Гатти Р.К., Лискевич Н.А., Рюткенен Р., Шадуйко О.М., Астахов С.Е., Федько С.И., Сорочинский С.В. (2020) *Трансформация окружающей среды и образа жизни социальных сообществ Западной Сибири в условиях климатических изменений и глобализации*. Отчет о НИР АААА-А18-118091890034-6. Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т.

Kallagan T.V., Lobanov A.A., Tyulyupo S.V., Volkova I.I., Gatti R.K., Liskevich N.A., Ryutkyonen R., Shadyuko O.M., Astakhov S.E., Fedko S.I., Sorochinsky S.V. (2020) *Transformatsiya okruzhayushchey sredy i obraza zhizni sotsial'nykh soobshchestv Zapadnoy Sibiri v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy i globalizatsii* [Transformation of the Environment and Lifestyle of Social Communities in Western Siberia under Climate Change and Globalization]. Research Report No. АААА-А18-118091890034-6. Tomsk: National Research Tomsk State University (in Russian).

Корнеева Я.А., Симонова Н.Н., Корнеева А.В., Добрынина М.А. (2024) Влияние психосоциальных факторов рабочего места на динамику функциональных состояний вахтового персонала нефтеразведочного предприятия. *Национальный психологический журнал*, 19(4): 161–175. <https://doi.org/10.11621/prj.2024.0411>.

Korneeva Ya. A., Simonova N. N., Korneeva A. V., Dobrynina M. A. (2024) The influence of workplace psychosocial factors on the dynamics of the functional states of shift personnel at an oil exploration enterprise. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 19(4): 161–175. <https://doi.org/10.11621/prj.2024.0411> (in Russian).

Корнеева Я. А., Трофимова А. А., Корнеева А. В., Юрьева А. С., Симонова Н. Н. (2021) Изменение функционального состояния лесозаготовителей в течение вахтового заезда как показатель цены деятельности. *Психология и современный мир. Субъект жизнедеятельности в современном обществе*. Архангельск: Северный (Арктический) федерал. ун-т им. М.В. Ломоносова: 299–304.

Korneeva Ya. A., Trofimova A. A., Korneeva A. V., Yuryeva A. S., Simonova N. N. (2021) Change in the functional state of loggers during a shift rotation as an indicator of the cost of activity. *Psikhologiya i sovremennyy mir. Sub'yekt zhiznedeyatel'nosti v sovremennom obshchestve* [Psychology and the Modern World. The Subject of Life

Activity in Modern Society]. Arkhangelsk: Severnyy (Arkticheskiy) federal'nyy universitet imeni M.V. Lomonosova: 299–304 (in Russian).

Кривошеков С.Г. (2016) Труд и здоровье человека в Арктике. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*, 4: 84–93.

Krivoshchekov S. G. (2016) Labor and human health in the Arctic. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Journal of the Northern (Arctic) Federal University], 4: 84–93 (in Russian).

Лексин В.Н. (2021) Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий. *Регион: Экономика и социология*, 3(111): 133–153. <https://doi.org/10.15372/REG20210306>.

Leksin V. N. (2021) New “otkhodnichestvo” (migrant labor) and shift work organization in the processes of depopulation and settlement of territories. *Region: Ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3(111): 133–153. <https://doi.org/10.15372/REG20210306> (in Russian).

Медведев В.И., Аверьянов В.С., Бриедис Ю.Э. (1984) *Физиологические принципы разработки режимов труда и отдыха*. Л.: Наука.

Medvedev V.I., Averyanov V.S., Briedis Yu.E. (1984) *Fiziologicheskiye printsipy razrabotki rezhimov truda i otdykha* [Physiological Principles of Developing Work and Rest Regimes]. Leningrad: Nauka (in Russian).

Обознов А.А., Чернецкая Е.Д., Бессонова Ю.В., Петрович Д.П. (2020) Субъективное профессиональное благополучие оперативного персонала атомных станций. Обознов А.А., Журавлев А.Л. (ред.). *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Труды Института психологии РАН*. М.: Институт психологии РАН: 235–252.

Oboznov A.A., Chernetskaya E.D., Bessonova Yu.V., Petrovich D.P. (2020) Subjective professional well-being of operating personnel at nuclear power plants. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoy psikhologii i ergonomiki. Trudy Instituta psikhologii RAN* [Current problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Proceedings of the Institute of Psychology RAS]. Moscow: Institut psikhologii RAN: 235–252 (in Russian).

Плюснин Ю.М. (2012) «Отходничество» в современной России. *Отечественные записки*, 50(5): 240–256.

Plyusnin Yu.M. (2012) “Otkhodnichestvo” (migrant labor) in modern Russia. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic Notes], 50(5): 240–256 (in Russian).

Пучков А.Л. (2007) Организация труда вахтовым методом на нефтегазодобывающих предприятиях Западной Сибири. *Вестник Томского государственного университета*, 296: 219–222.

Puchkov A.L. (2007) Organization of shift work at oil and gas production enterprises in Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 296: 219–222 (in Russian).

Серкин В.П. (2012) Специфика реализации функций семьи при работе мужа вахтовым или сезонным методом. *Вестник КРАУНЦ*, 20(2): 146–154.

Serkin V.P. (2012) Specifics of the implementation of family functions when the husband works on a shift or seasonal basis. *Vestnik KRAUNTs* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association “Educational-Scientific Center”], 20(2): 146–154 (in Russian).

Силин А.Н. (2021) *Вахтовый труд в Арктике: социально-пространственный дискурс*. Тамбов: ТИУ.

Silin A.N. (2021) *Vakhtovyy trud v Arkitke: sotsial'no-prostranstvennyy diskurs* [Shift Labor in the Arctic: A Socio-Spatial Discourse]. Tambov: Tambovskiy industrial'nyy universitet (in Russian).

Симонова Н.Н., Корнеева Я.А., Тюлюбаева Т.О. (2016) Субъективная оценка работником опасности различных ситуаций, возникающих в профессиональной деятельности при вахтовой организации труда в условиях Арктики. *Безопасность в промышленности*, 7: 60–65.

Simonova N.N., Korneeva Ya.A., Tyulyubaeva T.O. (2016) Subjective assessment by an employee of the danger of various situations arising in professional activity during shift work organization in Arctic conditions. *Bezopasnost v promyshlennosti* [Safety in Industry], 7: 60–65 (in Russian).

Страусс А., Корбин Дж. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М.: Эдиториал УРСС.

Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques]. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Тартаковская И.Н., Ваньке А.В. (2019) Трудовые траектории precarious работников и формирование precarious габитуса. *Социологический журнал*, 25(2): 99–115. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.2.6388>.

Tartakovskaya I.N., Vanke A.V. (2019) Labor trajectories of precarious workers and the formation of a precarious habitus. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 25(2): 99–115. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.2.6388> (in Russian).

Тихонова Н.Е. (2021) Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х — конец 2010-х гг. *Социологические исследования*, 8: 22–32. <https://doi.org/10.31857/S013216250014308-1>.

Tikhonova N.E. (2021) Transformations of the social structure of Russian society: Late 1980s — late 2010s. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 22–32. <https://doi.org/10.31857/S013216250014308-1> (in Russian).

Тощенко Ж.Т. (2015) Прекариат — новый социальный класс. *Социологические исследования*, 374(6): 3–13.

Toshchenko Zh.T. (2015) Precariat — a new social class. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 374(6): 3–13 (in Russian).

Туракаев М.С. (2016) Габитус и повседневные практики вахтовых работников Башкортостана. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(3): 189–202.

Turakaev M.S. (2016) The habitus and everyday practices of shift workers from Bashkortostan. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(3): 189–202 (in Russian).

Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. (2022) Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана. *Проблемы развития территории*, 26(6): 115–133. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>.

Turakaev M.S., Baimurzina G.R. (2022) Shift work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 26(6): 115–133. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7> (in Russian).

Федорова А.Э., Каташинских В.С., Дворжакова З. (2016) Прекаризация трудовых отношений как фактор социального загрязнения. *Экономика региона*, 12(3): 802–814. <https://doi.org/10.17059/2016-3-16>.

Fedorova A.E., Katashinskikh V.S., Dvorzhakova Z. (2016) The precarization of labor relations as a factor of social pollution. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 12(3): 802–814. <https://doi.org/10.17059/2016-3-16> (in Russian).

Фролова А.С., Посухова О.Ю. (2016) Нарратив и дискурс профессиональной идентичности в советской прессе 1970–1980 гг. *Власть*, 24(10): 101–108.

Frolova A.S., Posukhova O.Yu. (2016) Narrative and discourse of professional identity in the Soviet press of the 1970s–1980s. *Vlast'* [The Power], 24(10): 101–108 (in Russian).

Шамионов Р.М. (2020) Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи. *Сибирский психологический журнал*, 77: 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9>.

Shamionov R.M. (2020) The relationship between social activity and satisfaction of basic psychological needs, subjective well-being, and social frustration of youth. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 77: 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9> (in Russian).

Штомпка П. (2005) *Социология. Анализ современного общества*. Пер. с пол. М.: Логос.

Sztompka, P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of Modern Society]. Trans. from Polish. Moscow: Logos (in Russian).

Bayard De Volo L., Schatz E. (2004) From the Inside Out: Ethnographic Methods in Political Research. *Political Science & Politics*, 37(2): 267–271. <https://doi.org/10.1017/S1049096504004214>.

Coffey A. (1999) *The Ethnographic Self: Fieldwork and the Representation of Identity*. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage.

Flick U. (2014) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Analysis*. London: Sage.

Saxinger G. (2016) Lured by oil and gas: Labour mobility, multi-locality and negotiating normality & extreme in the Russian Far North. *The Extractive Industries and Society*, 3(1): 50–59. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.12.002>.

Taylor J. (2011) The Intimate Insider: Negotiating the Ethics of Friendship When Doing Insider Research. *Qualitative Research*, 11(3): 3–22. <https://doi.org/10.1177/1468794110384447>.

Источники

Госкомтруд СССР, Секретариат ВЦСПС (1981). Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 3 декабря 1981 г. № 333/21-100 «Об утверждении Типового положения о вахтовом методе организации работ».

“THE PIPE STRETCHES LIKE FATE”: SOCIETAL PRECONDITIONS OF THE HABITUS OF SHIFT CONSTRUCTION WORKERS IN THE OIL AND GAS SECTOR IN THE POST-SOVIET PERIOD¹

*Svetlana Vladimirovna Tyulyupo*¹ (svetdy@mail.ru),
*Olga Mihailovna Shaduyko*¹,
*Bairma Antonovna Dashieva*¹,
*Vitaly Vladimirovich Tyulyupo*²

¹National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

²Autonomous Nonprofit Organization for Additional Professional Education “ConstructionOilGas Engineering Center”, Tomsk, Russia

Citation: Tyulyupo S.V., Shaduyko O.M., Dashieva B.A., Tyulyupo V.V. (2026) “The pipe stretches like fate”: societal preconditions of shift construction workers in the oil and gas sector in the Post-Soviet period. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 62–99 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.3> EDN: AKELLR

Abstract. The article presents a section of the final theoretical synthesis of an interdisciplinary study on the impact of macro-environmental factors on the quality of life in Russia’s labor-deficient territories. The aim is to reveal how the macro-processes of the 1990s (deindustrialization, agrarian crisis, migrations) structured the logic of organizational changes and influenced the formation of the production habitus of shift workers in the construction sector of the oil and gas complex, thereby shaping trajectories of their social well-being. The empirical basis consists of biographical interviews with construction shift workers (1990s–2020s). A qualitative analysis, conducted following grounded theory methodology and employing P. Bourdieu’s concept of habitus, revealed

¹ This research was supported by “The Tomsk State University competitiveness improvement programme”, grant no. 2.2.1.24.

key interconnections between societal processes and the transformation of the labor field. The results show that the influx of new cohorts of workers (displaced industrial workers, rural residents, migrants) with survival predispositions became an agent of systemic change. Their habitus, characterized by unpretentiousness, legal passivity, and a focus on short-term income, legitimized hyper-intensive labor regimes and informal (“gray”) payment schemes as acceptable and even preferable. Employers used these practices as a competitive advantage, forming a hyper-resilient organizational field that reproduces precarity and vulnerability. The research contributes to understanding the mechanisms of labor precarization in Russia, demonstrating the long-term impact of societal shocks, mediated by changes in the composition and habitus of the workforce, on the social well-being of shift workers.

Keywords: Siberia, oil and gas industry, shift work method (FIFO), shift worker, environmental components, social habitus, social well-being.

СОЦИОЛОГИЯ СМИ

ФЕЙК ВО СПАСЕНИЕ? ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О (НЕ)ПРИЕМЛЕМОСТИ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

Анастасия Дмитриевна Казун (adkazun@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Казун А.Д. (2026) Фейк во спасение? Представления россиян о (не)приемлемости ложной информации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 100–117. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.4> EDN: AREIQG

Аннотация. Термин «фейковые новости» стал частью не только академического, но и повседневного языка. Исследователи выделяют широкий спектр негативных последствий дезинформации. Однако остается неизвестным, проблематизирует ли ситуацию население и готова ли аудитория новостей оправдывать фейки в определенных контекстах? Эмпирическая база исследования включает 119 полуструктурированных интервью, проведенных в период с марта по май 2024 г. и посвященных восприятию недостоверного контента. В интервью подчеркивается негативное отношение к распространению фейковых новостей. Однако информанты отмечают их относительную приемлемость в случаях, когда недостоверный контент, по их мнению, не несет негативных последствий для индивида и общества (юмор и сатира), позволяет избежать неблагоприятной реакции на события повестки дня (например, паники) или имеет позитивные последствия (привлекает внимание населения к значимым проблемам, подталкивает к конструктивным или желательным для общества действиям, выступает инструментом государственной политики, «тренажером» критического мышления или средством борьбы с ложными убеждениями). При этом фейковые новости должны отвечать ряду требований: незначительность искажений фактов, чрезвычайные обстоятельства и нерегулярное распространение фейков, временный характер и предоставление впоследствии корректирующих сведений, соответствие действующему законодательству. Рассуждения о (не)приемлемости фейковых новостей могут строиться в логике этики или прагматики. В первом случае информанты указывают на невозможность оправдать дезинформацию позитивными эффектами, которые она может повлечь за собой. Во втором — предпринимаются попытки калькуляции потенциальных позитивных и негативных последствий фейков, а готовность поддерживать неэтичные меры связывается с несовершенством других людей, подверженных ошибкам мышления, ложным убеждениям и излишней эмоциональности.

Ключевые слова: фейковые новости, дезинформация, потребление новостей, доверие к медиа, медиацинизм.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Проблема фейковых новостей активно обсуждается в последние годы. Исследователи подчеркивают негативные последствия распространения дезинформации (Lazer et al. 2018). Предполагается, что сформированные под ее воздействием ложные убеждения могут влиять на поведение людей, заставляя их принимать неверные решения по самым разным вопросам: от политических (Cantarella et al. 2023) до относящихся к здоровью (Southwell et al. 2023; Swire-Thompson, Lazer 2020). В этой связи предлагается привлекать внимание населения к необходимости проверки информации и высоким рискам столкнуться с недостоверным контентом. Возникает публичная дискуссия о фейковых новостях, появляются интернет-ресурсы и телевизионные программы, разоблачающие фейки. Предполагается, что это должно сформировать более критическое отношение к информации.

Однако существует иная точка зрения, согласно которой активная публичная дискуссия о фейковых новостях наносит едва ли не больший ущерб, чем дезинформация как таковая. Исследователи отмечают, что в результате подобных обсуждений в отношении фейковых новостей возникла моральная паника (Carlson 2020; Miró-Llinares, Aguerri 2023). Вместо большей внимательности и критичности к информации публичная дискуссия спровоцировала недоверие к социальным институтам и политикам (Dobber et al. 2021; Jones-Jang et al. 2021), тотальное разочарование в медиа. Уверившись, что фейки окружают их, люди перестали верить даже корректной информации (van der Meer et al. 2023). Кроме того, сам термин «фейковые новости» превратился в орудие борьбы с идеологическими оппонентами (weaponization) (Berry et al. 2023; Tong et al. 2020). И политики, и население по всему миру относят к фейкам не недостоверные новости, а контент, который не соответствует их убеждениям. Соответственно фейковые новости порой представляют собой не жанр, а ярлык (Egelhofer, Lecheler 2019), направленный на стигматизацию тех или иных акторов. Взаимные обвинения в распространении фейковых новостей могут усиливать поляризацию общества (Au et al. 2022) и агрессию по отношению к журналистам (Mazzaro 2023) и аут-группам.

Во многих странах мира наблюдается кризис доверия информационным ресурсам (Казун 2024) и обеспокоенность проблемой фейковых новостей (Шушпанова 2018). Россия не является исключением. Так, в конце 2023 г. 40 % россиян указывали, что сталкивались с фейковыми новостями в месяц, предшествующий опросу¹. Кроме того, в конце

¹ Фейк-ньюс — и как с ними бороться? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja>.

2023 — начале 2024 г. почти половина россиян выражали полное или частичное согласие с тем, что СМИ манипулируют общественным мнением, а примерно четверть — с тем, что они регулярно сообщают ложную информацию¹. Качественные данные дополняют и подтверждают результаты количественных исследований. Отмечается, что люди испытывают сомнения по отношению к качеству новостей и не готовы полностью полагаться даже на те источники информации, которые они используют (Вырковский, Шамсутдинова 2024; Петрова 2024). Соответственно недостоверный контент воспринимается как часть повседневности, а сам термин фейковые новости стал частью обыденного языка. В таких условиях следует говорить о прагматичном доверии (pragmatic trust) медиаконтенту (Schwarzenegger 2020), т.е. о решении полагаться на те или иные источники новостей, несмотря на сомнения в их надежности, чтобы получить хоть какие-то сведения и не оказаться в информационном вакууме.

Однако мы мало знаем о том, проблематизируют ли россияне сложившуюся ситуацию. Всегда ли они воспринимают недостоверный контент как негативное явление? И возможен ли с их точки зрения «фейк во спасение»? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

Методология

Эмпирическая часть исследования основана на 119 полуструктурированных интервью (средняя продолжительность 46 минут), проведенных в период с марта по май 2024 г. Структура информационной базы исследования представлена в таблице 1. Поскольку восприятие фейковых новостей является контекстуальным и тесно связано с событиями повестки дня (Казун 2025б), необходимо учесть, что в рассматриваемый промежуток времени активно обсуждались в медиа и привлекли общественное внимание такие события как продолжающаяся специальная военная операция (СВО)², теракт в «Крокус Сити Холле»³ (22 марта) и наводнение в Оренбургской области⁴ (начало апреля).

¹ Барометр экономического поведения домашних хозяйств. 2024. № 3. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/981539441.pdf>.

² События недели. Опрос «ФОМнибус» 23–25 февраля. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d08sn2024.pdf>.

³ События недели. Опрос «ФОМнибус» 29–31 марта. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d13sn2024.pdf>.

⁴ События недели. Опрос «ФОМнибус» 12–14 апреля. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d15sn2024.pdf>.

Таблица 1

Структура информационной базы исследования (N=119)

		Число информантов
Пол	Мужчины	57
	Женщины	62
Возрастная группа	16–25 лет	61
	26–45 лет	25
	46–75 лет	33
Вовлеченность в потребление новостей	Низкая	30
	Средняя	42
	Высокая	47

Помимо указанных в таблице 1 параметров, которые квотировались при отборе информантов, для нас было важно также фиксировать и варьировать сферу деятельности интервьюируемых и населенный пункт их проживания. В выборку были включены люди, чья профессиональная деятельность в разной степени связана с использованием интернета и необходимостью отслеживать информацию по повестке дня: UX-исследователь, IT-фрилансер, инженер, врач скорой помощи, пианистка, воспитатель в детском саду, парикмахер и т.д. Разумеется, интервью также проводились со студентами, пенсионерами и домохозяйками. Примерно половина информантов проживают в Москве (59 человек), остальные представляют иные населенные пункты, преимущественно города (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень, Пермь, Оренбург, Владивосток, Тверь, Сочи, Краснодар, Междуреченск, Барнаул, Рязань и т.д.). Кроме того, исходя из темы исследования, значение имеет политическая позиция интервьюируемых. Однако, поскольку в настоящее время подобные вопросы являются очень сензитивными, прямо они не задавались. Тем не менее взгляды информантов могут быть реконструированы на основании их ответов об используемых новостных источниках, а также исходя из оценок, даваемых различным событиям повестки дня. Эта информация используется при интерпретации результатов, однако по этическим соображениям не раскрывается при описании интервьюируемых.

Гайд интервью включал вопросы относительно понимания информантами термина «фейковые новости», опыта столкновения с недостоверной информацией, подходов к верификации контента, оценки последствий распространения фейковых новостей для индивида и общества и т.д.

Использование в интервью как более абстрактных вопросов, посвященных представлениям о фейковых новостях, так и апелляции к индивидуальному опыту позволило получить развернутые и содержательные ответы. Осмысление проблемы в общем виде требовало от информантов относительно высокой рефлексивности, а вопросы об опыте столкновения с фейковыми новостями могли вызывать трудности с припоминанием. Именно поэтому такие типы вопросов хорошо работали в комплексе и дополняли друг друга.

Интервью проводились студентами НИУ ВШЭ, участвующими в проекте «Народные теории фейковых новостей». Интервьюерам предоставлялся гайд, составленный руководителем проекта. Перед началом полевого этапа исследования был организован инструктаж, который касался как техники ведения интервью, так и содержательных задач исследования. Интервьюерам была прочитана лекция, систематизирующая современное состояние исследований в данной области. Отдельно обсуждалась структура гайда, входящих в него вопросов. Для контроля качества собираемого эмпирического материала были установлены дедлайны для сдачи каждого интервью. Это позволяло предоставлять интервьюерам индивидуальные комментарии относительно того, что можно было бы усилить при общении со следующими информантами. Тем самым мы стремились снизить потенциальные негативные эффекты ограниченного опыта в проведении интервью на их содержательность и глубину.

В литературе термин «фейковые новости» обычно определяется как намеренно и проверяемо недостоверная информация, соответствующая журналистскому формату и имеющая целью введение в заблуждение (Egelhofer, Lecheler 2019). Однако, поскольку информанты свободно оперируют понятием «фейковые новости», мы не просили их руководствоваться конкретным определением данного термина и специально не поясняли его в гайде. Вместо этого в ходе интервью фиксировались «народные» определения, которые могли отличаться от академических. Это позволило выявить склонность информантов к расширенным трактовкам термина «фейковые новости» и тенденцию относить к нему пропаганду, слухи, антинаучные и конспирологические сообщения. В частности, к категории фейков могла быть отнесена достоверная в целом информация, противоречащая идеологической позиции интервьюируемого (Казун 2025а). В эмпирической части работы мы понимаем фейки в соответствии с интерпретацией информантов. Соответственно, если следовать академическим определениям, речь идет скорее о *дезинформации*, чем о *фейковых новостях* в том смысле, который в них вкладывают исследователи в области социальных наук.

Результаты

Контексты приемлемости фейковых новостей

Фейковые новости проблематизируются информантами. В частности, в интервью подчеркивается их высокая распространенность и многочисленные потенциальные риски, связанные с дезинформацией. Однако фейки могут восприниматься как оправданные в ситуациях, когда предполагается, что они не несут негативных последствий или имеют позитивные эффекты, перевешивающие связанный с дезинформацией вред. Хотя такая точка зрения, по-видимому, не является доминирующей, важно подробнее остановиться на вопросе о том, в каких случаях трансляция ложного контента представляется людям приемлемой или даже полезной.

Мне кажется, что лучше предоставлять людям правду, чтобы они были готовы к последствиям, потому что если вы будете им рассказывать ложь, то по итогу эта ложь, она просто рождает дополнительную ложь. И это ни к чему хорошему не приводит (И17, муж., 20 лет).

Фейковыми новостями, которые воспринимаются как **не наносящие вреда**, является сатирический и юмористический контент, «если они звучат из КВНа или из Камеди Клаба» (И54, муж., 40 лет). Дезинформация в этом случае интерпретируется как форма искусства, допускающая преувеличения или искажения для создания комического эффекта. Недостоверному контенту приписывается развлекательная, а не информационная функция. При этом предполагается, что аудитория понимает контекст и не воспринимает подобные новости буквально.

Сатирические какие-то издания, либо какие-то люди, комики, либо, может быть, музыкальные исполнители, которые в контексте своего творчества могут что-то переиначить, переделать. Но как будто бы их творчество и подразумевает то, что они могут сказать и сделать именно в контексте творчества все, что угодно. Ну, в рамках закона, естественно. И не стоит это воспринимать серьезно (И1, муж., 19 лет).

Вместе с тем в отдельных случаях дезинформация воспринимается не только как не несущая угрозы, но и как (отчасти) функциональная. В частности, фейковые новости могут рассматриваться как вынужденная мера в кризисной ситуации, своего рода меньшее зло, направленное на **снижение напряженности и недопущение паники**. Таким образом, приемлемость дезинформации в данном случае является контекстуаль-

ной. Фейковые новости воспринимаются как полезные строго в определенных критических обстоятельствах, в рамках которых они позволяют не допустить деструктивного поведения («не подвергать панике население и не провоцировать какие-то бунты, восстания, негативную волну» — И70, жен., 46 лет) и защищают население от негативного эмоционального опыта («не вызывать излишнюю тревожность» — И72, жен., 55 лет).

Просто человеку спокойно, он как бы отрешен, отдален от этой темы, и все. А если бы все показывалось, как есть на самом деле, то человеку было бы сложнее. То есть бывают такие ситуации, где человеку необязательно все знать, как на самом деле происходит. В какой-то степени это защищает его от негативного (И55, жен., 53 года).

Кроме того, нарративы отражают попытки информантов разделить индивидуальное негативное отношение к фейкам и их предполагаемую общественную значимость. «Полезность» дезинформации связывается с несовершенством общества, делающим подобные практики востребованными. В соответствии с эффектом третьего лица (third-person effect) (Yoo et al. 2022) «Другие» представляются информантам более подверженными как влиянию вызывающего панику негативного контента, так и самим фейковых новостей. Предполагаемая уязвимость «Других» отчасти легитимирует манипулирование информационным потоком.

При серьезном каком-то конфликте или происшествии, когда официальные новостные источники преуменьшают потери, чтобы паники не было... Мне кажется, это один из методов пропаганды, который, везде используется. И я его оправдываю лично, потому что все-таки паника в народе — это не очень хорошо. Но, с другой стороны, как будто я ощущаю, что меня обманывают, что мне не до конца что-то рассказывают. И, конечно, я внутри негативно к этому отношусь, но если ставить на весы, условно, спокойствие населения, чтобы это не приводило еще к большим разрушениям, то я это оправдываю (И48, жен., 20 лет).

Положительные эффекты фейковых новостей, описываемые информантами, разнообразны. В частности, дезинформация рассматривается как функциональная, если она позволяет привлечь внимание населения к значимым проблемам, «интерес вызвать к чему-то» (И14, жен., 46 лет). Предполагается, что фейковые новости могут заставить людей заинтересоваться какими-либо вопросами в области культуры («может быть какая-то ситуация, связанная с культурой, и это больше привлечет людей изучать

эту тему» — И11, жен., 17 лет), способствовать тому, чтобы «люди, например, улучшили свой образ жизни, стали задумываться о защите природы» (И36, муж., 18 лет). Внимание к подобным значимым вопросам, в свою очередь, должно так или иначе влиять на поведение, подталкивая к конструктивным или желательным для общества действиям. Разумеется, подобные цели могут достигаться и без привлечения ложной информации. Однако использование фейковых новостей обосновывается (1) либо в логике «цель оправдывает средства», когда информанты предполагают, что забота о здоровье или экологическое поведение обладают такой высокой значимостью, что способы их стимулирования важны в меньшей степени — «когда затрагивается тема здоровья, любые средства хороши» (И97, жен., 28 лет); (2) либо через указание на то, что сенсационность контента, присущая фейковым новостям, повышает эффективность, с которой он достигает аудитории.

Возможно какая-то была опубликована фейковая новость о том, что в городе, я не знаю, отстреливают или травят бездомных животных, дохантеры, вот это все. И даже если это изначально не было правдой, то люди начали как-то более внимательно относиться к своим животным и следить за тем, что они там на улице делают, чаще надевать намордники... И там снизился какой-то процент нападений собак на других собак или на людей. Здесь вроде бы как никаких негативных последствий это [публикация фейка] за собой не повлекло. Но вообще, конечно, можно было этой цели добиться другим путем. Но, наверное, менее эффективно было бы сказать, что «давайте надевать на своих собак намордники, чтобы они никого не кусали». Это, конечно, никто не слушает. А вот когда есть какой-то такой фактор опасности, и ты думаешь о том, что ты не ради других стараешься, а ради себя и своего животного, это более эффективно (И49, жен., 21 год).

Фейковые новости также могут рассматриваться как приемлемый инструмент государственной политики, позволяющий формировать «настроение общества» (И42, муж., 21 год) и «вектор общественных обсуждений» (И3., муж., 20 лет).

Возможно, [фейковые новости оправданны] в каком-то исключительном случае, когда общество находится в критическом состоянии, и ему нужна какая-то поддержка. Либо, возможно, правительство принимает меры, которые отвечают долгосрочным интересам страны, при этом общество хочет меры, которые ориентированы на краткосрочное благосостояние страны. И в таком случае, возможно,

для более выигрышных долгосрочных перспектив нужно создать манипуляции между ними. Но, опять же, неизвестно, насколько это морально приемлемо (И79, муж., 18 лет).

Интересна также тенденция рассматривать фейковые новости как своеобразный «тренажер» критического восприятия информации, позволяющий «потренироваться в политическом мышлении» (И15, жен., 23 года). Информанты верят, что опыт столкновения с недостоверным контентом и последующими его разоблачениями позволяет, с одной стороны, осознать важность верификации информации, с другой стороны, научиться обращать внимание на индикаторы, которые могут указывать на ложный характер новости.

Если в общественно-политическом пространстве вбрасывается сначала какая-то умеренно фейковая новость, а затем идет понятное, логичное, ясное ее разоблачение, то у людей в целом повышается чувствительность к такого рода новостям и критическое восприятие информации. <...> Грубо говоря, сеанс черной магии с разоблачением (И6, муж., 35 лет).

Они [фейковые новости] научат людей анализировать. Если хоть какой-то человек научится анализировать... Допустим, придёт ко мне моя дочь и скажет: «Мам, слушай, прикинь вот это вот...». «Да это ерунда!». «Что значит ерунда?». «Давай я тебе расскажу, почему это ерунда». И в следующий раз она подумает: точно, надо же, мать-то что-то говорила, вот может я тоже там потыкаю [перепроверю информацию] (И12, жен., 45 лет).

Парадоксальным образом фейки могут также рассматриваться как средство борьбы с ложными убеждениями. В частности, по мнению информантов, ложные новости приемлемо использовать для того, чтобы переубедить антипрививочников. Вероятно, готовность приписывать им такую функцию также связана с тем, что сенсационность контента, свойственная фейкам, позволяет достичь большую аудиторию. Соответственно люди с антинаучными взглядами, возможно, предпочитающие альтернативные, а не мейнстримные медиа, имеют большие шансы услышать соответствующую информацию.

Есть люди, которые заблуждаются с точки зрения подтвержденной науки, медицины, там, чего-то еще... Они реально заблуждаются, и, если через вот такие [фейковые] новости получится их переубедить, я думаю, что чуть лучше будет житья и людям вокруг, и их детям, например, и им самим (И1, муж., 19 лет).

Условия приемлемости фейковых новостей

Мы рассмотрели контексты и ситуации, в которых люди воспринимают фейковые новости как оправданные. Однако, рассуждая о приемлемости дезинформации, интервьюируемые часто делают оговорки, что (1) фейковые новости в любом случае представляют собой негативное явление, (2) распространение фейковых новостей можно оправдать и принять только при соблюдении ряда условий и ограничений. Информанты готовы проявлять толерантность к недостоверному контенту в следующих случаях.

Искажения информации должны быть незначительными. Оправданным является не прямой обман, а «минимальное изменение данных» (И21, жен., 21 год), «недосказанность» (И5, муж., 60 лет) или «умалчивание» (И97, жен., 28 лет). Предполагается, что подобные искажения не будут иметь серьезного негативного эффекта для общества.

Когда допустим, есть необходимость избежать паники, избежать каких-то там волнений, конечно, может быть, информация может быть дозирована, немножко искажена и смягчена, чтобы новость не повлекла какую-то бурную реакцию. И, естественно, я считаю, что это допускается (И24, муж., 47 лет).

Приемлемость фейковых новостей является контекстуальной. Распространение дезинформации оправдывается в чрезвычайных обстоятельствах (трагедии, кризисы), если оно направлено на снижение паники и избежание дестабилизации ситуации. При этом использование фейковых новостей «не должно носить системный характер» (И41, муж., 48 лет), а населению впоследствии следует предоставить корректирующую информацию.

Фейковые новости иногда могут нести пользу народу, так как эти новости, например, специально сглаживают углы, чтобы люди себя спокойнее чувствовали. Но мне кажется, что лучше, чтобы люди знали правду. Однако, на короткий срок это может быть полезно, так как правительство, скорее всего, это дело делает целенаправленно, чтобы успокоить народ и ситуацию в стране (И16, жен., 20 лет).

Интересно, что в данном случае распространение фейков приписывается кризисной коммуникации органов власти. Часть аудитории новостей наделяет государство правом использовать дезинформацию для общественного блага: «Государство должно понимать то, что с некоторыми фейками нужно бороться, а некоторые фейки можно и распространять» (И42, муж., 21 год). Можно предположить, что они будут менее чувствительны к неточностям в новостях из официальных источников,

не воспринимая обнаруженные искажения как основания для недоверия информационным ресурсам.

Кроме того, поскольку фейковые новости являются объектом правового регулирования и часто обсуждаются в публичном поле именно с этой точки зрения, информанты указывают на приемлемость дезинформации только при условии ее соответствия законодательству: «Ситуации, когда это делается под контролем закона из каких-то соображений безопасности» (И57, муж., 52 года).

Релятивизм, прагматизм и этика

В целом рассуждения о приемлемости фейковых новостей принимают форму поиска компромисса между индивидуальными представлениями об этике и прагматизме. Информанты могут негативно оценивать дезинформацию как таковую, апеллируя к моральной стороне вопроса, или же оправдывать или критиковать такой контент, калькулируя предполагаемые плюсы и минусы его распространения. Во втором случае, приемлемость фейковых новостей может обосновываться тем, что «любые средства могут быть оправданы целью» (И94, муж., 18 лет). В качестве примеров приводятся ситуации, когда дезинформация воспринимается как меньшее зло (например, контент, направленный на снижение паники в кризисных ситуациях) или средство достижения бесспорного блага (например, мотивирование людей к здоровому образу жизни и соблюдению медицинских рекомендаций).

Готовность принимать сомнительные с этической точки зрения формы массовой коммуникации приписывается несовершенству мира и общества. Информанты сознают, что достоверный новостной контент является нормативно желательным, однако указывают, что окружающие их люди не всегда адекватно реагируют на такую информацию, что обуславливает приемлемость ее периодического искажения. Таким образом, ответственность за распространение фейков частично перекладывается на абстрактных других, недостатки которых снижают эффективность иных форм коммуникации.

Ну, если бы все были такими молодцами, как я, с более-менее хитрой головой на плечах, то фейки — это, безусловно, плохо, и их не должно существовать. Если мы вернёмся к реальности, то, наверное, иногда фейки играют хорошую роль в плане, они эти горящие головы... не дают им перегреться (И95, муж., 18 лет).

Кроме того, в интервью четко прослеживается релятивистское отношение к природе информации, присущее эпохе постправды (Stenmark

et al. 2018). Новостной контент осмысливается в логике «нельзя делить все на черное и белое» (И42, муж., 21 год). С одной стороны, информанты рассматривают достоверные и недостоверные новости не как дихотомию, а как континуум, подчеркивая, что контенту присуща та или иная «степень фейковости». С другой стороны, информация не разделяется однозначно на полезную и вредную, ее функции оцениваются с учетом контекста. Такой дифференцированный подход к рассмотрению фейковых новостей и их последствий позволяет людям допускать, что дезинформация может быть частично оправдана. Например, в случае, если степень ее фейковости невысокая, а событийный контекст делает ее позитивные эффекты более значимыми, чем негативные. Соответственно, говоря о приемлемости фейковых новостей, информанты не оправдывают прямую ложь, а пытаются осмыслить сложную и неоднозначную медиасреду (Назаров 2018; Казун 2024), в которой живут.

Тут сейчас во мне две стороны борются. Человек такой рациональный и человек такой справедливый. Справедливый человек во мне говорит, что нет, никаких плюсов в них [фейковых новостях] нет. Рациональный человек же во мне говорит, что, всякие ситуации, например, там, где агитируют за ЗОЖ, где пытаются снизить волнение населения... Очевидно, тут от фейковой новости будут какие-то позитивные более-менее последствия, потому что они в первом случае приведут к популяризации ЗОЖ потенциально. Во втором случае они могут предотвратить какие-то массовые волнения, которые могут вылиться в деструктивность абсолютную. И как бы в этом случае они хорошие. Тут как бы, опять-таки, нет ничего абсолютно плохого и ничего абсолютно хорошего. Есть только серое. Фейковые новости, в том числе, они серые. Но я больше склоняюсь к тому, что поскольку мы получаем информацию, и на эту информацию полагаемся, и этой информацией живем, человек без информации — это ничто, то лучше, чтобы эта информация преподносилась в наиболее объективном виде, и к этому должна стремиться современная журналистика (И85, жен., 18 лет).

Заключение

Доминирующий нарратив направлен на проблематизацию дезинформации. Даже подчеркивая приемлемость и функциональность распространения фейковых новостей в определенных ситуациях, информанты одновременно отмечают, что данная практика ими не одобряется и представляется спорной с точки зрения морали. Для того чтобы дезинформация могла рассматриваться как оправданная, требуется ее соответствие

нескольким условиям: незначительность искажений фактов, чрезвычайные обстоятельства и нечастое распространение фейков, временный характер и предоставление впоследствии корректирующих сведений, соответствие действующему законодательству. Вместе с тем говорить о том, что дезинформация практически всегда неприемлема для россиян, нужно с осторожностью. Термин «фейковые новости» является идеологически окрашенным и часто используется в качестве оружия, направленного против оппонентов. Фейки можно рассматривать как скользящее означающее (*floating signifier*) (Laclau 2005), так как термин принимает разные значения в зависимости от контекста, а различные политические проекты стремятся переопределить его границы (Farkas, Schou 2018). В интервью мы видим, что в некоторых случаях ярлык фейковости присваивается не ложному контенту, а интерпретации реальности, которая противоречит взглядам информанта. Соответственно по крайней мере в ряде случаев размышления о неприемлемости дезинформации фактически представляют собой неприятие альтернативных точек зрения по тем или иным вопросам.

Вместе с тем информанты отмечают (относительную) приемлемость фейковых новостей в тех случаях, когда недостоверный контент, по их мнению, не несет негативных последствий для индивида и общества (юмор и сатира), позволяет избежать неблагоприятной реакции на события повестки дня (например, паники) или имеет позитивные последствия (привлекает внимание населения к значимым проблемам, подталкивает к конструктивным или желательным для общества действиям, выступает инструментом государственной политики, «тренажером» критического мышления или средством борьбы с ложными убеждениями).

Однако некоторые ожидания информантов противоречат результатам существующих академических исследований. Например, предоставление корректирующей информации, которые представляются аудитории необходимым этапом, в действительности имеют ограниченную эффективность. Фейковые новости могут сохранять свое влияние даже после опровержения (Thorson 2016; Нестик, Михеев 2022). Соответственно предлагаемые в интервью условия приемлемости дезинформации, необязательно могут нивелировать или снизить негативные эффекты ее распространения. Подчеркнем, что в данном исследовании выделены не случаи, в которых фейковые новости являются полезными и оправданными, а контексты, в которых они *воспринимаются* таковыми.

Рассуждения о приемлемости фейковых новостей могут строиться в логике этики или прагматики. В первом случае информанты указывают на невозможность оправдать дезинформацию позитивными эффектами,

которые она может повлечь за собой. Во втором случае предпринимаются попытки калькуляции потенциальных позитивных и негативных последствий фейков. Принятие отхода от этического поведения (размещение только достоверного контента) для достижения общественного блага обосновывается несовершенством мира, которое делает дезинформацию более эффективным способом управления общественным мнением. Предполагается, что другим людям присущи ошибки мышления, ложные убеждения и чрезмерная эмоциональность, которая может приводить к деструктивному поведению. По мнению информантов, фейковые новости следует использовать для корректировки их убеждений и действий. Соответственно сами размышления о функциональности фейковых новостей вписываются в логику эффекта третьего лица: считая других более подверженными различным негативным влияниям (Perloff, Shen 2023) (например, антинаучного и конспирологического контента, вызывающих панику новостей), информанты готовы принять спорные с этической точки зрения меры.

Наконец, следует отметить, что восприятие фейковых новостей в целом является контекстуальным. Так, акцент на необходимости недопущения паники в чрезвычайных обстоятельствах (в том числе с использованием дезинформации) связан с опытом проживания кризисов и трагедий последних лет.

Литература / References

Вырковский А.В., Шамсутдинова Ю.Ф. (2024) Категория доверия к масс-медиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 182–203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2529>

Vyrkovsky A.V., Shamsutdinova Y.F. (2024) The Category of Trust in Mass Media in the Conditions of Information Turbulence: Time to Update the Concepts? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6: 182–203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2529> (in Russian).

Казун А.Д. (2025а) «Народные теории» фейковых новостей. *Полис. Политические исследования*, 6: 73–85.

Kazun A.D. (2025a) “Folk Theories” of Fake News. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6: 73–85. (in Russian).

Казун А.Д. (2025б) «Очернить светлое и чистое, обелить темное и грязное»: представления россиян о потенциальных рисках фейковых новостей. *ИНТЕР-акция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*, 3: 35–54.

Kazun A.D. (2025b) “To Tarnish the Bright and Pure, to Whitewash the Dark and Dirty”: Russians’ Perceptions of the Potential Risks of Fake News. *INTERakciya*.

INTERv'yu. INTERpretaciya [INTERaction. INTERview. INTERpretation], 3: 35–54 (in Russian).

Казун А.Д. (2024) Перспективные направления исследований потребления новостей в контексте медиасреды с большим выбором. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 2: 3–47. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2024.347>

Kazun A.D. (2024) Promising Areas for News Consumption Research in High-Choice Media Environment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 2: 3–47. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2024.347> (in Russian)

Назаров М.М. (2018) Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация. *Социологические исследования*, 8: 54–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250000762-1>.

Nazarov M.M. (2018) Modern media landscape: diversity and fragmentation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 54–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250000762-1> (in Russian).

Нестик Т.А., Михеев Е.А. (2022) Психологические факторы эффективности опровержения дезинформации в социальных сетях. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 2, 65–94. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_003

Nestik T.A., Mikheev E.A. (2022) Psychological factors of the effectiveness of refuting disinformation in social networks. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda*. [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 2: 65–94. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_003 (in Russian).

Петрова Д.В. (2024) Потребление новостей в сельской местности: (не)доверие и стратегии верификации информации. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 4: 91–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2572>

Petrova D.V. (2024) News Consumption in Rural Area: (Dis)Trust and Verification Strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 91–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2572> (in Russian).

Шушпанова И.С. (2018) «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы. *Социологические исследования*, 12: 94–104. <https://doi.org/10.31857/S013216250003173-3>

Sushpanova I.S. (2018) “Post-truth” in Social Reality: Risks and Threats. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12: 94–104. <https://doi.org/10.31857/S013216250003173-3> (in Russian).

Au C.H., Ho K.K.W., Chiu D.K.W. (2022) The Role of Online Misinformation and Fake News in Ideological Polarization: Barriers, Catalysts, and Implications.

Information Systems Frontiers, 24(4): 1331–1354. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10133-9>

Berry R.A., Rosenbaum J.E., Corey A. M. (2023) Weaponising #Fakenews on Twitter: Generating Flak or Critiquing the Status Quo in the Trump Era? *Javnost — The Public*. <https://doi.org/10.1080/13183222.2023.2267265>

Cantarella M., Fraccaroli N., Volpe R. (2023) Does fake news affect voting behaviour? *Research Policy*, 52: 104628. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104628>

Carlson M. (2020) Fake news as an informational moral panic: The symbolic deviancy of social media during the 2016 US presidential election. *Information, Communication & Society*, 23(3): 374–388. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1505934>

Dobber T., Metoui N., Trilling D., Helberger N., de Vreese C. (2021) Do (Micro-targeted) Deepfakes Have Real Effects on Political Attitudes? *The International Journal of Press/Politics*, 26(1): 69–91. <https://doi.org/10.1177/1940161220944364>

Egelhofer J.L., Lecheler S. (2019) Fake news as a two-dimensional phenomenon: A framework and research agenda. *Annals of the International Communication Association*, 43(2): 97–116. <https://doi.org/10.1080/23808985.2019.1602782>

Farkas J., Schou J. (2018) Fake News as a Floating Signifier: Hegemony, Antagonism and the Politics of Falsehood. *Javnost — The Public*, 25: 298–314. <https://doi.org/10.1080/13183222.2018.1463047>

Jones-Jang S.M., Kim D.H., Kenski K. (2021) Perceptions of mis- or disinformation exposure predict political cynicism: Evidence from a two-wave survey during the 2018 US midterm elections. *New Media & Society*, 23(10): 3105–3125. <https://doi.org/10.1177/1461444820943878>

Laclau E. (2005) *On Populist Reason*. London: Verso.

Lazer D. M. J., Baum M. A., et al. (2018) The science of fake news. *Science*, 359(6380): 1094–1096. <https://doi.org/10.1126/science.aao2998>

Mazzaro K. (2023) Anti-Media Discourse and Violence Against Journalists: Evidence from Chávez's Venezuela. *The International Journal of Press/Politics*, 28(3): 469–492. <https://doi.org/10.1177/19401612211047198>

Miró-Llinares F., Aguerri J.C. (2023) Misinformation about fake news: A systematic critical review of empirical studies on the phenomenon and its status as a 'threat'. *European Journal of Criminology*, 20(1): 356–374. <https://doi.org/10.1177/1477370821994059>

Perloff R.M., Shen L. (2023) The Third-Person Effect 40 Years After Davison Penned It: What We Know and Where We Should Traverse. *Mass Communication and Society*, 26(3): 384–413. <https://doi.org/10.1080/15205436.2022.2134802>

Schwarzenegger C. (2020) Personal epistemologies of the media: Selective criticality, pragmatic trust, and competence-confidence in navigating media repertoires in the digital age. *New Media & Society*, 22(2): 361–377. <https://doi.org/10.1177/1461444819856919>

Southwell B.G., Machuca J.O., Cherry S.T., Burnside M., Barrett N.J. (2023) Health Misinformation Exposure and Health Disparities: Observations and Opportunities. *Annual Review of Public Health*, 44: 113–130. <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-071321-031118>

Stenmark M., Fuller S., Zackariasson U. (2018) *Relativism and Post-Truth in Contemporary Society: Possibilities and Challenges*. Cham: Springer.

Swire-Thompson B., Lazer D. (2020) Public Health and Online Misinformation: Challenges and Recommendations. *Annual Review of Public Health*, 41: 433–451. <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040119-094127>

Thorson E. (2016) Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation. *Political Communication*, 33(3): 460–480. <https://doi.org/10.1080/10584609.2015.1102187>

Tong C., Gill H., Li J., Valenzuela S., Rojas H. (2020) “Fake News Is Anything They Say!”—Conceptualization and Weaponization of Fake News among the American Public. *Mass Communication and Society*, 23(5): 755–778. <https://doi.org/10.1080/15205436.2020.1789661>

van der Meer T. G. L. A., Hameleers M., Ohme J. (2023) Can Fighting Misinformation Have a Negative Spillover Effect? How Warnings for the Threat of Misinformation Can Decrease General News Credibility. *Journalism Studies*, 24(6): 803–823. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2187652>

Yoo J., Kim D., Kim W.-G. (2022) Fake news on you, Not me: The Third-Person Effects of Fake News in South Korea. *Communication Research Reports*, 39(3): 115–125. <https://doi.org/10.1080/08824096.2022.2054790>

LIES FOR THE GREATER GOOD? RUSSIAN PERCEPTIONS OF THE (UN)ACCEPTABILITY OF DISINFORMATION¹

Anastasia Kazun (adkazun@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Kazun A. (2026) Lies for the greater good? Russian perceptions of the (un)acceptability of disinformation. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 100–117 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.4> EDN: AREIQG

Abstract. The term “fake news” has entered not only academic discourse but also everyday language. Researchers highlight a wide range of negative consequences

¹The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the HSE University.

associated with disinformation. However, it remains unknown whether the public problematizes this situation and whether news audiences are willing to justify fake news in certain contexts. This study's empirical base comprises 119 semi-structured interviews conducted between March and May 2024, focusing on perceptions of fake news. While the interviews reveal a generally negative attitude towards the dissemination of fake news, respondents noted its relative acceptability under specific circumstances. These include situations where the misinformation is perceived as having no negative consequences for individuals or society (e.g., humor and satire), avoids adverse reactions to current events (e.g., panic), or yields positive outcomes (e.g., raising public awareness of significant issues, prompting constructive or socially desirable actions, serving as a tool of state policy, a "training ground" for critical thinking, or a means of combating false beliefs). However, such fake news must meet certain criteria: minimal factual distortion, extraordinary circumstances and infrequent dissemination, temporary nature with subsequent corrective information provided, and compliance with existing legislation. Reasoning regarding the (un)acceptability of fake news can be framed within ethical or pragmatic logics. In the former, respondents emphasize the impossibility of justifying disinformation through potential positive effects. In the latter, attempts are made to calculate the potential positive and negative consequences of fake news, with a willingness to endorse unethical measures linked to the perceived shortcomings of others — individuals susceptible to cognitive biases, false beliefs, and excessive emotionality.

Keywords: fake news, disinformation, news consumption, media trust, media cynicism.

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

ADAPTATION PRACTICES OF FORCED MIGRANTS: A COMPARATIVE STUDY OF RUSSIAN EMIGRANTS IN GEORGIA AND GERMANY IN 2022–2023¹

Kira Legut (klegut@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Legut K. (2026) Adaptation practices of forced migrants: a comparative study of Russian emigrants in Georgia and Germany in 2022–2023. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 118–148 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.5> EDN: AZKRKY

Abstract. The most recent Russian emigration wave of 2022–2023 has some peculiar features. Unlike their predecessors, the migrants of that wave have been leaving the country in conditions of high economic instability, strong tensions in the international political arena, closed airspace for Russia's airlines, and suspended facilitation of obtaining the Schengen visa. The research goal of the current paper is to describe the adaptation practices of Russian migrants in 2022–2023 in the context of international tension. The empirical basis of the research consists of sixteen interviews with migrants in Germany and Georgia who left Russia in 2022 and 2023. The analysis shows that most common and successful adaptation practices include membership in a community and participation in activities that the migrants find interesting and valuable. Peculiarities of adaptation process in each country have been defined. The forced nature of emigration leads to the choice of a country with easier entry conditions, however, further adaptation in such cases is less successful. When moving to a country requiring entry preparation, informants adapt better as they have a clearer vision of their future in the new location. Thus, unlike migrants in Germany, informants from Georgia do not plan to remain in the country, which results in their isolation within the Russian-speaking community. They have a vague image of their future, which decreases the overall level of their adaptive capacity.

Keywords: emigration, adaptation practices, Russian emigrants, Germany, Georgia

Introduction

Emigration waves have been occurring in Russia since the collapse of the Russian Empire and even earlier (Slobin 2013; Lokosov, Rybakovsky 2014; Aleshkovski, Grebenyuk, Vorobyeva 2018). According to the United Nations

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

World Migration Report (2022), more than ten million Russian people currently live abroad, which is the third highest score after India and Mexico. Since the beginning of the 1990s, half of the post-Soviet migrants went to the CIS countries, and the other half chose non-CIS countries (Tinchurin et al. 2021). In the early 2000s the Western countries were the most popular destination. However, after 2014 and subsequent sanctions imposed on Russia, most of the new migrants left for the CIS member-states (Tinchurin et al. 2021).

The emigration wave of 2022 drew the attention of scholars as well as journalists, and legislators. Korobkov (2022) highlights that it differs from the migration processes that happened before. During the Soviet and post-Soviet periods, people emigrated because they were both “pushed” out of the country by internal factors, including economic instability, degradation of the state-run sector and academia, etc., and “pulled” in the foreign countries by the liberalization of migration policies. In 2022, the emigrants’ decision to leave the country was based mostly on the “push” factors inside Russia. The migration wave of 2022–2023 has some peculiar features. Unlike their predecessors, new waves of emigrants were leaving the country in conditions of high economic instability, strong tension in the international political arena, logistic barriers, and complex bureaucratic procedures.

In 2022, after the conflict between Russia and Ukraine began in late February, several hundred thousand Russians left the country. Although estimates of the number of Russians who left vary, on average, various experts claim that at least half a million people migrated (Kasyanchuk 2022; Shirmanova 2023); the upper limit is still a highly controversial issue. Experts summarise that new Russian emigrants constitute “a heterogeneous group that has left the country for a variety of reasons” (Petersen 2022). While the major trigger is the ongoing military conflict, the particular reasons for emigration vary. Some people left the country as they assumed it was not safe anymore. For others, the political situation became incompatible with their personal beliefs and values. The migration routes also included ethnic emigration and business emigration (Gulina 2023: 64).

Media discourse typically categorises the emigration of 2022 into two waves, namely the “February wave” which occurred after the announcement of the beginning of the special military operation on February 24th, and the “September wave” which took place after the announcement of the start of ‘partial mobilisation’ on September 21st. The second wave is assumed to be more massive. According to the decree “On the Declaration of Partial Mobilisation in the Russian Federation” (2022), men aged 25–35 in the armed forces reserve who previously served in the Russian army, and who have combat experience or military specialities, were called up to join the Russian armed forces

in Ukraine. The partial mobilisation resulted in country-wide protests and outmigration of reservists to the neighbouring states (Vorobeva 2022).

After arriving in the place of destination, Russian emigrants of 2022–2023 face financial challenges. The economic situation became extremely unstable as the currency course fluctuated over months. For instance, the dollar exchange rate doubled during March (Bank of Russia 2022). In the same month, international payment systems MasterCard and Visa suspended operations with Russian bank accounts outside the country, which meant that owners of Russian bank cards could only use cash payments abroad and couldn't carry out cross-border transactions (Bank of Russia 2022).

Thus, in 2022–2023, Russian migrants left their homeland in unique conditions that were predetermined by the political situation not experienced before. Due to the peculiarity of the economic, political, and social context of that emigration wave, the behaviour of Russian emigrants in the countries of destination presents interest as well as the circumstances of their departure. How do these people adapt to the new place? Which needs and issues are their main priorities? How do they try to solve them? Do these adaptation practices differ depending on the host countries that migrants find themselves in? The context of the host country can impact emigrants' perception of their position in the host society. For example, the available data shows that emigrants estimate their position as less "stable" in the countries that are easier to access (Georgia, Turkey), while those who left for Germany and Serbia view their position as more stable (Sergeeva, Kamalov 2024: 25). A study on the psychological adaptation of Russian emigrants in CIS countries (Tatarko, Lebedeva 2023) supports the suggestion that the context of the host country impacts the adaptation practices, yet provides no data for the European context.

This article examines migrants' personal experiences and perceptions. Therefore, we need to discover their views on their migration and adaptation process. The findings pertaining to migration factors and migrants' adaptation stories are supposed to provide us with an understanding of (1) how Russian emigrants adjust to the new environment in the context of international events of 2022–2023 and (2) how their adaptation practices differ in European and post-Soviet countries. The previous studies on the topic provide the socio-demographic portrait of that emigration wave (Baranova et al. 2023), the political views of these people (Krawatzek and Sasse, 2024), the main routes of Russian emigration after 2022 (Gulina 2023), the anticipated effect it might have on European society (Inozemtsev 2024), migrants' activism practices in the host countries (Darieva et al. 2023; Tysiachniouk, Konnov 2022), digital solidarity practices (Khapsaeva 2023), and online narratives of the migrants (Prashizky 2023). A special emphasis is put on the mass migration of Russian people to CIS

countries (Melkumyan, Melkonyan 2023; Petersen 2022; Gunko 2022). The adaptation process of Russian emigrants is a research subject of several studies. The OutRush project panel survey (Kamalov et al. 2025) provides insights into the integration progress of Russian emigrants; however, this data is of a quantitative nature and does not give voice to the emigrants themselves, as their reflections on their experiences are left out. The study on psychological adaptation of Russian emigrants provides an insight for the CIS countries only (Tatarko and Lebedeva 2023), which does not allow us to trace the impact of the host country on adaptation practices.

The current study aims to fill in this gap. We have collected sixteen in-depth interviews with emigrants in Germany and Georgia, which allows us to analyse their perception of adaptation experience and compare these perceptions in the context of two countries. The first chapter of the article provides a conceptualisation of the main terms, namely migration, adaptation, and adaptation practices. The empirical chapter includes a comparative description of the context of Russian emigration in Georgia and Germany. It is followed by a description of the research method and the process of data collection. The results indicate that there are similar and specific adaptation practices for both countries. The article finishes with a conclusion and a list of limitations.

Defining Migration

Migration is usually characterised by the following features: the reason to leave the country of origin, the longevity of staying in the host country, and the intention to stay in the host country (Anderson, Blinder 2011). Defining migration in accordance with the reason to leave the homeland is of particular importance for policymakers, as this understanding helps to define the kind of assistance migrants need at the place of departure. In this sense, both policymakers and academics use the forced-voluntary dichotomy. Petersen (1958) provides one of the most frequently quoted typologies of migration, where he lists five types of migration, with forced and impelled migration being one of the types.

Yet dividing migration into voluntary and forced as mutually exclusive types is not always effective in terms of empirical studies. Human mobility often combines circumstances from both, as the level of migrant agency is almost impossible to estimate (Koser, Martin 2011; Bakewell 2021; Erdal, Oeppen 2020).

The difference between the terms lies in the conceptual distinction between “forced” and “voluntary”. Erdal and Oeppen (2020) state that volition of choice is based on two factors, i.e. the availability of any alternatives and, if there are any, the acceptability of these alternatives. Therefore, migration is labelled as forced if the person is physically forced to leave (due to military conflicts

or natural disasters, for example) or they can stay in the country of origin, yet their life conditions can be seen as unacceptable to human dignity, including threats of being put to prison for political reasons or being forced into prostitution. Yet, even in such cases, one can argue that deciding to leave requires agency, which means that migration can be described as voluntary. Therefore, the authors highlight the subjective nature of the distinction as it depends on “the labeller’s perception of what constitutes ‘acceptable’ alternatives”. Another important aspect is the distinction between primary and secondary choices. Even if the person exhibits their agency in choosing the mode of travel, their migration as a fact of leaving their homeland can still be forced in the first place, which makes their whole migration experience involuntary.

The latter situation seems to be the common case for Russian emigrants in 2022-2023: international military escalation and partial mobilisation were the factors forcing these people to leave, yet they had the opportunity to choose the destination and plan their trip to a certain extent.

Defining Adaptation of Migrants: Distinction from Integration, Acculturation, and Assimilation

To define adaptation, we need to distinguish this term from integration, acculturation, and assimilation, which are often used as its synonyms. Berry, who focused on acculturation, provides one of the most cited frameworks on the topic. He defines acculturation as “the process of cultural and psychological change that results following a meeting between cultures” (Sam, Berry 2010: 472). In his conception, assimilation and integration are acculturation strategies along with separation and marginalisation. The difference between these strategies lies in the extent to which the individual merges into the host culture and maintains their homeland culture. Assimilation happens when a migrant fully adopts the host country culture; integration includes both maintaining the homeland culture and adopting the culture of the host (Sam, Berry 2010: 476).

In other studies and frameworks, integration is used as a broader term and might be hard to separate from adaptation. The key difference between them is reciprocity. According to The Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU (Council of the European Union 2004), integration is “a dynamic, two-way process of mutual accommodation by all immigrants and residents of Member States”. Phillimore and Grzymala-Kazłowska (2017) point out that it can happen only “through the mutual adaptation of migrants, the host population and the state”. Cormos defines adaptation as the first step towards integration into the host society (Cormos 2022: 5). According to her framework, integration is a process of becoming part of the new societal network, while adaptation is “the ability of the migrant subject to fit into the

pre-existing structures of the receiving society”. Ager et al. state that integration is successful if an individual or a social group interacts with both host and home community, organises their accommodation, employment, and other aspects of life “in a manner consistent with shared notions of nationhood and citizenship in that society” (Ager et al. 2002: 23). Ager and Strang also introduced a conceptual framework or integration that included ten components (Ager, Strang 2008). Unlike integration, adaptation is a one-way process, an effort taken by the migrant that does not imply reciprocity from the host society. Cormos understands assimilation, another term often used as a synonym to integration and adaptation, as “a form of integration into a social or national group by losing or transforming one’s own characteristic features” (Cormos 2022: 5). While assimilation and integration imply major changes in a migrant’s identity, adaptation is one’s adjustment to the new conditions: cultural, political, lifestyle.

In Russian academia, adaptation studies gained popularity during the 1990s as scholars analysed the way Russian society adapted to radical changes and experienced internal migration. Anna Gotlib, who studied adaptation to the new post-Soviet labour market (2000), defines the process of adaptation as a psychological and behavioural adjustment to the social environment that is being formed at a given moment. In general, she views adaptation as a process with a linear structure consisting of three major elements, i.e. a goal, instruments, and a result. Gotlib distinguishes behavioural adaptation from cognitive one. She assumes that the first reaction to the changing environment is behavioural, while social attitudes, values, and stereotypes remain the same for quite a long period of time. Context is an important aspect of Gotlib’s framework because she views adaptation in conditions of uncertainty, which was relevant for post-Soviet research. Gotlib emphasises that in conditions of uncertainty “adaptive behaviour is not externally observed forms of activity, but a process of behavioural exploration of a rapidly changing environment — in fact, a ‘survival activity’ (Gotlib 2000: 11)

To sum up, adaptation represents a socio-psychological concept, while integration, acculturation, and assimilation imply cultural changes for an individual. In this study, we view adaptation as an adjustment to the new environment. It is the first step towards integration in the new society, yet integration is not the initial goal of the adaptation process. While adapting to the new place, an individual seeks psychological stability and adjustment to the new social norms.

Adaptation of Russian Emigrants Abroad

Though most studies on recent Russian emigration do not focus on migrants’ adaptation/integration process, some of them provide valuable data on the topic. Tatarko and Lebedeva (2023) point out that cultural distance and

the host country's policy towards Russian emigrants impact acculturation. They studied the acculturation of Russian emigrants in post-Soviet countries. The data showed that Kyrgyzstan and Armenia are the easiest countries for acculturation, while acculturation in Estonia and Latvia requires some additional effort, and Georgia and Tajikistan are the most unfavourable for the psychological adaptation of Russians. Gulina (2023) lists typical emigration scenarios for the latest Russian emigration wave that imply potential adaptation paths. The list includes ethnic repatriation, especially noticeable in Israel and Germany, transit migration, most common for countries that are easiest to access, such as Turkey and Georgia, business relocation observed in most CIS countries, and "foothold", or applying for state support in countries which launched special programs for Russian political refugees. The OutRush project, a longitudinal study of Russian emigration wave of 2022, revealed that in the very beginning of life abroad, the emigrants "demonstrated a willingness to integrate into their host societies" (Kamalov et al. 2023: 16). In the 2024 report (Sergeeva, Kamalov 2024), scholars emphasized the importance of the perceived stability of emigrants' position in the host society as an adaptation factor. The countries where most of the respondents felt "very stable" were Israel, Serbia, and Germany, while Kazakhstan, Georgia, and Turkey occupied the last positions on the list. Scholars concluded that countries which, on one hand, were harder to enter, provided, on the other hand, "more opportunities for stable settlement, possibly due to a more stable migrant status" (Sergeeva, Kamalov 2024: 25). That conclusion can be partly supported by Gulina's "emigration scenarios" summary. A year later, another OutRush survey (Kamalov, Nugumanova, Sergeeva 2025) showed a slight increase in emigrants' adaptation. Scholars associated that progress with continuing learning of local languages, a decrease in perceived discrimination, gradual obtaining of legal status, growing social ties in the host society and strengthening ties with loved ones in Russia.

These studies provide evidence that the context of host countries impacts migrants' adaptation process. Some of the studies suggest adaptation/integration motives and practices that migrants perform to arrange their lives in the new country. Yet no research provides in-depth qualitative data on the adaptation process perceived by migrants themselves and the particular adaptation practices they perform. Moreover, no research indicating the difference between the European and CIS contexts for the adaptation of Russian emigrants has been conducted yet.

Adaptation Practices

In their study of migration as adaptation to climate change, Ober and Sakdapolrak (2017) refer to practices as "routinised" and social actions, including

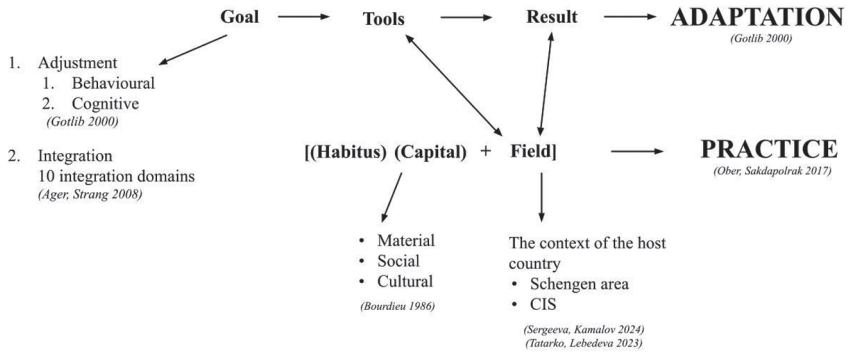

Fig. 1. Conceptualisation of adaptation practice

bodily, mental, and communicative activities, as well as motivations, knowledge, and technology use. They follow Bourdieu in his view on practices “in the context of and as a result of the interplay of the actors’ inner structures (‘habitus’), their ability to act (their endowments with ‘capital’), and the social world they are embedded in (‘field’)” (Ober, Sakdapolrak 2017: 361). They view “migration as adaptation” as a field: “defined, social spaces with specific internal logics (rules, topics or issues, and forms of relevant capital)”.

In this paper, in order to define adaptation practice, we combine the adaptation definition suggested by Gotlib and the practice definition suggested by Ober and Sakdapolrak (see Fig. 1).

Adaptation is a process that consists of three main elements, i.e. a goal, tools to achieve this goal, and the result (Gotlib 2000). The goal is the adjustment to the new conditions, namely behavioural and, later, cognitive. As adaptation is the first step towards integration (Cormos 2022), we assume that the long-term goal might be integration that we conceptualise according to Ager et al. (2002). Integration consists of ten domains (Ager, Strang 2008). We assume that the adaptation process, as the first integration step, can also be viewed through these components. An emigrant appears in the host country with the habitus and capital they managed to gain in the home country and bring abroad. The tools used to adjust to the new context vary according to the conditions of the new country or the field. The result of the adaptation process varies, as we assume, in different host countries.

To sum up, in this study, adaptation practice implies an attempt to adjust to the new environment (which is its goal) using available tools in the context of the host country (the field) and considering an individual’s habitus and existing capital (economic, social, and cultural). The result of that attempt can be an adjustment to the new environment and further integration into the host society or not.

The Context and Sample Collection

In this paper, we consider the host countries as the foundation of our sample collection, as they are the contexts in which migrants find themselves and carry out their practices. These differences are summarised in Table 1 and described in more detail below.

Table 1

Characteristics of the political, social, and cultural context in Germany and Georgia

	Germany (Schengen area)	Georgia (CIS)
Entry conditions	<ul style="list-style-type: none"> To enter Germany, Russian citizens require a Schengen visa (for tourist, education, or business purposes) Germany provides repatriation programs In 2022, Germany launched humanitarian visas for Russian citizens who are at risk in Russia for their anti-war engagement (Darieva, Golova, Skibo 2023: 14–15) The country can be reached from Russia only by plane. In 2022, no direct flights were available due to the closed airspace for Russian airlines (RBC 2022) 	<ul style="list-style-type: none"> To enter Georgia, Russian citizens require no visa, just an international passport The country can be reached by land as it shares a border with Russia (Khapsaeva 2023)
Political context	<ul style="list-style-type: none"> The migration flow from the former Soviet Union to Germany has been active since the 1990s (Darieva, Golova, Skibo 2023: 12). Germany has been the most popular European destination for Russian emigrants (wiiw 2023). The political views of the Russian diaspora in Germany are heterogeneous (Darieva, Golova, Skibo 2023: 12). 	<p>Many Georgians see Russian emigrants as a political threat (Darieva, Golova, Skibo 2023: 12) due to the recent military conflicts between the countries:</p> <ul style="list-style-type: none"> The 1992–1993 Georgian–Abkhaz conflict: Russia supported Abkhazian separatists (Kızılbuğa 2006); The August War of 2008: Moscow moved military forces into the Georgian breakaway regions of Abkhazia and South Ossetia (Galeotti 2023).

end of table 1

	Germany (Schengen area)	Georgia (CIS)
	<ul style="list-style-type: none"> In 2022, the country offered special entry options for certain groups of Russian emigrants, partly due to long-standing connections between the civil societies in Russia and Germany (Darieva, Golova, Skibo 2023: 15). 	Russian emigrants in Georgia are generally critical towards Russian political institutions (Krawatzek, DeSisto, Soroka 2023: 24).
Social context	<p>Germany has offered protected status of war refugees for more than 1,2 million Ukrainian citizens (German Federal Ministry of Interior 2025)</p> <p>Germany is seen as a long-term destination by most emigrants rather than a “transit point” (Darieva, Golova, Skibo 2023: 14–15).</p>	<p>The country has not been prepared for the mass inflow of Russian emigrants. The reaction in Georgian society has been mixed: while the government views it as a new economic opportunity, part of Georgian society perceives Russian emigrants as a trigger for social and economic inequality and risks to national security (Kakachia, Kandelaki 2022).</p> <p>Georgia is perceived as a transit point by most of the emigrants (Darieva, Golova, Skibo 2023: 12; Geiger, Syrakvash 2023)</p>
Language	The state language is German; the Russian language is spoken only in the Russian-speaking diaspora.	State language is Georgian, yet the majority of citizens understand Russian at an advanced or intermediate level (CRRG Georgia 2022)

The difference between emigration destinations begins with the entry conditions. In September 2022, the announcement of partial mobilisation in Russia resulted in protests and outmigration of reservists to the neighbouring states (Vorobeva 2022). In conditions of uncertainty and a direct threat of being sent to war, people decided to migrate very hastily. Therefore, they had little opportunity to prepare for the departure, especially bureaucratically. Entry conditions in various countries played a major role in that stage of migration. Therefore, we divide the emigrants’ destinations based on their visa regimes. Addressing Russian Federal Security Service data (EMISS), expert assessments (Re: Russia 2023), and independent research (Kamalov et al. 2022), we assume that the emigration destinations can be basically divided into two major groups.

The first group includes those who require a visa, and the second includes those who do not. As the resources for our research are limited, we choose the most popular emigration destination to represent each of the two groups mentioned above. Moreover, although we are aware that the geography of migration of Russian nationals after February 24, 2022, is wide and includes South America, Southeast Asia and other regions of the world, we limit our focus to European and post-socialist geographical contexts as quantitatively most significant.

Most of the European 'visa-required' destinations for Russian emigrants in 2022–2023 were part of the Schengen Area. Among Schengen countries, Germany is a remarkable case, as for years it has been the most popular European destination for Russian migrants (wiiw 2023). The same trend has continued in 2022, when Russians were actively relocating and applying for refugee status there.

Choosing a case among post-Soviet countries is a more challenging task as there are no integrated databases, the available statistical data is scattered and poorly comparable, and many migrants move between the states. Considering the official statistics available, the independent research data, and officials' claims, we chose Georgia as a second, 'visa-free' case in our research. This South Caucasian country still allows Russian citizens to stay with no residence permit for a long period of time (360 days) and admits the 'visa run' practice. According to Georgian President Salome Zourabishvili, in November 2022, around 100,000 Russian citizens stayed in Georgia (News.am 2022).

For the current migration case, 4 groups of aspects of the overall context present a particular importance in terms of migrants' adaptation:

- Entry conditions which play an important role in the context of urgent, forced migration;
- Political context that implies diplomatic relations between states and recent military conflicts;
- Social context that implies socioeconomic level of the host country compared to Russia and its changes caused by the first wave of mass exodus at the beginning of 2022;
- Language spoken by residents of the host countries.

In Georgia, two cities became the main hubs for the concentration of Russian migrants: Tbilisi, the capital of the country, and Batumi, the second largest city. Relations between Russia and Georgia have not been peaceful during the post-Soviet era. The first reason is the 1992–1993 Georgian–Abkhaz conflict, in which Russia, as a sidelined combatant, supported Abkhazian separatists fighting against Tbilisi (Kızılbuğa 2006). The second trigger of the political tension was the August War of 2008, when Moscow moved military forces into the Georgian breakaway regions of Abkhazia and South Ossetia (Galeotti 2023).

As a result, Abkhazia and South Ossetia declared their independence from Georgia, and Russia became one of the few states in the world to recognise it. Despite the independent status, these regions are militarily and economically dependent on Russia and have been occupied by Russian forces ever since (Peterson 2022). Such a political backdrop explains the contentious attitudes Georgians have toward Russian migrants (ibid). At the same time, the current party in power, 'Georgian Dream', has not joined Western sanctions against Russia (ibid). The Russian language is spoken by many Georgian citizens as part of Soviet heritage and close business ties with Russia, especially among the older generations (CRRC Georgia 2022). As a consequence of mixed political attitudes towards Russia, the reaction to the mass migration flow varied as well. The arrival of emigrants caused a rapid increase in prices for rent and services. Part of Georgian society perceived Russian emigrants as a trigger for social and economic inequality and risk to national security (Kakachia, Kandelaki 2022).

The German context significantly differs from the Georgian context. The German government condemned the Russian invasion and provided military support for Ukraine. At the same time, Germany did not prohibit entry for Russian citizens as Poland and Baltic states did and even provided support for Russians "at risk" while accepting hundreds of thousands of Ukrainian refugees (Darieva, Golova, Skibo 2023). Nevertheless, for Russians, entering Germany is much more complicated than entering Georgia as the country is a member of the EU. The migrant should either prove their purpose of visit to get a Schengen visa, or prove their life is under a threat in Russia and receive a humanitarian visa. Obtaining a regular Schengen visa requires having a source of income to support one's lifestyle abroad, which becomes more complicated with currency fluctuation and economic sanctions. While Germany has been the most popular destination for Russian migrants in Europe for years, unlike Georgians, the German population does not speak Russian.

We suggest that differences between the countries lead to various adaptation practices performed by Russian emigrants in Georgia and Germany. Regarding the complexity of adaptation, we assume that for Russian emigrants it is easier to adapt in Georgia. This country has fewer entry barriers, shares a Soviet past with Russia, and has stronger economic ties with the country despite recent political tension; many Georgian citizens speak Russian.

Data Collection

Addressing personal experiences of Russian migrants and their perception of the adaptation process, we conduct semi-structured interviews with them. The sample consists of sixteen interviews with Russians who live in Georgia and Germany, eight from each country (see Appendix 1). In the sample, we aim

to cover emigration routes described by O. Gulina: ethnic repatriation, transit migration, ‘foothold’, and business relocation (the fifth route, ‘return to Russia’, has been intentionally excluded) (Gulina 2023). In the ‘business relocation’ type, we include those migrants who left Russia to pursue their careers abroad. In addition to Gulina’s classification, we pay attention to the cases of those who have migrated to Germany to study at universities (‘academic migration’).

According to Kamalov et al., a ‘typical’ emigrant of the spring migration wave from Russia is a person at the age of 32, from Moscow, Saint Petersburg or other million-plus cities, not married and with no children, highly qualified and employed in the IT, office work or cultural sphere (Kamalov et al. 2022). This portrait frames our search for relevant informants. As it seems to reflect an average HSE University alumnus (That’s So HSE 2021), we have decided to use a network of public Telegram chats uniting HSE University graduates living outside Russia. We recruited 10 informants by the convenience sampling method; namely, we have posted a request to participate in the research in the chats devoted to Georgia and Germany, and then contacted the members who volunteered.

Yet, to avoid getting into the “bubble” of the HSE graduates, we have intentionally searched for cases outside the portrait described above. Aiming to represent the variety of cases and stories, we used the target sample to recruit migrants who are 40+ years old, political refugees, repatriates, or who relocated with children. Thereby, six more informants were recruited.

The interviews were conducted online via the Zoom platform. Conversations were audio-recorded and then transcribed. All the participants have been guaranteed anonymity and have given informed consent for participation in the research and audio recording at the very beginning of the conversation. The average duration of interviews is 60 minutes.

Interview Guide

As stated above, we view adaptation as a first step towards integration. Therefore, we assume that the structure of integration can be applied to view the structure of the adaptation process, too. Among other things, our interview guide adopts most of the ‘integration domains’ by Ager and Strang (2008). They propose a theoretical framework with four groups of ‘integration domains’:

- “Markers and means” including employment, housing, education, and health necessities;
- “Social connections” refers to the establishment and perseverance of social ties;
- “Facilitators”, which are language skills and cultural knowledge;
- “Foundation”, which rests on migrant rights and citizenship.

In the current study, the interview guide is divided into two sets of questions: an introductory one and a main one. The introductory set of questions concerns the conditions of leaving Russia, e.g. motivation to leave, the choice of destination, and preparation for departure.

The main set of questions is divided into 5 blocks. In general, they all concern migrants' aspirations in the new place, the tools they used to satisfy their needs, and their satisfaction with the result they received. Block 1 concerns the process of finding the source of income or accommodation. Block 2 covers issues related to adjusting to the culture of the host country. Blocks 3 and 4 focus on social ties and diaspora membership. Finally, Block 5 includes psychological adaptation-related questions.

Data Analysis

We analyse data using the coding reliability approach to thematic analysis (Terry et al. 2017). The first step implied inductive coding: we have assigned labels to the ideas which the informants expressed in their interviews. The second step, uniting labels in categories, was deductive as the categories have been predetermined by Gotlib's adaptation structure (a goal, tools, a result). The additional category, which has been defined inductively, is the "barrier" category that, in some cases, predetermines "the goal". The third step of analysis implied uniting categories into themes, which are identified deductively from Ager and Strang's framework of integration domains. Thus, we manage to identify adaptation practices and arrange them according to the spheres of emigrants' lives that require adjustment to the new place.

Results

Adaptation practice, according to our definition, implies an attempt to achieve a certain goal (in general, adjustment to the new environment) using available tools in the context of the host country (the field) and considering an individual's habitus and existing capital. The result of that attempt can be achieving the goal (adjustment) or not. We divide adaptation practices and results into the following groups: meeting necessities (income and accommodation), joining the community, and finding the content of daily life. For each practice, we define goals and tools and describe the results of performing these practices; certain practices contain barriers as well. The specifics of the situation in Georgia and Germany are pointed out and described in detail for each group.

When analysing informants' stories, we distinguish three emigration goals, which are the main reasons why informants have decided to leave Russia. These goals are restoring the feeling of safety, restoring the feeling of freedom, and

accessing new career opportunities. The justification for choosing migration as a proper instrument to achieve one of these goals varies. Those who leave Russia to feel safe or “free” tend to reunite with their families or friends abroad or leave the country spontaneously with no particular plan. Education is another justification in these cases, yet it is not very common and happens only in cases of relocation to Germany. Searching for new career opportunities is a similar reason, and these people do not migrate chaotically either: they choose the destination according to the employment conditions in the new country. For each group of adaptation practices, we define similarities in two countries and highlight practices which are specific to Georgia and Germany.

Meeting Basic Needs

This section includes adaptation practices that migrants perform at the stage of preparation or right after arriving in the new country. Informants’ goals in this context are to find accommodation in the new place, to keep their source of income or find a new one, to keep their consumption patterns, and, overall, to keep the level of life they had in Russia. When trying to achieve these goals, migrants face some barriers. One of them concerns consumption patterns: both Germany and Georgia do not have the level of services that informants are used to in Russia.

The instruments to satisfy basic needs vary. To find accommodation, migrants use online platforms for accommodation search and ask friends and acquaintances for help. Both in Germany and Georgia, emigrants aspire to find a job for a local or international employer, yet it is complicated because of emigrants’ uncertain legal status. To cope with the new financial situation, emigrants reduce consumption and stop using some of the familiar services and products due to their high price or their absence in the new country. For example, the vast majority of informants mentioned how the absence of food delivery services impacted their daily routines.

“In Moscow, I ordered everything; it happened in one click, and I knew exactly what set of products I must buy. Here I should dedicate special time to buy groceries. Also, nothing works on Sunday, so you have to buy everything on Saturday or Friday, calculate so it will be enough for 2-3 days, to go to the supermarket on Monday” (M., female, migrated from Moscow to Frankfurt, a repatriate).

Specific Adaptation Aspects in Georgia

Unstable currency rates impact emigrants in Georgia strongly. Those who have left Russia in a very short period of time manage to keep their Russian-

based employment remotely. Keeping that source of income presents a challenge because the majority of Russian companies have returned to the office after the pandemic. Emigrants have to specially ask the employer for the option of working remotely. In the cases when it is not possible, informants seek new remote opportunities in Russian companies. Some of the emigrants have to look for side jobs to keep the level of consumption they used to have in Russia. Those who keep working for Russian companies have a high level of uncertainty as their actual income is different each month depending on the currency rates. The quality of their life in terms of consumption is declining as well. These conditions cause stress, anxiety, and feelings of dissatisfaction.

Specific Adaptation Aspects in Germany

For migrants in Germany, the language barrier becomes a serious obstacle in solving any daily problems. They attempt to use English, yet it is widely spoken only in big cities like Berlin. Bureaucracy presents another challenge: emigrants are used to digital services, while German bureaucracy and banks rely on traditional media like paper mail and phone calls. Working remotely for Russian companies is not a reliable income source, as money transfers between Russia and the EU have become very complicated since 2022. To provide for themselves, emigrants find jobs in local companies and universities or receive the state allowance as a repatriate or refugee. One exceptional income case in our sample is the informant who is provided with everything by her family: her visa type allows her neither employment nor state support.

Adaptation Results

In this section, understanding the habitus of migrants from our conceptual scheme is extremely important. Back in Russia, the vast majority of informants lived in Moscow and St. Petersburg, had salaries higher than average, and were in-demand employees and successful people. They were used to an extremely high-quality level of products and services. Migration has reduced their life conditions, as instead of the demanded young specialists, they are migrants with high demands and without knowledge of the local language and market specifics. Now they are forced to adjust to the environment they would probably never choose voluntarily.

As a result, migrants experience difficulties in adjustment to the new place, an increase in spending while their income is decreasing.

Membership in a Community

Migrants establish new social ties or strengthen the existing ones in the new place: membership in a community provides them with emotional and

practical support, a feeling of belonging, and presents an entry point to joint events and activities.

We can distinguish the two main goals when migrants seek a new community: the desire to know the local people more and the desire not to feel lonely. A strong barrier to achieving this goal is stress: in some cases, informants are so exhausted that they admit not having any resources to establish new social ties.

Instruments of becoming involved in a community vary. The first group of instruments is based on the connections that informants have had before migrating. People with wider social circles have more chances to discover acquaintances in the new country: some informants expand their social circle by knowing the friends of their friends. Another way is to keep a strong connection with old friends and family. Even if they remain in the country of origin, that social bond can be a source of emotional support and thus ease the adaptation process. The second group of instruments is based on a common activity: informants naturally get acquainted with colleagues at the new job, university, language courses or at the place where they share accommodation. Taking care of kids is an example of a common activity as well.

“We meet because of the kids once every two weeks. [Members of the Latvian diaspora] organise different events and excursions, and try to do it in the Latvian language. They can learn some songs, talk about traditional holidays, and all of that. We celebrate these holidays: for the New Year, there was a big celebration at the embassy. A lot of people came — they invited all the people across the whole of Georgia”. (A., female, migrated from Moscow to Tbilisi, a citizen of Latvia, on maternity leave).

The third group of instruments requires the most effort as it is based on the intentional search for new friends. Migrants use dating applications and visit the events organised by the Russian diaspora to meet new people.

Specific Adaptation Aspects in Georgia

Migrants in Georgia appear isolated within the Russian-speaking diaspora: they explain it with their intention to socialise and create new communities, while the Georgians already have established social ties and have no motivation to expand them.

“Not because they are Russophobic or something. Just imagine: some people come to your country, you have a lot of friends, and you just don't need anybody new, you have everything. And we [migrants] socialise, because we have nobody [here]”. (A., male, migrated from Moscow to Tbilisi, works remotely for a Russia-based company).

Migrants receive emotional and practical support from the Russian-speaking community; they feel comfortable when they are surrounded by like-minded people.

“[In this company] you don’t feel lonely, you feel that you are surrounded by people who share your opinion, you feel that they are in the same position. Everybody is ready to help, to contact. You feel the closeness. Maybe the value of socialising increased for everybody, and this [community] is the result”. (A., female, migrated from Moscow to Tbilisi, works remotely for a Cyprus-based company).

Specific Adaptation Aspects in Germany

Same as for any adaptation activity, the language barrier presents a strong challenge for building new social ties in Germany. Emigrants tend to appear among Russian-speaking people as emigrants in Georgia, because communication with locals in German requires much effort.

“Now I have a certain “distancing” strategy [in communication with Germans] because I am overloaded with all the daily issues I have. I find myself in a Russian-speaking company because I am simply too lazy to talk in English”. (I., male, migrated from St. Petersburg to Weimar, graduate student).

Yet emigrants in Germany do not remain isolated in the Russian diaspora: they join the community of migrants from all over the world. Informants mention the connection that they feel with people who have to go through the same experience.

“Luckily, as my programme is about Latin America, there are plenty of Latino people. They are very easy-going, it is easy to arrange something with them <...>. Establishing the contacts is probably not that hard — I mean, not as hard as if I studied with Germans or other Europeans”. (N., male, migrated from Moscow to Bonn, graduate student).

In these cases, migrants reach a certain balance: they explore new cultures and people, yet communication with other migrants causes much less stress than with German people.

“Earlier, I used to have a feeling that I should aim to socialise with locals more than with migrants, to integrate into the local culture, understand life here and so on. I don’t have this feeling now. <...> [Migrants from other countries] are very nice, pleasant people, and learning their culture is interesting in the same way as learning German culture. <...> migrants have a “common pain” that we are kinda socially isolated, they are always happy

to talk. It is much easier and more pleasant than with Germans, who, as I feel it, dislike migrants". (V., female, migrated from Moscow to Munich, relocated with the support of the employing company with an office in Germany).

Some informants manage to engage in the local community and get acquainted with German people. They do it intentionally as, in their opinion, remaining in the community of migrants is not the right way to integrate into the new country.

"I always feel sad when I hear the stories about the people who move to another place and hang out with their compatriots. <...>. And they have this Russian clique, and I have always thought: "Guys, why did you actually migrate?" I understand that this is a primitive question, but it is confusing for me". (N., male, migrated from Moscow to Bonn, graduate student).

Informants with such socialising results have an overall nice impression of German people and think that they can understand their way of thinking. Yet some barriers remain.

"I can find the common language with people who have been living in Germany their whole life. But I have a feeling that we have a different mentality. In some moments, we don't understand each other quite well. <...> Overall, I like interacting with Germans; I like them. But it feels like we do not always manage to establish a connection with them really well". (P., female, migrated from Moscow to Berlin to reunite with her family, neither works nor studies).

Another quite common stereotypical impression that migrants have of European people is perceiving them as "spoiled" and "privileged". That impression creates another boundary for intercultural communication.

"[The colleagues are] very nice guys, but I think we have a bit different... a very different life experience. <...> Just because they had a different life. They don't understand how it is to worry about your future, to have no money, to move somewhere with no idea when you can come back home. I feel it, even though we don't discuss these topics — of course, I don't bother anybody with my life at work. But I feel it, that's why we are not close". (E., female, migrated from Moscow to Berlin, works in digital marketing; previous relocation stops — Serbia and Armenia).

Adaptation Results

Adjustment to the new social environment is partly predetermined by the social capital that emigrants have had. Such tools as broadening one's social circle through common acquaintances work naturally for people with various

connections. Moreover, that way of adjustment to the new context appears the most successful in our sample. It is the least stressful and helps to find like-minded people on the first try. In cases when migrants appear in a place with no acquaintances at all, they opt for another group of practices: they join a new community through a shared action. The least successful adaptation practice is the intentional search, as it requires the most effort; none of the informants have managed to establish comparatively close relationships with anybody this way. Tysiachniouk and Konnov (2022) share the same observation in their research on emigrants in Georgia. They note that “as a whole, the relocant community is rather self-centred, with high in-group and low out-group connectivity. Integration is dependent on personal informal connections with Georgians, which are often hard to establish”.

Migrants in Georgia seek emotional support, but fail to join any local community. At the same time, the Russian-speaking community is very active: emigrants organise events and even local businesses. Migrants in Germany are in a different position. To enter Germany, they have to arrange a job or education there in advance. That activity “forces” them to socialise with colleagues who are either foreigners or Germans. Informants keep in touch with Russian emigrants as well: first of all, because that communication has no language barrier.

Engagement in a Particular Activity

Another group of adaptation practices is related to being occupied with anything interesting and meaningful for the migrants. It can be their hobby, job, academic interest, or taking care of their children. Like any adult, informants experience the need to be occupied with something, and in the new environment, it is not a trivial task. Doing something meaningful is a tool of self-actualisation and a point of entry into a community of people with the same interests and values. Another advantage of such an activity is the established routine. Many informants mention difficulties with establishing a new routine in an unfamiliar environment: with regular activity, it is largely predetermined.

“It is a surprise for me that, first, I am on my own here, and second, I have to fulfil my routine step by step. I thought, “Why do I have this feeling?”. Then I checked my calendar for winter and the end of the autumn [of 2021] and realised that it was so much more eventful. I was constantly going somewhere, doing projects, meeting my friends, somebody coming from another city, going to the countryside, going to Turkey to meet friends, or to some corporate event. <...> And here I am like “Maybe, next Saturday I can invite these groupmates to go for a beer, cool”. (N., male, migrated from Moscow to Bonn, graduate student).

For some of the migrants, their work is both a duty and a leisure activity. So in the new country, they create the best conditions for doing their job.

“The library, the university, and the organisation of a German university overall, the way they organise the course choice, the book exchange — yes, it is very cool. It impacted my study process <...>. Yes, the quality of university life changed [for the better]”. (D., male, migrated from Moscow to Bielefeld, graduate student).

Some of the migrants pursue their hobbies to make their lives more interesting and eventful.

“[Sewing] gives me the feeling <...> that I am not miserable, that I can earn money as well. Also, I like it as a physical process; it relaxes me. [I like it] not because I need money, but when the client says: “Wow, that’s cool!”. That I can bring people some joy, and I can stay occupied. Because with two children, these kids’ clubs are all the time... You can go insane”. (A., female, migrated from Moscow to Tbilisi, a citizen of Latvia, on maternity leave).

Specific Adaptation Aspects in Georgia

For some emigrants, the “community” and “activity” adaptation practices blend as they join the migrants’ communities and attend the events that they organise. Those who obtain the resources to unite other people, organise their own events and thus broaden their social circle.

“I started to go to special events where people meet each other, play mafia, other board games, I went to the theatre with screenplays in Russian, things like that — this is how I created a new social circle. I think I organised events myself for the same purpose: to meet someone, to socialise. Now I don’t have any problems with that”. (I., male, migrated from Moscow to Tbilisi, works remotely for a Russia-based company).

Specific Adaptation Aspects in Germany

When trying to engage in any activity and establish a routine, emigrants in Germany face two barriers. The first one, as in the previous cases, is the language barrier. The second one is of a legal nature: most emigrants require legal permission to get employed in the host country. Thus, for some emigrants, attending language courses becomes an occupation which brings them both a “duty”, new acquaintances and a routine.

“Closer to the New Year, I had a really serious depressive condition. I was in my bed all the time and didn’t want to talk to anybody. Then the language course started, and it cheered me up a bit, because I got a reason to get out

of the house, meet some people, and overall, some changes made me feel a bit better". (P., female, migrated from Moscow to Berlin to reunite with her family, neither works nor studies).

Adaptation Results

This group of adaptation practices shows the importance of “capital” and “field” elements from the conceptual scheme: the results of performing these practices depend on the starting positions of the migrants rather than the instruments that they choose. Those who migrated to perform any kind of activity (to work in the local company, to study in the local university), overall feel that their life is quite eventful. They do not experience any problems with establishing a routine, as it is predetermined by their main occupation. The migrants who “have brought the occupation with themselves” have more difficulties with making their lives more joyful, as their activity is usually remote. Thus, they have to put additional effort into initiating any offline activity. Those who migrated with no particular occupation have the hardest experience as they feel lost in the new country and struggle to join any activity. For them, the main opportunity to add some “content” to their life is attending language courses.

The Result of Emigration

Ober and Sakdapolrak (2017) viewed migration as an adaptation to climate change. In the current paper, migration is viewed as adaptation to changes in politics. According to Gotlib’s definition of adaptation, emigration should have a result. Adaptation results defined in the current study vary strongly and can be summarised in the following way. Increasing spending with decreasing income, and, as a consequence, decreasing quality of consumption is typical for our sample. Another common result for both Georgia and Germany is the overall feeling of stress and exhaustion. It can be explained by the fact that all the informants have spent less than a year in the new country and are at the beginning of their migration path.

In Georgia, Russian emigrants tend to get isolated within the diaspora of Russian-speaking migrants and do not have any intention to expand their connections with local people and culture. For example, multiple informants explain their reluctance to learn the Georgian language with its “uselessness”.

“You should understand: it is a very complicated language, not like European languages. And only 3 million people speak it. It is a very useless skill if you don’t plan to live here. Especially because everybody speaks Russian”. (A., male, migrated from Moscow to Tbilisi, works in a Russian company remotely).

This attitude is the consequence of their perception of Georgia as an intermediate stop rather than a new home. Uncertainty is another very common result of migration in Georgia. Migrants cannot stay in the country for a long time because of the legal rules, yet none of them have a clear plan for their further actions.

In Germany, the situation is the opposite, as the migrants intend to stay in the country. They attend language courses and attempt to establish social ties with the local people or plan to do so. At the same time, multiple informants from Germany experience a feeling of disappointment as their former perception of the “advanced” West and “not so advanced” Russia does not match reality.

Conclusion

Summarised, the adaptation practices of Russian migrants in 2022–2023 can be united into three major groups. The first group refers to providing basic needs: income and accommodation. To achieve these goals, emigrants actively use digital tools and existing social ties.

In Georgia, working remotely for Russian companies is a common practice; it is closely associated with uncertainty due to currency rate fluctuations. In Germany, the language barrier and bureaucracy present the strongest challenges. In both countries, emigrants experience a decrease in their income and level of consumption.

The second group of adaptation practices is related to membership in a community. Migrants establish new social ties or strengthen the existing ones. Membership in a community provides them with emotional and practical support, a feeling of belonging, and presents an entry point to joint events and activities. Being inside a community of like-minded people positively impacts their self-esteem as well.

In Georgia, performing these adaptation practices leads to isolation in the Russian-speaking community that gives emigrants a feeling of solidarity, yet encapsulates them within the status of a stranger. That kind of adaptation cannot be viewed as a step towards integration. In Germany, a less dense concentration of Russian emigrants motivates informants to make steps towards non-Russian speaking communities. While Germans might be perceived as unfriendly and “privileged”, communication with emigrants from other countries provides informants with support and exposes them to other cultures.

The third group of adaptation practices is related to being engaged in an activity that is interesting and meaningful for the migrants. It can be a hobby, a job, an academic interest, or taking care of children. Doing something meaningful is a tool of self-actualisation and a point of entry into a community of people with the same interests and values. Another advantage of such an

activity is the established routine. Informants mention difficulties with establishing a new routine in an unfamiliar environment, but with regular activity, it is largely predetermined.

In Georgia, performing these adaptation practices requires additional effort from the emigrants. Informants struggle with establishing a routine and occupying themselves because many of them continue working remotely for Russian-based companies. To arrange their life in Georgia, they intentionally look for events organised by the Russian-speaking community, search for the information online, and plan their activities. In Germany, engagement in the common activity happens more naturally. To enter the country, emigrants have to arrange work or education in Germany as the purpose of their visit. That occupation becomes the core of their new everyday life: new routine, new acquaintances, new routes, and new activities emerge around that occupation. At the same time, emigrants who appear in the country without a “legitimate goal” (as refugees, repatriates, or family members) struggle with occupying themselves. For them, language courses become the main regular activity.

Overall, the adaptation process of Russian emigrants in Georgia and Germany differs strongly. In Georgia, they build their new lifestyle inside the Russian-speaking diaspora and try to recreate familiar practices (services, products, events) in the new place while almost ignoring the specifics of the new region. M. Gunko refers to this attitude as a “Moscow gaze” in her paper on the Russian emigrants in Armenia: “It is not only disdain for Armenia per se, but also arrogance and discontent with what is perceived as a less cosmopolitan way of life than that led in major, so-called global urban centers” (Gunko 2022). In contrast, the emigrants in Germany have a vision of their future in the new country: they perceive their current struggles as a certain investment in a new, bright future. At the same time, this vision is often accompanied by disappointment in Germany for not living up to the expectations of the “developed European country”.

To estimate the success of adaptation of our informants, we can use the framework of 4 adaptation types suggested by Yuri Levada (1999). According to his typology:

- “Improving adaptation” is experienced by people who find new ways to satisfy their growing demands.
- “Decreasing adaptation” is experienced by people who are forced to use unfamiliar instruments to maintain their status, which remains the same or decreases.
- “Isolating adaptation” concerns individuals who state that their lifestyle has not changed as they try to avoid the new environment.

- “Destructive adaptation” is applied to people who, in fact, cannot adapt to the new environment, have to decrease their lifestyle and consumption unprecedentedly, and view these changes very negatively.

Classifying each adaptation story according to that typology, we can assume that all informants from Georgia belong to the “decreasing” type, and in Germany, 4 informants belong to the “decreasing” type as well, 1 story belongs to the “destructive” type, and 3 stories belong to the “increasing” type. Some of the “decreasing” cases of migrants in Germany have the potential to become “increasing”, as the migrants describe their progress in adapting to the new place, starting to feel “like home”, and learning the new culture. That adaptation can be viewed as a first step towards their further integration.

Our findings correspond with existing literature on the topic and add to the results of the previous studies. We took the claim of Tatarko and Lebedeva (2023) as a starting point of the research. The authors state that cultural distance and the host country’s policy towards Russian emigrants impact acculturation. The OutRush 2024 report narrowed our general hypothesis. The authors assumed that countries which are harder to enter provided “more opportunities for stable settlement, possibly due to a more stable migrant status” (Sergeeva, Kamalov 2024). Our data provides qualitative evidence for that assumption. Yet the reason for adaptation being more successful in the countries with a more complicated entry lies in the area of emigrants’ agency rather than in the area of state support. While all the informants have been forced to leave Russia by the beginning of the armed conflict in Ukraine, adaptation practices require less intentional effort from the emigrants who had the chance to plan and organise their lives abroad in advance. These conclusions bring us back to the distinction between forced and voluntary migration. “Easy access” countries are more likely to be destinations for forced emigrants who later struggle to adjust to the new context because of the circumstances of their departure. “Hard access” countries become destinations for those migrants who possess more capital of any form and thus can perform stronger agency. Emigrants who have arrived in “hard access” countries as refugees face the same challenges as emigrants who arrived in “easy access” countries as a result of their “voluntary” choice.

Limitations and Future Research Perspectives

One of the limitations of the current study is geographical. We analysed the cases of two regions, while Russian migrants massively moved to South American countries (Argentina and Brazil), Asia (Indonesia), Middle East (UAE). These countries provide radically different contexts for adaptation and present a particular research interest, as well as Georgia and Germany. Another limitation regards the size of the sample (16 informants). As adaptation is an

ongoing process, conducting a longitudinal study to trace the transformation of adaptation tools and results is one of the opportunities for future research. Conducting a quantitative study focused on the adaptation process of Russian emigrants could deepen the understanding of that process as well.

References

- Ager A., Strang A. (2008) Understanding Integration: A Conceptual Framework. *Journal of Refugee Studies*, 21(2): 166–191.
- Ager A., Strang A., O'May F., Garner P. (2002) Indicators of Integration. A Conceptual Analysis of Refugee Integration (Version 5.7). *A report to the Home Office on behalf of Michael Bell Associates*. [<https://core.ac.uk/download/pdf/141195137.pdf>] (accessed: 30.08.2025)
- Aleshkovski I., Grebenyuk A., Vorobyeva O. (2018) The Evolution of Russian Emigration in the Post-Soviet Period. *Social Evolution & History*, 17(2): 140–155.
- Anderson B., Blinder S. (2011) Who counts as a migrant? Definitions and their consequences. *Briefing, The Migration Observatory at the University of Oxford*.
- Bakewell O. (2021) Unsettling the boundaries between forced and voluntary migration. In: *Handbook on the Governance and Politics of Migration*: 124–136.
- Baranova V., Chigaleichik E., Podolsky V., Kuleshova A. (2023) Russian Migration to Armenia and Georgia in 2022: Enclave Economy and Local Employment. *Caucasus Edition: Journal of Conflict Transformation*. [<https://caucasusedition.net/russian-migration-to-armenia-and-georgia-in-2022-enclave-economy-and-local-employment/>] (accessed: 2.09.2025)
- Cormoş V.C. (2022) The processes of adaptation, assimilation and integration in the country of migration: A psychosocial perspective on place identity changes. *Sustainability*, 14(16): 1–20.
- CRRC Georgia (2022) Taking Georgians' pulse. Findings from August 2022 Face to Face survey. *National Democratic Institute (NDI)* [<https://www.ndi.org/sites/default/files/Taking%20Georgians%E2%80%99pulse%20Findings%20from%20August%202022%20face%20to%20face%20survey%20%28English%29.pdf>] (accessed: 30.08.2025)
- Darieva T., Golova T., Skibo D. (2023) Russian Migrants in Georgia and Germany: Activism in the Context of Russia's War against Ukraine. *ZOiS Report*, 3: 1–34.
- Erdal M.B., Oeppen C. (2020) Forced to leave? The discursive and analytical significance of describing migration as forced and voluntary. In *Aspiration, desire and the drivers of migration*, pp. 73–90.
- Galeotti M. (2023) *Russia's Five-Day War: The Invasion of Georgia, August 2008* (Vol. 250). Bloomsbury Publishing.
- Geiger M., Syrakvash V. (2023) Georgia as Transient Space and Talent Harbor for Russian and Belarusian IT Specialists. *Journal of International Migration and Integration*, 24(5): 957–978.

Gotlib A. (2000) Socio-economic adaptation of Russians: experience of combining quantitative and qualitative methodology in one separate study. *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli* [Sociology, Methodology, Methods, Mathematical Models], 12: 5–24 (in Russian).

Grzymała-Kazłowska A. (2015) The Role of Different Forms of Bridging Capital for Immigrant Adaptation and Upward Mobility. The Case of Ukrainian and Vietnamese Immigrants Settled in Poland. *Ethnicities*, 15(3): 460–490.

Gulina O. (2023) Emigration from Russia after 24 February 2022: main patterns and developments. *Migration Observatory 2023–2024*: 65–80.

Gunko M. (2022) “Russian imperial gaze”: Reflections from Armenia since the start of the Russia-Ukraine military conflict. *Political Geography*, 99: 1–3.

Inozemtsev V. (2023) The Exodus of the Century: A New Wave of Russian Emigration. *Russie. Eurasie. Visions*, 129: 1–29.

Kakachia K., Kandelaki S. (2022) The Russian Migration to Georgia: Threats or Opportunities? *PONARS Eurasia Policy*. [<https://www.ponarseurasia.org/the-russian-migration-to-georgia-threats-or-opportunities/>] (accessed: 30.08.2025)

Kamalov E., Kostenko V., Sergeeva I., Zavadskaya M. (2022) Russia's 2022 Anti-War Exodus: The Attitudes and Expectations of Russian Migrants. *PONARS Eurasia*, [<https://www.ponarseurasia.org/russias-2022-anti-war-exodus-the-attitudes-and-expectations-of-russian-migrants/>] (accessed: 2.09.2025)

Kamalov E., Nugumanova K., Sergeeva I. (2025) On the Move: Mobility, Integration, and Dynamics of Russian Emigration in 2022–2024. *OutRush*. [[outrush.io/report_march_2025_eng](https://osf.io/preprints/socarxiv/epn2c_v1)] (accessed: 2.09.2025)

Kamalov E., Sergeeva I., Zavadskaya M., Kostenko V. (2023) Six Months in Exile: A New Life of Russian Emigrants. *OutRush*. [https://osf.io/preprints/socarxiv/epn2c_v1] (accessed: 2.09.2025)

Khapsaeva D.V. (2023) “Upper Lars” in Network Media: Mechanism for the Formation of Social Solidarity and Self-Organization. *Theory and Practice of Social Development*, 6: 85–91 (in Russian).

Kızılbüğa E. (2006) *Russian involvement in the Abkhaz-Georgian conflict* [M.S. — Master of Science]. Middle East Technical University.

Korobkov A.V. (2022) Russia: The Migration Dimension of the War in Ukraine. *Russian analytical digest*, 288: 7–11.

Koser K., Martin S. (2011) The migration-displacement nexus. *The migration-displacement nexus: Patterns, processes and policies*, 1–13.

Krawatzek F., Sasse G. (2024) The Political Diversity of the New Migration from Russia since February 2022. *ZOiS Report*, 4: 1–21.

Levada Y. (1999) Adaptive Human. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 5: 7–17 (in Russian).

Lokosov V., Rybakovsky L. (eds.) (2014) *Migration Processes in Russia*. Moscow: Econ-Inform (in Russian).

Melkumyan Y., Melkonyan N. (2023) Immigration of Russian citizens to Armenia during the Russian-Ukrainian war that began in 2022: pull-push factors. *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*, 2(1): 137–147.

Ober K., Sakdapolrak P. (2017) How do social practices shape policy? Analysing the field of ‘migration as adaptation’ with Bourdieu’s ‘Theory of Practice’. *The Geographical Journal*, 183(4): 359–369.

Petersen S. (2022) From Emperors to Refugees: Russian Emigration to Armenia and Georgia. *New Eastern Europe*, 4: 112–118.

Petersen W. (1958) A general typology of migration. *American Sociological Review*, 23(3): 256–266.

Phillimore J., Grzymala-Kazłowska A. (2017) Introduction: rethinking integration. New perspectives on adaptation and settlement in the era of super-diversity. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(2): 1–17.

Prashizky A. (2023) “Living in limbo”: Digital narratives of migrants fleeing Russia after the Russian invasion of Ukraine. *First Monday*, 28(6).

Sam D.L., Berry J.W. (2010) Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet. *Perspectives on psychological science*, 5(4): 472–481.

Sergeeva I., Kamalov E. (2024) A Year and a Half in Exile: Progress and Obstacles in the Integration of Russian Migrants. *OutRush*. [<https://cadmus.eui.eu/server/api/core/bitstreams/51813aa3-c0e4-551b-80db-76b0e3d34417/content>] (accessed: 30.08.2025)

Slobin G. (2013) *Russians Abroad: Literary and Cultural Politics of Diaspora (1919–1939)*. Boston: Academic Studies Press.

Tatarko A.N., Lebedeva N.M. (2023) Psychological adaptation of Russians in post-Soviet countries: the role of context. *Population and Economics*, 7(3): 1–24.

Terry G., Hayfield N., Clarke V., Braun V. (2017) Thematic Analysis. In: *The SAGE Handbook of Qualitative Research in Psychology*. London: Sage: 17–36.

Tysiachniouk M., Konnov A. (2022) Relocation from Russia to Georgia: Environmentalists in Exile. *Russian Analytical Digest*, 288: 12–18.

Vorobeva E. (2022) How Putin’s partial mobilization turned into total mobilization of migrants. *Russian analytical digest*, 288: 2–4.

Sources

Bank of Russia (2022) Dynamics of the official exchange rates. [https://www.cbr.ru/eng/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.so=1&UniDbQuery.mode=2&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.03.2022&UniDbQuery.To=31.03.2022] (accessed: 24.04.2023)

Bank of Russia (2022) Visa and MasterCard payment cards continue to operate as normal in Russia. [<https://www.cbr.ru/eng/press/event/?id=12741>] (accessed: 25.04.2023)

Council of the European Union (2004) The Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU. *European Economic and Social Committee*

[https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/common-basic-principles_en.pdf] (accessed: 30.08.2025)

EMISS. Vyezd grazhdan Rossii. [<https://www.fedstat.ru/indicator/38480>] (accessed: 30.08.2025) (in Russian)

German Federal Ministry of Interior (2025) Three years of Russia's war of aggression: 1.25 million refugees from Ukraine in Germany. [<https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/EN/2025/02/ukraine.html>] (accessed: 30.08.2025)

Mcauliffe, M. and A. Triandafyllidou (eds.) (2021) World Migration Report 2022. *International Organisation for Migration (IOM)* [<https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022>] (accessed: 30.08.2025)

News.am (2022) President of Georgia Zourabichvili says about 100 thousand Russians settled in country. [<https://news.am/eng/news/729993.html>] (accessed: 1.09.2025)

Re: Russia (2023). Begstvo ot voyny: Novye dannye pozvolyayut otsenit' chislo uekhavshikh rossiyan v bolee chem 800 tysyach chelovek. [<https://re-russia.net/review/347/>] (accessed: 30.08.2025) (in Russian)

That's So HSE. (2021) Old School. *HSE Alumni Survey*, HSE University. [<https://thatssohse.info/Oldschool-en/>] (accessed: 1.09.2025) (in Russian)

Tinchurin A., Berlina B., Yaznevich E., Rogackina D. (2021) Emigration of the 2000s: where and why people left Russia. *Esli byt tochnym*. [To be precise] [<https://tochno.st/materials/emigratsiya-2000-kh>] (accessed: 30.08.2025) (in Russian)

wiiw Monthly Report No. 9 (2023). Russian Migration Wave Reaches Europe. [<https://wiiw.ac.at/monthly-report-no-9-2023-p-6637.html>] (accessed: 1.09.2025).

Appendix 1

List of Interviews

Informant	Host country and city	Emigration route	Occupation
A., female	Georgia, Tbilisi	Transit migration	Works remotely for a Cyprus-based company
P., male	Georgia, Tbilisi	Transit migration	Works in Tbilisi
I., male	Georgia, Tbilisi	Transit migration	Works remotely for a Russia-based company
A., male	Georgia, Tbilisi	Transit migration	Works remotely for a Russia-based company
A., female	Georgia, Tbilisi; previous relocation stop — Türkiye	Transit migration	Works remotely for a Russia-based company

Informant	Host country and city	Emigration route	Occupation
A., female	Georgia, Tbilisi	Ethnic repatriation + transit migration (a citizen of Latvia)	On maternity leave
A., male	Georgia, Tbilisi	Business relocation	Works both remotely for a Russia-based company and offline in Tbilisi, migrated with one of the kids
E., male	Georgia, Tbilisi previous relocation stop — Türkiye	Transit migration	Works remotely for a Russia-based company
P., female	Germany, Berlin	Transit migration	Neither works nor studies
O., female	Germany, Stade	Foothold (holds a political refugee status)	Neither works nor studies
V., female	Germany, Munich	Business relocation	Works for the company that moved its Russian office to other countries
N., male	Germany, Bonn	Academic migration	Graduate student
I., male	Germany, Weimar	Academic migration	Graduate student
E., female	Germany, Berlin previous relocation stops — Serbia and Armenia	Business relocation	Works in a German company
D., male	Germany, Bielefeld	Academic migration	Graduate student
M., female	Germany, Frankfurt	Ethnic repatriation	Neither works nor studies

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГРУЗИИ И ГЕРМАНИИ В 2022–2023 ГОДАХ¹

Кира Дмитриевна Легут (klegut@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Легут К.Д. (2026) Adaptation practices of forced migrants: a comparative study of Russian emigrants in Georgia and Germany in 2022–2023. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 118–148.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.5> EDN: AZKRYK

Аннотация. В 2022–2023 гг. россияне покидали родину в условиях экономической нестабильности, высокой напряженности на международной политической арене, закрытого воздушного пространства для российских самолетов и отмены упрощенного порядка получения Шенгенских виз. Целью исследования является описание адаптационных практик российских эмигрантов, покинувших страну в этих обстоятельствах. Эмпирическую базу составили 16 интервью с россиянами, которые эмигрировали в Грузию или Германию в период с 2022 по 2023 г. Проведенный анализ показал, что наиболее успешные адаптационные практики включают принадлежность к сообществу и участие в деятельности, которую эмигранты считают для себя значимой. Выявлен ряд особенностей адаптации эмигрантов в двух странах. Вынужденный характер миграции становится причиной выбора страны с более простыми условиями въезда, однако адаптация в таких случаях проходит менее успешно. Переезжая в страну, для въезда в которую необходима подготовка, информанты адаптируются лучше, имея более четкий образ своего будущего на новом месте. Так, в отличие от мигрантов в Германии, информанты из Грузии не планируют оставаться в новой стране: такая установка становится причиной их изоляции в русскоязычном сообществе, а их представление о своем будущем довольно туманно. Эти обстоятельства понижают их общий уровень адаптации.

Ключевые слова: эмиграция, адаптационные практики, российские эмигранты.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

ТРАНЗИТ К РОДИТЕЛЬСТВУ И МИГРАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ¹

Арюна Витальевна Ким (aryunakimm@gmail.com)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Ким А.В. (2026) Транзит к родительству и миграция: особенности социальных взаимодействий молодых матерей. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 149–176. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.6> EDN: BFTRAG

Аннотация. Статья посвящена изучению транзита к родительству молодых матерей в миграции с фокусом на особенности социальных взаимодействий. Поскольку обстоятельство миграции усложняет период транзита к родительству, то основной проблемой молодых матерей становится адаптация к новой жизни в качестве родителя, и мигранта одновременно. Важными аспектами адаптации в миграции и в родительстве — поддержание привычных социальных взаимодействий и появление новых социальных связей. Метод качественного сетевого анализа позволил раскрыть восприятие сетевых отношений в целом, а также возможные изменения этих отношений в связи с родительством и миграцией. Информантками обозначались изменения в близком, среднем и дальнем кругах взаимодействий, исходя из чего выделены четыре типа взаимодействий: *адаптированный тип*, в котором увеличилось число контактов во всех кругах, *замкнутый тип*, к которому относится стабильность или увеличение контактов в близком кругу, но уменьшение контактов в среднем и дальнем кругах, *открытый тип*, в котором, наоборот, уменьшаются контакты в близком кругу, при этом увеличиваются контакты в среднем и дальнем кругах, и *отдаленный тип*, в котором уменьшаются контакты во всех кругах взаимодействия.

Ключевые слова: транзит к родительству, адаптация, миграция, социальные взаимодействия, качественный сетевой анализ.

Введение

Транзит к родительству (transition to parenthood) обозначает период адаптации, который проходят молодые родители первенца в новой роли. Одни исследователи считают, что этот период начинается после рождения ребенка (Belsky 1986), другие полагают, что адаптация начинается с начала беременности (Cowan 1991; Falicov 1991). Транзит к родительству —

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

это переходный период нестабильности и внутреннего конфликта по поводу приобретений и потерь, которые приводят к реорганизации внутренней жизни и поведения (Belsky 1986; Falicov 1991). В целом переход к родительским обязанностям обычно длится с начала беременности до первых нескольких месяцев жизни ребенка. Хотя данный период считается нормативным жизненным событием, поскольку оно ожидаемо и предсказуемо, тем не менее транзит к родительству накладывает риски как на отдельных лиц, так и на всю семью (Belsky 1986; Cowan 1991). Социальное окружение может полностью поменяться в период транзита к родительству, отношения с людьми могут поменяться и после рождения ребенка. По причине миграции в новую страну могут отпасть некоторые связи, но также могут появиться новые знакомства и отношения.

Статья посвящена изучению социальных взаимодействий молодых матерей в период адаптации в миграции. Социальные взаимодействия молодых родителей в условиях миграции могут сильно измениться, что также влияет на адаптацию. Цель исследования состоит в изучении особенностей социальных взаимодействий молодых родителей в условиях миграции и их транзита к родительству. Несмотря на изученность темы транзита к родительству, условия миграции привносят дополнительную сложность для адаптации в новой роли. Поддержание привычных социальных взаимодействий и появление новых социальных связей являются важными аспектами адаптации. С одной стороны, мигранты, переезжая на новое место, теряют привычное социальное окружение. С другой стороны, включенность в сети соотечественников помогает интегрироваться в новой среде.

Сетевой подход как комплекс теоретико-методологических направлений, использующих понятие сети для объяснения социальных явлений, позволяет изучить развитие социальных взаимодействий с сетевой точки зрения — как менялись социальные взаимодействия в динамике (Мальцева 2018: 4) Метод *качественного сетевого анализа* раскрывает восприятие сетевых отношений в целом, а также возможные изменения этих отношений в связи с родительством и миграцией (Ким 2023). Статья состоит из литературного обзора, который посвящен транзиту к родительству и миграции в страны ближайшего зарубежья, далее следует описание метода исследования, исследовательский дизайн, результаты исследования и выводы.

Транзит к родительству и миграция: изменение социального окружения

Период адаптации молодых родителей первенца в новой роли называется транзитом к родительству, который описывается как переходный

период нестабильности и внутреннего конфликта по поводу потерь и приобретений, приводящих к реорганизации внутренней жизни (Belsky 1986; Cowan 1991; Falicov 1991). Белски выделяет четыре типа проблем, с которыми сталкиваются пары во время адаптации к родительству: 1) физическое бремя ухода за младенцем; 2) напряжение в отношениях между мужем и женой; 3) эмоциональные издержки, связанные с сомнениями в компетентности и родительских обязанностях; 4) личная изоляция (Belsky 1986). В исследовании потребностей молодых матерей во время беременности и после нее описаны основные запросы на механизмы поддержки во время беременности и после родов, дородовое просвещение, информация о грудном вскармливании, практическом уходе за ребенком и информация о возможных изменениях в отношениях между супругами (Deave et al. 2008). Также со стороны молодых матерей заявлены запросы на вовлечение партнеров-мужчин в дородовой и послеродовой периоды и необходимость учиться и обмениваться опытом с другими новоиспеченными родителями (Entsieh, Hallström 2016).

В процессе транзита к родительству может переопределяться гендерный контракт между партнерами. Гендерное соглашение, или гендерный контракт, рассматривается как основа общественного договора и часть современной социальной политики (Wilde 2009). Он описывает негласный договор, но с согласованными правами и обязанностями. Концепция гендерного контракта основана на предположении, что «во всех современных обществах существует исторически сложившийся социокультурный консенсус по соответствующим формам гендерного пола, разделению труда, форме семьи и способу интеграции двух полов в общество через рынок труда и/или семью» (Wilde 2009: 478). Пересмотр гендерного контракта в процессе транзита к родительству может быть усложнен в условиях эмиграции и релокации. С одной стороны возможно, что формажорные обстоятельства релокации традиционализируют семью, особенно с ребенком, концентрируя ее вокруг традиционного гендерного контракта (муж-кормилец, жена-домохозяйка). С другой стороны, также возможно, что миграция провоцирует свои вызовы и женщины, которые прежде до переезда придерживались смешанного контракта «работница — будущая мать», в новых условиях возьмут на себя иные задачи — поиск подработки, построение коммуникации вокруг семьи, деятельное освоение социальных возможностей для всех членов семьи и т.д.

Согласно обзору Голевой и Павлюткина о социальных связях и рождаемости, существуют социальные механизмы, влияющие на рождаемость: обучение, давление, социальное заражение и поддержка (Голева, Павлюткин 2016). Обучение понимается как процесс приобретения информации,

сведений и навыков через взаимодействие с окружающими. Обучение может происходить в детстве благодаря сильным связям с братьями, сестрами и друзьями, в которых формируются нормы и представления о семье (Голева, Павлюткин 2016). Давление обозначается как социальное воздействие на индивидов для получения одобрения и избежания конфликтов. Механизм социальной поддержки понимается как обмен ресурсами в социальной сети. Социальное заражение как усвоение модели поведения значимого другого в контексте рождаемости в основном происходит в сети сильных связей (сеть ближайших родственников и близких друзей). Согласно ряду исследований, рождение ребенка в семье близких друзей увеличивает вероятность рождения ребенка в собственной семье (Голева, Павлюткин 2016: 89).

Среди недавних российских исследований транзита к родительству выделяется работа Голевой, которая анализирует переход к родительству на основе глубинных интервью. Переход к родительству для семейных отношений обозначает «не только период рисков и сложностей, но и возможность для индивидуального и семейного переосмысления, развития навыков поиска компромиссов, взаимопомощи и поддержки» (Голева 2023). Осмысление родительства с позиций матерей и отцов включали в себя перемену в укладе жизни, получении нового опыта и переопределения баланса семьи и работы, досуга, возможностей строить планы. Также в ходе транзита к родительству происходит трансформация индивидуальных представлений о семейной жизни. Голева выделяет основные дискурсы перехода к родительству, в частности изменение представлений о времени и самореализация. Примечательно, что самореализация важна для обоих супругов: «В нарративах отцов [самореализация] возникла в связи с карьерой и балансом семьи и работы, а у молодых матерей — в связи со стремлением “не замыкаться в семье” даже во время отпуска по уходу за ребенком» (Голева 2023: 92).

Социальное окружение может полностью поменяться в условиях миграции и транзита к родительству. В исследовании социальных сетей у молодых родителей в Германии на основе опроса выявлены четыре разных типа социального окружения и поддержки (Lois 2016). Первый тип сети, обозначенной как «семейно-удаленная», состоит в основном из друзей и знакомых, члены этой социальной сети не оказывают социальную поддержку. Второй тип сети — «поляризованная» сеть, состоящая из родственников, друзей и знакомых. Социальная поддержка молодых родителей в этой сети возможна. Третий тип — «дезинтегрированная» сеть, состоящая из людей, которые мало интегрированы в общество (у них либо нет, либо мало человек в сети). Данный тип не способен

активизировать потенциальную поддержку в своем ближайшем социальном окружении. Четвертый тип сетей — это сеть, «ориентированная на семью», характеризуется высокой долей долгосрочных и тесных связей с членами нуклеарной семьи (братьями, сестрами и родителями). Люди, вовлеченные в такого рода сети, ожидают сильной сетевой поддержки в родительстве.

Согласно исследованиям, транзит к родительству не только обозначает адаптацию в новой роли, но и предоставляет возможность для переосмысления текущей и прошлой жизни, поиска компромиссов, поддержки и помощи как внутри, так и вовне семьи. Несмотря на изученность темы транзита к родительству, условия миграции привносят дополнительную сложность для адаптации к родительству. Возможно, сети мигрантов, переезжающих на новое место, становятся похожими на третий тип «дезинтегрированных» сетей без друзей и знакомых в новом для них городе (Lois 2016). Дополнительная сложность в интеграции в местное сообщество может базироваться на временной и непостоянной позиции мигрантов, которые могут вернуться в Россию или переехать на новое место.

Российская миграция после 24 февраля 2022 года

После событий 24 февраля 2022 г. некоторые россияне покинули страну. Хотя точной статистики нет, по мнению демографов, оценить масштабы эмиграции можно в диапазоне от 550 до 800 тыс. человек (Ширманова 2023), по другим данным, от 700 до 1200 тыс. человек (Gulina 2023). Первая волна миграции началась вскоре после начала открытых боевых действий 24 февраля 2022 г., вторая волна миграции случилась после объявления мобилизации 21 сентября 2022 г. По данным Forbes, наибольшее число мигрантов числится в странах ближнего зарубежья — Грузии, Армении, Казахстане, Кыргызстане, а также в странах, где есть возможности длительного пребывания — Турции, Сербии, Израиле, а также в странах Евросоюза (Селизарова 2023).

Гулина выделяет пять видов миграции из России после 24 февраля 2022 г. (Gulina 2023):

1. *Этническая репатриация.* Доступна лишь небольшому числу российских граждан различного этнического происхождения.
2. *Транзитная миграция.* Переезд в страны, которые стали пунктами временного въезда для россиян.
3. *Миграция в страны с институциональной поддержкой.* Переезд в страны с программой поддержки для россиян из групп риска, например Монголия, Германия, Франция и Чехия.

4. *Релокация или переезд бизнеса.* Турция, Армения и Центральная Азия стали местами переезда большинства представителей малого и среднего бизнеса из России.
5. *Обратное возвращение в Россию.*

Миграция россиян после 24 февраля 2022 г. является дискуссионной темой как в СМИ, так и в академической повестке. В тематическом выпуске «Социодиггер» (2023), посвященном мотивам миграции, проблемам адаптации, релокации бизнеса и мигрантам в социальных медиа, Минченко дал подробный комментарий о России в контексте СВО, в котором отвергает мнение о разделении россиян на «уехавших» и «оставшихся» и предлагает четыре России: «воюющая», «глубинная», «столичная» и «уехавшая». «Россия воюющая» — это круг включенных в военные действия, «Россия глубинная» характеризуется опосредованным влиянием СВО, «столичная Россия» — это жители крупных городов, которые стремятся не замечать СВО, и «Россия уехавшая» делится на две группы: физические уехавшие из России и те, кто отправился во внутреннюю эмиграцию (Минченко 2023).

Общий портрет мигрантов можно описать следующим образом: «Это преимущественно молодые люди от 18 до 40 лет, с высшим образованием, активной жизненной и гражданской позицией, занятые квалифицированным, преимущественно интеллектуальным, трудом, а следовательно, обладающие высоким уровнем человеческого капитала» (Евстратов 2022). Выделяются традиционные проблемы мигрантов, которые обсуждались в телеграм-каналах: поиск жилья (долгосрочная и краткосрочная аренда); поиск работы; осуществление банковских операций (обмен валюты, денежные переводы, открытие банковского счета и получение карты); уплата налогов; транспорт и перевозка (расписание транспорта, прохождение границы и таможенного контроля, перевоз багажа, отправка посылок); оформление документов (загранпаспорт, получение прописки, получение вида на жительство); медицинская помощь и обслуживание; обсуждение местных жителей (в контексте их отношения к приехавшим). Также подробно описаны проблемы российских мигрантов в Армении, которые автор разделяет на объективные и субъективные, где к первой группе относятся ограниченный рынок труда, жилья и нехватка услуг и сервиса, а ко второй группе — нежелание российских мигрантов адаптироваться местному образу жизни, учить армянский язык, «а, напротив, стремление перенести свой образ жизни на новые реалии» (Евстратов 2022).

Немаловажным аспектом адаптации мигрантов является поддержание привычных социальных взаимодействий и возникновение новых социальных связей. Согласно исследованию миграции из России, мигранты

склонны оставаться в «релокационном пузыре» среди своих соотечественников в целях поддержки и безопасности, а также ввиду разделения общих взглядов, актуального контекста и привычного стиля жизни (Чигалейчик 2024). Социальные взаимодействия между российскими мигрантами охарактеризованы метафорой ризомы из работ Ж. Делеза и Ф. Гваттари, подразумевающей горизонтальный характер взаимодействий: «Ризоматическая структура — это неупорядоченная в какую-либо иерархию, множественная и постоянно меняющаяся сеть. Мигранты разбросаны по всему миру, но продолжают посылать друг другу сигналы и координироваться друг с другом, коммуницировать с друзьями, родственниками и даже с едва знакомыми людьми как за рубежом, так и в России. Ризоматическая структура этой сети дает мощный источник взаимной поддержки и необходимый запас гибкости для поддержания координации между новыми “номадами”, которые потеряли свою прежнюю жизнь, но не знают, где начать новую» (Костенко и др. 2023). Однако, по моему мнению, мигранты, как и все, все равно выстраивают некоторую иерархию в процессе взаимодействия, демонстрируя, например, разный уровень дохода, адаптации к новому месту и повестке. Исходя из этого, можно опустить метафору ризомы, заменив ее на понятие сети, которое может описать социальные взаимодействия без каких-либо условий и ограничений.

Таким образом, миграция из России после событий 24 февраля 2022 г. оценивается, по разным статистикам, до 800–1200 тыс. человек (Ширманова 2023; Gulina 2023). Сообщество российских мигрантов сталкивается с одними и теми же вызовами в разных странах. При этом мигранты испытывают сложности с адаптацией и включением в культурную среду, поскольку точно не знают, надолго ли останутся в стране пребывания. Мигранты отличаются молодым возрастом, образованностью, интеллектуальным трудом, активной позицией и высоким человеческим потенциалом. Российские мигранты стремятся поддерживать свой привычный социальный круг взаимодействия, но также нуждаются в поддержке таких же переехавших соотечественников. Однако в академической повестке пока не было особого фокуса на семьях с детьми и на тех, кто стал впервые родителями в новой стране в миграции. Данное эмпирическое исследование закрывает эту лауну в научном дискурсе.

Качественный сетевой анализ как стратегия изучения сетевых отношений

Качественный сетевой анализ понимается как стратегия изучения сетевых отношений, направленный на анализ персональных сетей взаимодействия. В рамках методологии качественного сетевого анализа можно

описать контексты формирования отношений в сети, фокусироваться на деятельности и стратегии акторов в построении сети, а также изучать темпоральность отношений между акторами. Качественный сетевой анализ направлен на выявление восприятия сетевых отношений в персональных сетях взаимодействий. Предметом данной стратегии является изучение восприятия сетевых отношений: что означают эти отношения, как они проявляются и как воспринимаются в контексте сети в целом и в сравнении с другими отношениями. Сетевые отношения рассматриваются исходя из двух компонентов: структурной позиции в сети и смыслов отношений. Структурная позиция актора в сети обозначает место актора в структуре сетевого взаимодействия (Wasserman, Faust 1994). Смыслы отношений в контексте коммуникативно-сетевого взаимодействия понимаются нами как продукт коммуникативных событий, в ходе которых формируются и воспроизводятся отношения акторов. Ключевой особенностью качественного сетевого анализа является возможность включения двух компонентов одновременно — и смыслов в коммуникативно-сетевом взаимодействии, и структурной позиции, тем самым синтезируя структуру и интерпретацию сетевых отношений.

Качественный сетевой анализ определяется как методологический подход, выявляющий глубинные смыслы отношений в персональных сетях взаимодействий. Цель данного эмпирического исследования состоит в изучении транзита к родительству молодых матерей в миграции с фокусом на особенности социальных взаимодействий. Выбранный методологический подход позволит не только описать и обозначить опыт родительства в условиях миграции, но и структурировать изменения в социальных взаимодействиях в персональных сетях. Для осуществления качественного сетевого анализа на этапе сбора данных применяются методы интервью и анализа документов, которые могут быть качественно проанализированы, а также структурированы при помощи построения сетевой карты. Качественный сетевой анализ состоит из следующих этапов: сбор и сетевых данных, анализ текстовых данных, анализ и визуализация сетевых данных.

Исследовательский дизайн

Типичный сценарий качественного сетевого исследования состоит из сбора интервью, после чего следует построение сетевой карты информантом. В случае данного исследования сбор данных осуществлялся при помощи полужформализованного интервью и сетевых карт, в которых информанты структурировали свои отношения до и после переезда и родительства. В исследовании принимали участие женщины, у которых

в новой стране родился первый ребенок. Поиск информанток проходил через мигрантские сообщества в Telegram, которые были отобраны по ключевым словам «россияне», «релоканты», «мамы» + «Казахстан», «Армения», «Грузия». Информантками являются женщины-мигрантки, у которых в новой стране родился первый ребенок. Возраст информанток варьировался от 23 до 37 лет (табл. 1). Трех участницам интервью на момент сбора данных было менее 25 лет. Возрастная категория 26–30 лет представлена пятью информантками. Возраст еще пятерых составил от 31 до 35 лет. В группу старше 36 лет попали две участницы интервью.

Таблица 1

Данные об информантках и способы сбора данных

Казахстан	Ольга, 32 года, Zoom, 1 ч 42 мин	Арина, 27 лет, Zoom, 1 ч 45 мин	Ирина, 37 лет, Zoom, 1 ч 33 мин	Ярослава, 30 лет, «Телеграм», 1 ч 37 мин	Алла, 28 лет, Zoom, 1 ч 14 мин
Армения	Олеся, 24 года, Zoom, 1 ч 24 мин	Екатерина, 32 года, Zoom, 1 ч 2 мин	Алена, 35 лет, Zoom, 1 ч 15 мин	Катя, 30 лет, «Телеграм», 1 час 33 мин	Маша, 27 лет, «Телеграм», 1 ч 43 мин
Грузия	Анна, 36 лет, Zoom, 2 ч 2 мин	Екатерина, 23 года, «Телеграм», 1 ч 5 мин	Ксения, 31 год, «Телеграм», 1 ч 3 мин	Анастасия, 23 года, Zoom, 1 ч 10 мин	Вероника, 31 год, «Телеграм», 1 ч 1 мин

Большинство информанток приехали в страны ближнего зарубежья из Москвы (10), остальные из Санкт-Петербурга (1), Твери (1), Нижнего Новгорода (1), Барнаула (1) и IT-города Иннополиса (1). Большинство информантов (кроме одной студентки) получили высшее образование. Основная часть участников интервью работают в таких областях, где возможна удаленная работа: дизайнер интервьюера (1), видео-дизайнер (1), веб-дизайнер (1), психолог (2), программист (1), керамистка (1), иллюстратор (1), преподаватель английского языка (2), а также в выборке есть те, кто не работает удаленно: маркетинг (1), нефтяная отрасль (1), врач (1). В выборке есть девушка, которая не работает, она студентка последнего курса философского факультета РУДН, которая находится в академическом отпуске. Ключевой особенностью данной выборки является возможность одного или двух партнеров работать удаленно — большинство мужей информанток работают в сфере IT (14). Принятие решения о переезде было спровоцировано политической ситуацией в России (начало СВО и мобилизация).

Сбор качественных данных

Гайд интервью включал в себя шесть блоков: обстоятельства переезда, беременность и опыт родов и родительства, отношения между супругами, работа и социальные взаимодействия информанта. Всего собрано 15 интервью — по 5 интервью из стран ближнего зарубежья (Казахстан, Армения, Грузия). Общая длительность интервью составляет 22 ч 9 мин. В таблице 1 представлены данные о возрасте информантов, способе сбора данных и длительности интервью. Интервью проводились двумя способами: в формате непрерывной беседы по Zoom и голосовыми сообщениями в Telegram (так как некоторые женщины не могли уделить время непрерывной беседе). Длительность беседы в Zoom варьируется от 1 ч 2 мин до 2 ч 2 мин, тогда как беседа при помощи голосовых сообщений в Telegram могла длиться в сумме от 1 ч 1 мин до 1 ч 43 мин.

Сбор сетевых данных

После интервью информантки строили сетевые карты и отправляли их фотографии. Информантки строили свои сетевые карты до и после переезда и рождения ребенка. В инструкции по построению сетевых карт также были показаны примеры сетевых карт, состоящих из трех концентрированных кругов, на основе которых они рисовали свои карты. Самый малый круг обозначен как круг самых близких людей, средний круг означает среднюю степень близости и дальний круг состоит из неблизких людей.

Результаты исследования

Мною проанализированы сетевые карты и интервью информанток, где фокус внимания был направлен на общую структуру сети, социальные взаимодействия и смыслы отношений, и их контексты. Поскольку рассматривались две сетевые карты со структурой взаимодействий до и после переезда и родительства, то фиксировались основные паттерны изменений взаимодействий: увеличение или уменьшение контактов в разных кругах, перемещение акторов из одного круга в другой. Данные интервью были предварительно транскрибированы¹ и проанализированы с учетом построенных сетевых карт. Полученные паттерны изменений социальных взаимодействий в сетевых картах были подкреплены контекстом взаимодействий. На основе собранных сетевых карт выделены структурные различия в близких и дальних кругах взаимодействий, в которых происходили изменения после появления ребенка и миграции. Таким образом, на

¹ Сервис для транскрибирования: Мемо AI. Аудио в Текст в Телеграм @VoiceTextAI_bot.

таблицы 2 выделены четыре типа социальных взаимодействий на основе изменений в близком круге, с одной стороны, и среднем и дальнем кругах, с другой стороны: *адаптированный тип* взаимодействий состоит из стабильного или увеличенного близкого, среднего и дальнего кругов взаимодействий, *замкнутый тип* обозначает уменьшение в среднем и дальнем кругах взаимодействий и стабильного или увеличенного близкого круга, *открытый тип* взаимодействий обладает стабильным или увеличенным средним и дальним кругами, но уменьшенным близким кругом, тогда как *отдаленный тип* взаимодействий характеризуется всеми уменьшенными кругами взаимодействий — и близким, и средним, и дальним.

Таблица 2

**Типизация социальных взаимодействий у женщин
в условиях миграции и транзита к родительству**

		Средний и дальний круги	
		Стабильный или увеличенный	Уменьшенный
Ближний круг	Стабильный или увеличенный	<i>Адаптированный тип</i>	<i>Замкнутый тип</i>
	Уменьшенный	<i>Открытый тип</i>	<i>Отдаленный тип</i>

Адаптированный тип взаимодействий

Адаптированный тип взаимодействий характеризуется стабильными или увеличенными контактами во всех кругах взаимодействий — и в близком, и в среднем, и в дальнем. На рисунке 1 предложены типовые сетевые карты адаптированного типа взаимодействия, в которых единственное отличие — это включение «компании релокантов» после рождения ребенка и миграции на сетевой карте справа. К данному типу относятся четыре информантки.

Социальные взаимодействия в близком кругу в адаптированном типе характеризуются стабильностью как в позитивном, так и в негативном ключе. Стабильные сильные связи обеспечивают социальную и эмоциональную поддержку молодых родителей (Голева, Павлюткин 2016). Стабильность отношений с близкими людьми (супругами, родителями, друзьями) существенно повышает адаптацию к родительству.

Я близко общаюсь со своей младшей сестрой. Она меня очень поддерживает. И, наверное, здесь отношения не изменились. То есть как бы как она поддерживала меня много, так она и поддерживает. То же самое касается, наверное, моей бабушки, с которой я тоже достаточно близко общаюсь (Екатерина, 30 лет, Армения).

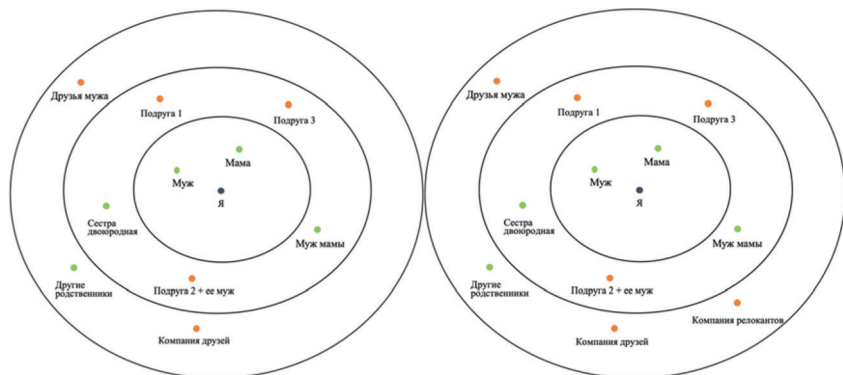

Рис. 1. Типовые сетевые карты адаптированного типа взаимодействий «Сеть до (слева) и после (справа) рождения ребенка и миграции»

У меня достаточно сложные отношения с моей мамой. Отношения с ней не изменились после рождения внука ее. То есть вообще никак. Ну, она поздравила меня с рождением ребенка картиночкой из Ватсапа. И все. То есть как были сложные отношения, так у нас они и остались. Вообще ничего не изменилось ни с переездом, ни с рождением внука. Ни с какой стороны не изменилось (Любовь, 31 год, Армения).

С родными, допустим, у меня не поменялись отношения. Они стали только ближе. Потому что мы уже 5 месяцев живем с моими родителями. Потому что мы, наоборот, стали еще ближе. Потому что у нас одинаковые взгляды. У мужа, наверное, улучшились отношения. Не знаю, у мужа как не были близкими отношения с его папой, так и они такими и остались. У него с папой никогда не было никаких близких отношений, никаких дружеских. Оно, естественно, ни в какую сторону не двинулось. Да, наверное, даже похуже стало. Но там и терять-то особо нечего было. А с мамой примерно так же остались (Анна, 36 лет, Грузия).

Для адаптированного типа взаимодействий характерно увеличение людей в близком круге, например контакты с родителями мужа.

Что касается остальных, кроме мужа, родственников, наверное, изменились отношения с родителями мужа, потому что они очень ждали внука, вот, и вплоть до того, что, когда мы им сказали, что, типа, я беременна, они были настолько сильно рады, что Сашин папа сказал, что теперь умирать можно. Я такая, вот это, конечно,

поздравление, спасибо большое, вот, и родители мужа, соответственно, **они очень сильно включены в жизнь ребенка, они каждый день спрашивают, как дела, что нового, чем помочь...** В общем, **они целиком проникли в жизнь младшего, прям, очень-очень, вот.** А раньше, мы хорошо общались, у нас не было конфликтов, но настолько сильно они не проникали в нашу жизнь, вот, они стали нам значительно ближе после рождения Кирюши (Екатерина, 30 лет, Армения).

Немаловажна поддержка решения о переезде от близких людей.

С мамой я общаюсь каждый день. По видеосвязи. Она уже приезжала один раз. Через пару недель придет еще раз. Она очень за, она, конечно, скучает, мы все скучаем, **но она вообще за нас очень рада, что мы уехали. Ну, она очень поддерживает вообще нашу позицию** (Алла, 28 лет, Казахстан).

В случае если находились разногласия по политическим вопросам, то такие темы внутри семьи замалчивались и не обсуждались, чтобы сохранить отношения.

У нас были конфликты из-за разногласий по ситуации по войне... Моя бабушка, она достаточно сильный сторонник происходящего. Но при этом она понимала, что я беременна и очень сильно хочется сохранить свою семью в полном составе. И она не спорила со мной насчет того, что мы уезжаем... **На нас скорее повлияла ситуация политическая, чем наш уезд.** Насчет родни... На текущий момент мы со всеми общаемся, со всеми хорошие отношения. Но вот с теми, кто поддерживает спецоперацию, например моя бабушка, **мы с ней стараемся политические темы вообще не трогать, не общаться на эту тему. Потому что каждый раз, когда мы с ней общались об этом, мы с ней ссорились.** Она пожилой человек, ей 80 лет, и, соответственно, ссориться вообще не хотелось бы. Вот, поэтому мы с ней стараемся избегать эти острые темы (Екатерина, 30 лет, Армения).

Социальные взаимодействия в среднем и дальнем кругах также характеризуются стабильностью или увеличением контактов. В этих кругах в основном отмечают взаимодействие с друзьями, коллегами и знакомыми. В первом примере дружеских контактов после рождения ребенка стало больше, хоть и отношения с друзьями изменились — друзья, у которых есть дети, лучше понимают проблемы семьи и с ними общение стало ближе. Идентичность родителя подкрепляется взаимоотношениями с людьми такой же идентичности. Друзья без детей тоже проявляют интерес к жизни автора и ее ребенка, и с ними отношения не изменились,

остались дружескими. Во втором случае сетевые карты до и после переезда и рождения ребенка практически не поменялись.

Ну, наверное, те друзья, у которых есть дети, как бы лучше понимают проблемы, с которыми мы сталкиваемся. Вот. И в какой-то мере, наверное, более осведомлены, это понятно. Но как бы на другом языке, условно говоря, с ними говорим. Вот. И они, конечно, понимают больше. С некоторыми я стала больше общаться. Например, там, я не знаю, с универсской однокрупницей я стала больше общаться, когда родился ребенок. Хотя мы с ней после окончания университета практически не общались. Учитывая, что она находится сейчас в России. Вот. В то же время есть друзья, у которых нет на текущий момент детей. Но им очень интересна эта тема. Вот. И они тоже очень интересуются жизнью Кирюши и моей. И часто спрашивают. И, в общем, тоже есть такие... В общем, с некоторыми друзьями, у которых есть дети, я стала ближе. С некоторыми друзьями, у которых нет детей, в отношении, скорее, они не изменились. Стали такими же классными, дружескими остались. Вот. Наверное, есть какая-то тусовка вот здесь, у моего мужа. С ними он, конечно, стал реже видаться. Муж от этого немного грустит (Екатерина, 30 лет, Армения).

В целом во втором круге все осталось почти по-прежнему — добавились релоканты. То есть конечно, все, кроме мужа и мамы, стали сильно дальше от центра круга, но при этом категорию не сменили, то есть друзья, например, не стали просто знакомыми. Я вообще проанализировала и поняла, что в целом все изменения связаны именно с переездом. То есть если бы я родила в России, то предполагаю, что моя социальная жизнь бы почти не изменилась (Алла, 28 лет, Казахстан).

Возможность обрести дружеские отношения в новой стране открывается благодаря различным онлайн-чатам и далее поддерживать общение офлайн. Информантка рассказывает о дружбе с девушкой, с которой познакомилась в чате беременных в Армении, и их дети родились в одно время. Основной круг ее общения сформировался из людей, с которыми они познакомились после переезда в марте. Также информантка общается с коллегами мужа, с которыми он связан по работе.

Здесь есть несколько тусовочных чатов, мы когда приехали сюда в марте, мы познакомились с многими ребятами, которые до сих пор здесь, вот мы с ними дружим, плюс я дружу с девушкой, с которой

мы познакомились в чате беременных в Армении, вот у нее, соответственно, ребенок тоже родился в феврале, тоже с ней поддерживаем отношения, вот. Ну и, наверное, всё, то есть как бы вот с кем мы познакомились, так онлайн, а потом офлайн, вот, в основном, да, ну и плюс еще у мужа, так как здесь работа иногда да, общаемся с его коллегами (Екатерина, 30 лет, Армения).

В другом случае, несмотря на то что в Армению переехала компания, в которой работает супруг, среди коллег мужа не получилось найти близкую для себя компанию, поэтому регулярное общение происходит с мамой, как и было ранее.

В общем, тут получилось так, что так как переехала почти вся фирма, и кто остался, это где-то 200 человек. То есть, ну понятно, с этими 200 людьми невозможно общаться, контактировать. Есть близкий круг ребят с моим мужем, которые работают непосредственно. Ну и так вот, мы так и тусим. Но они не женаты. Тут в общем момент. Именно много по одному. И получилось так, что весь круг общения, они не женаты. То есть, они одни. А то женат и с детьми. Они все в другом районе живут. И там дети уже более взрослые. 4–5 школьный возраст. Не совсем уже интересно. Ну и когда ты живешь друг по другу в такси 25 минут. Ну это тоже невозможно. Поэтому мой круг общения — это мама по телефону. И несколько моих подруг. Ну и ребята работают, потому что один ходит ко мне заниматься английским (Любовь, 31 год, Армения).

Существуют случаи, когда рождение ребенка не сильно изменило жизнь и отношения в паре, поскольку они и ранее вели домоседский образ жизни.

Ну, у нас вообще такая дурацкая история в плане, что я понимаю, как это бывает, когда у молодых родителей всё вообще меняется в жизни невероятно. Потому что там ты, например, не знаю, ходил по клубам, по клубам, или на работу даже. Ну, в общем, широкие группы общения, каких-то там развлечений. И понятно, что ребёнок сразу это всё обрушает, и становится другая жизнь. А мы такие ужасные домоседы. И потом ещё это ковид. То есть мы как бы... Вот эта картина, что мы сидим дома круглые сутки и выходим там общаться с кем-то на типо выходных. Вот как она была, эта картина, так и осталась. Ну и переезд, в общем-то, тоже не могу сказать, что как-то что-то изменило в этом плане (Алла, 28 лет, Казахстан).

Замкнутый тип взаимодействий

Данный тип взаимодействий характеризуется стабильными или увеличенными взаимодействиями в близком круге и уменьшенными контактами в дальнем и среднем кругах, в связи с чем индивиды склонны продолжать общение в близком круге взаимодействий, не включаясь в новые отношения и взаимодействия. К данному типу относятся три информантки.

Для замкнутого типа взаимодействий характерно сближение близкого круга (рис. 2), особенно видно, как «приблизились» члены семьи после рождения ребенка и миграции из дальнего круга в средний круг. Усиление и стабильность «сильных» связей формирует социальную и эмоциональную поддержку в транзите к родительству (Голева, Павлюткин 2016). Однако друзья и коллеги из средних и дальних кругов в основном отдаляются.

Ну, можно сказать так, что с появлением ребёнка многие на один круг отдалились, ну, как минимум на один круг. В среднем, да, так стало реже. Были люди, которые вышли из более отдалённых кругов, стали поближе, но они не вошли в более близко, то есть вот так, и остались больше таким тесным кругом. Ну, еще вот маленький круг я, наверное, не внесла ребенку, но для меня само собой разумеется, что это самое близкое ко мне (Ярослава, 30 лет, Казахстан).

С одной стороны, в близком круге возможно улучшение взаимоотношений на фоне рождения ребенка с семьей.

Ну, так как у нас недавно родилась дочка, то за это лето мы встретили достаточно большое количество гостей. Сначала приез-

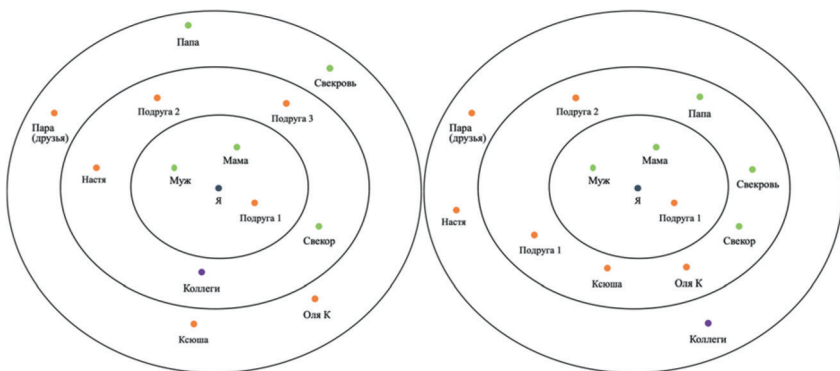

Рис. 2. Типовые сетевые карты замкнутого типа взаимодействий «Сеть до (слева) и после (справа) рождения ребенка и миграции»

жала моя мама, потом мама мужа, потом мой папа. Короче, рождение ребенка нас в каком-то смысле сближает. Ну, они приезжают, мы чаще общаемся из-за того, что показываем там фотки, что-нибудь рассказываем про дочку (Ксения, 31 год, Грузия).

Вот, касаясь свекра и свекрови, то они стали больше там проявлять интересы, естественно, к внучке, больше стремятся общаться, чаще созваниваться... Мой папа стал больше проявлять, как бы так, ну, общаться, то есть у нас с ним хорошие отношения, просто мы как бы редко взаимодействовали. Вот сейчас с появлением внучки это стало, ну, гораздо чаще (Ярослава, 30 лет, Казахстан).

С другой стороны, в случае, если в среднем и дальнем кругах нет друзей с детьми, с ними постепенно пропадает связь, что усиливается из-за миграции. Формируется запрос на социальное окружение со схожими характеристиками: миграция и наличие детей.

Глобально в целом я не скажу, чтобы как-то менялись отношения с близкими. Изменились больше отношения, наверное, с друзьями-знакомыми, потому что у нас очень многие не имеют детей, и они все как-то так, понятно, что выпадаешь из всяких тусовок, но это у нас ещё произошло еще из-за миграции, да, в этом плане, вот, но как-то так (Ярослава, 30 лет, Казахстан).

С друзьями тоже в целом общаемся, ну конечно, с теми друзьями, с которыми мы условно каждый выходной встречались, когда жили рядом, мы общаемся сейчас раз в месяц. И это очень грустно, что мы не можем сейчас продолжать общение, что приходится искать это общение сейчас здесь и заново сближаться с людьми. Поначалу чаще созванивались, там даже по видео с кем-то, сейчас уже реже. Поэтому происходит, конечно, такое отдаление (Ксения, 31 год, Грузия).

За счет появления у друзей первого ребенка могут закрепиться более крепкие отношения с ними и в условиях миграции. Подобное взаимодействие подкрепляет социальные механизмы поддержки и обучения в период транзита к родительству (Голева, Павлюткин, 2016).

Дело в том, что наши друзья, с которыми мы общались в России, тоже сейчас родилась дочь. Так интересно, буквально несколько недель разницы с нами. И было бы здорово, если бы мы были рядом. И наличие детей одного возраста даже нас сейчас сближает. Мы хотя бы по этому поводу постоянно общаемся (Ксения, 31 год, Грузия).

Однако информантки испытывают сожаление, что не получается социально адаптироваться в миграции. В нарративах выделяется редкость взаимодействия между приезжими и местными жителями — взаимодействия ограничиваются незначительным общением. Основные контакты происходят с другими приезжими родителями, а с местными жителями общение ограничено вежливыми приветствиями и мелкими бытовыми контактами. Замкнутый тип взаимодействий схож с «дезинтегрированным» типом сети, который характеризуется отсутствием «слабых» связей в виде друзей и знакомых в миграции (Lois, 2016).

Просто это такой момент, когда, с одной стороны в миграции надо бы обрести окружением, чтоб быстрее погрузиться, а с другой стороны, ты погружен в семью и ребенка и физически, и морально это делать не можешь. Как будто пытаешься сделать сразу два взаимоисключающих действия (Ярослава, 30 лет, Казахстан).

К сожалению, практически все взаимодействуют между собой, приезжие между приезжими. Грузины редко прямо с нами взаимодействуют, да, на детской площадке взаимодействуют русскоязычные, без всяких там фанатизмов таких, но чаще, в 99 % случаях, это, конечно, взаимодействие происходит с мамочками приезжих. Грузинки, ну, на детских площадках, там, типа, здравствуйте, здравствуйте, до свидания, там, вот, игрушки, да ладно, пускай дети поиграются, такое незначительное общение. Но я чаще говорю на детской площадке на английском, нежели на русском. Если человек готов перейти на русский, я с удовольствием перейду на русский. Да, это и есть (Екатерина, 33 года, Грузия).

Открытый тип взаимодействий

Открытый тип взаимодействий отличается уменьшением близких связей и увеличением или стабильностью в отношениях с людьми из среднего и дальнего круга взаимодействия. В проведенном исследовании был только один кейс такого типа взаимодействий (рис. 3). Информантка с таким типом взаимодействий подмечает сложности составления сетевой карты в ближнем кругу.

Вот начала составлять сначала круг людей, с которыми общаюсь сейчас, потому что мне легче его было составить. А когда вот приступила к первому кругу людей, с которыми общалась до переезда, что-то прям очень тяжело было вспомнить, что там было за круг общения, как он сильно изменился, потому что, знаете, это как будто в прошлой жизни было (Вероника, 31 год, Грузия).

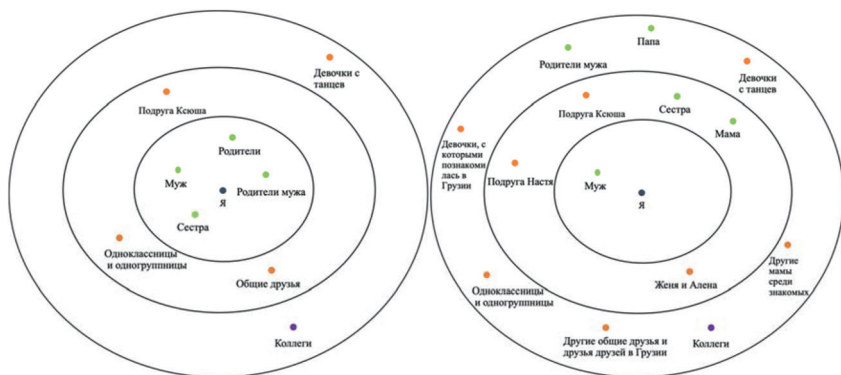

Рис. 3. Типовые сетевые карты открытого типа взаимодействий «Сеть до (слева) и после (справа) рождения ребенка и миграции»

Открытый тип взаимодействий характеризуется изменением отношений в близком круге. После переезда и рождения ребенка у информантки ухудшились отношения с родителями и мужем. С родителями ей не хватало глубины в отношениях, с мамой отношения переходят на новый этап, а с мужем отношения ухудшились после переезда и рождения ребенка.

В принципе отношения с родителями были хорошими в целом, только единственное, в них не было глубины, в которой я до сих пор, наверное, нуждаюсь... Глубина в отношениях для меня — это про доверие и безоговорочное принятие. Хотя я сказала, что в принципе родители где-то поддерживали, но как бы в целом, вот как я вначале сказала, я все равно себя чувствовала чужой всегда в этой семье. То есть вот этого безоговорочного принятия не было, и, соответственно, я не могла полностью доверять родителям.

Если раньше я не могла как-то отстоять свои личные границы перед мамой, и либо всё это скатывалось в какие-то подростковые бунты, в какие-то скандалы вечные, то сейчас немножко по-другому начала выстраивать отношения с мамой, и мне кажется, она это видит и чувствует, и местами ей все равно не всё нравится... Доверия как бы по-прежнему нет, потому что есть и были ряд ситуаций, когда я понимаю, что я не могу доверять человеку. Безоговорочного принятия тоже, потому что мне приходится отстаивать свои границы... Но вот в плане именно личностного взаимодействия стало как-то проще, то есть сейчас всё как будто происходит немножко на менее эмоциональном и более рациональном уровне наша коммуникация.

Я не чувствую той близости и доверия к мужу, которые были между нами до рождения ребенка. Стало больше ссор, споров и непонимания друг друга. То есть если до переезда отношения были 9,5/10, после переезда — 8/10, после рождения ребенка — 6,5/10. Может я драматизирую, потому что в целом все не так уж и плохо. Но в конце весны у меня появилась новая цель на год — не развестись (Вероника, 31 год, Грузия).

Информантка объясняет проблемы в отношениях с мужем, связанные с отсутствием ощущения безопасности в Грузии, в частности из-за чего она хотела вернуться обратно домой. И после рождения ребенка, по мнению информантки, она утратила доверие к мужу.

Так, по поводу отношений с мужем. После переезда и до рождения Лизы, я помню, у нас было прям два или три таких вот прям крупных скандала, довольно серьезных. Насколько я помню, в тот момент я себя чувствовала небезопасно в Грузии, хотя объективных причин для этого не было, это вот просто было какое-то внутреннее ощущение, видимо, адаптация происходила, и я очень сильно хотела вернуться домой. И обсуждала этот момент с мужем, что, если мне вернуться, что, если мне там остаться. И каждый раз получала в ответ, ну, грубо говоря, ультиматум: «Ты, конечно, можешь делать всё, что хочешь, но в таком случае мы разведемся». И прям довольно серьезные ссоры были на эту тему.

А после рождения Лизы, я даже не знаю, не могу конкретно сказать, что именно поменялось, но говорю вот по ощущениям, уже нет той близости, нет доверия к человеку. Наверное, ну, скорее всего, это какой-то такой, знаете, накопительный эффект от усталости и от того, что фокус внимания и приоритет всё равно он сейчас не на отношениях с мужем все-таки, а на ребенке, на заботе о ребенке... Но вот то, что касается межличностных отношений, вот как мы муж и жена, или как любовники, или как друзья, тут уже такая прям сильная яма произошла (Вероника, 31 год, Грузия).

При этом при составлении сетевой карты муж остался в близком кругу взаимодействий, что было объяснено через нормативный статус «мужа» как априори близкого человека.

Сейчас попробую прокомментировать, как изменился мой круг общения после переезда. Сейчас точно могу сказать, что моё самое ближнее окружение — это только муж и дочь, поскольку родители,

родители мужа, сестра — эти люди остались в другой стране, и пусть мы регулярно на созвонах, переписках находимся, но всё равно чувствуется, что контактов с родственниками стало намного меньше.

Ну, и по поводу мужа прокомментирую. Несмотря на то что у нас отношения изменились, мы все равно живем в одной квартире, спим в одной постели, и взаимодействие-то по интенсивности, оно точно такое же, как и было (Вероника, 31 год, Грузия).

Что касается средних и дальних кругов взаимодействий, то появились дружеские отношения, схожие по опыту мигранта и родительской роли. А также сохраняется связь с близкой подругой, с которой они регулярно общаются онлайн.

Затем часть друзей осталась примерно на том же уровне, что и была. Часть друзей стали ближе. Из общих друзей, например пара человек, которые в Грузию переехали, довольно близки стали. Я рассказывала об этих ребятах, мы с ними жили вместе, когда только переехали. Мы соседи, в соседних домах живём, мы тоже довольно регулярно видимся, общаемся. То есть я их прям выделила из общих друзей наших с мужем, потому что они прям выделяются по сравнению с остальными. Плюс я чаще стала переписываться с одной подругой, с которой училась в университете вместе. Вот как раз на фоне рождения ребенка.

Ну и самая стабильная у меня получается подруга Ксюша, это моя лучшая подруга, мы с ней в школе познакомились, в параллельных классах учились. Наверное, еще до пандемии она переехала из Перми в Москву, и мы в основном переписываемся. То есть бывает переписываемся часто, бывает переписываемся редко. Стараемся друг к другу на дни рождения, на какие-то важные праздники приезжать всегда, каждый год. И вот как-то, видимо, поскольку мы уже давно на расстоянии друг от друга живём, с ней общение не поменялось в плане регулярности, близости. Как было, так и есть. Поэтому она в этом круге у меня, наверное, самая стабильная (Вероника, 31 год, Грузия).

Отдаленный тип взаимодействий

Отдаленный тип взаимодействия характеризуется уменьшением контактов во всех кругах взаимодействий — в близком, в среднем и дальнем (рис. 4). К этому типу взаимодействий относится семь информанток, что составляет половину исследуемого поля.

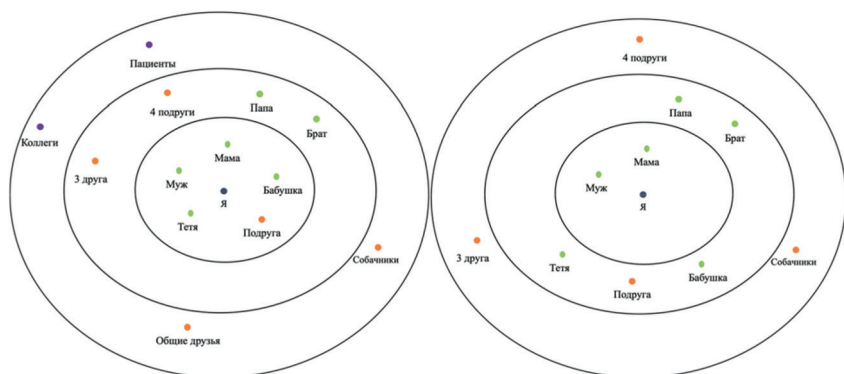

Рис. 4. Типовые сетевые карты отдаленного типа взаимодействий «Сеть до (слева) и после (справа) рождения ребенка и миграции»

Отношения с близкими людьми, например с родителями и друзьями, приобрели негативную тональность, которая проявлялась в отсутствии поддержки переезда и иных политических взглядов.

Мы общаемся с родителями раз в неделю по видеосвязи, в остальное время поддерживаем контакты просто по перепискам. Прислала фотографии, когда малой родился, мама приезжала сюда на неделю, потом приезжала мама мужа тоже на пару недель. И в целом, ой, ну как сказать, родители не говорят со мной о войне. Для них переезд был очень травматичным. Они привыкли, что я всегда рядом. Соответственно добавляло еще то, что беременности, роды мы тоже будем проводить в Тбилиси. Было очень много критики и осуждений... Ну как бы это не изменяет то, что мы семья... Что касается друзей, то раньше мы дружили с еще одной семьей. И вот там человек нам доказывал, что Крым всегда был Россией. «Это что, Украина? Это вообще недогосударство». Поэтому нам пришлось этой семье сказать, что мы больше не будем поддерживать отношения. Ну, просто так оказалось, что к 30 годам у нас не так уж и много друзей (Марина, 28 лет, Грузия).

В плане с родителями мужа мне как будто я, наоборот, стала отдаляться от них, что ли. Раньше я как-то теснее замечала. А сейчас они видят только внуки, а я стала как-то... Со мной даже иногда как будто не здороваются... То есть ни разу не было такого, чтоб меня поддержали... Я ощущаю, что я как будто стала менее интересной (Ольга, 32 года, Казахстан).

Что касается связей в средних и дальних кругах, то информантками выделяется потребность в социальной активности и общении с другими людьми, несмотря на то что ранее могло показаться, что достаточно только общения с близкими и другие социальные связи на данный момент не так нужны.

Я долгое время думала, что мне никто здесь не нужен, потому что мне достаточно моего общения каждодневного с близкими, с моим близким кругом. Но за счет того, что мы задержались, то нет, видимо, что нужна какая-то социализация. Плюс у меня еще няня такая болтушка, мы с ней очень хорошо сблизились. Как-то так (Алена, 35 лет, Армения).

Одной из характерных черт отдаленного типа — это послеродовая депрессия, которая была спровоцирована осложненным транзитом к родительству и адаптации в миграции, а также нехваткой социальной поддержки. Данный тип взаимодействий, с одной стороны, также схож с «дезинтегрированным» типом сети, как и замкнутый тип взаимодействий (Lois, 2016). С другой стороны, он осложнен ухудшением отношений в ближнем круге, что также может повлечь за собой ментальные проблемы, связанные с адаптацией к новой роли и стране.

Вроде бы счастье такое случилось. И одновременно такое ощущение, как будто вся твоя жизнь рухнула просто. И ты стоишь на руинах своей жизни, а новая еще не построилась. И ты стоишь, как будто реально все разрушилось. А новая еще не пришла, и ты не знаешь, что делать. Как будто бы и война, ощущаешь, что она тебя коснулась. Что ты не дома, что ты же жила дома. Ты же там все построила, а тут ты не дома. У тебя тут появился еще новый ребенок. Ты вообще не знаешь, что с ним делать, как вообще с ним жить (Ольга, 32 года, Казахстан).

Я дала обещание младшей сестре, что я дойду до психиатра и проконсультируюсь. Вот, я сходила к психиатру, она меня протестировала и сказала, что у меня депрессия, назначила препараты, которые я сейчас пью, которые совместимы с грудным кормлением. И сказала пройти психотерапию (Екатерина, 30 лет, Армения).

Заключение

Статья посвящена изучению особенностей социальных взаимодействий молодых родителей в условиях миграции и их транзита к родительству. Транзит к родительству является переходным периодом реоргани-

зации жизни и адаптации молодых родителей первенца в новой роли (Belsky 1986; Cowan 1991; Falicov 1991). В случае данного исследования рассматривается транзит к родительству в условиях миграции россиян после событий 24 февраля 2022 г. Поскольку по данным Forbes наибольшее число мигрантов числится в странах ближнего зарубежья, то был сделан выбор в пользу этих стран для проведения эмпирического исследования (Селизарова 2023).

В исследовании рассматривались мигранты, переехавшие в Грузию, Армению и Казахстан. Особенностью этой группы мигрантов в том, что они ожидали ребенка на момент переезда. В качестве метода был выбран качественный сетевой анализ (Ким 2023). Метод качественного сетевого анализа позволяет изучить социальные взаимодействия с точки зрения целой структуры взаимодействий и интерпретации отношений в них. На основе собранных сетевых карт и интервью представлена типизация социальных взаимодействий у молодых матерей в условиях миграции и транзита к родительству. Выделенные типы социальных взаимодействий зависят от построенных сетевых карт, в которых отмечались контакты в близком, среднем и дальних кругах взаимодействий до и после рождения ребенка и переезда. Информантами обозначались изменения в близком, среднем и дальнем кругах взаимодействия, исходя из чего выделены четыре типа взаимодействий: *адаптированный*, *замкнутый*, *открытый* и *отдаленный*. Анализ интервью и сетевых карт показывает потребность в интеграции и включении в новые сообщества, а именно в сообщества мигрантов и молодых мам (Голева, Павлюткин 2016). Получается, что для адаптации в новой стране нужны связи с такими же мигрантами, так же как для транзита к родительству нужны взаимодействия с такими же родителями.

Ограничением проведенного эмпирического исследования является малая выборка из 15 информанток, что обусловлено тревожным состоянием мигранток, вследствие чего они отказывались от интервью, а также узким типом миграции, поскольку фокус был на информантках, беременных первым ребенком. Другим ограничением является профессиональная особенность мигрантов: многие информантки обладают мобильными профессиями, с которыми можно работать удаленно и их супруги являются представителями сферы IT, которая также отличается мобильностью (при этом некоторые информантки переехали благодаря профессиональной релокации супруга). Возможно, что распределение полученных типов взаимодействий является следствием приведенных выше ограничений. Однако в данном исследовании не ставилась цель показать статистическое распределение. Результаты исследования могут быть использованы в разработке программ поддержки семей мигрантов, а также в аналитической

работе, связанной с адаптацией родителей в условиях миграции. В разработке программ поддержки семей мигрантов можно было бы делать дополнительный акцент на возможность создания и укрепления новых социальных связей внутри мигрантского сообщества, а также вовне с местными жителями.

Литература / References

Антонова К.А., Дубровина А.Д., Якимова О.А. (2023) Проблемы на новом месте: что обсуждают российские эмигранты в чатах взаимопомощи? *Социодиггер*, 3(4): 59–68.

Antonova K.A., Dubrovina A.D., Yakimova O.A. (2023) Problems in the new location: what do Russian expats discuss in mutual aid chats? *Sociodigger*, 3(4): 59–68 (in Russian).

Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В. (2023) Релокация как социально-экономический и правовой институт. *Россия в глобальном мире*, 26(2): 97–123. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.2.7>. EDN: VPEHQH.

Belosludtsev A.N., Dzzyuba E.V. (2023) Relaxation as a socio-economic and legal institution. *Rossia v globalnom miri* [Russia in the Global World], 26(2): 97–123. <https://doi.org/10.48612/rg/RGV.26.2.7>. EDN: MZURIR (in Russian).

Голева М.А., Павлюткин И.В. (2016) Социальные сети и рождаемость. *Экономическая социология*, 17(1): 83–98.

Goleva M.A., Pavlyutkin I.V. (2016) Social Networks and Fertility. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 17(1): 83–98 (in Russian).

Голева М.А. (2023) Переход к родительству в перспективе супружеских отношений: на примере интервью с молодыми родителями. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 169–189. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>.

Goleva M.A. (2023) Transition to Parenthood from the Perspective of Marital Relations: Based on Interviews with Young Parents. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2: 169–189 (in Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>.

Евстратов А.Г. (2022) Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине. *Архонт*, 3: 85–90.

Evstratov A.G. (2022) The relocation of Russians to Armenia in the light of the Russian special operation in Ukraine. *Archont*, 3: 85–90 (in Russian).

Ким А.В. (2023) Методологический подход к изучению отношений в сети: качественный сетевой анализ. *ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*, 15(3): 11–30.

Kim A.V. (2023) Methodological approach to the study of network relations: qualitative network analysis. *INTERaksia. INTERviu. INTERpretasia*. [The interaction. interview. Interpretation], 15(3): 11–30 (in Russian).

Костенко Н., Завадская М., Камалов Э., Сергеева И. (2023) Российская ризома: социальный портрет новой эмиграции. *Re: Russia*, 27.08.2023. URL: <https://re-russia.net/expertise/045/>

Kostenko N., Zavadskaya M., Kamalov E., Sergeeva I. (2023) Russian rhizome: a social portrait of new emigration. *Re: Russia* [Re: Russia], 27.08.2023. URL: <https://re-russia.net/expertise/045/> (in Russian).

Мальцева Д.В. (2018) Сетевой подход как феномен социологической теории. *Социологические исследования*, 4: 3–14.

Maltseva D.V. (2018) The network approach as a phenomenon of sociological theory. *Sotsiologicheskiye issledovania* [Sociological Research], 4: 3–14 (in Russian).

Минченко Е.Н. (2023) «Россия уехавшая»: внешняя и внутренняя эмиграция. *Социодиггер*, 3–4: 35–38.

Minchenko E.N. (2023) «Russia That Left»: External and Internal Emigration. *Sociodigger*, 3–4(4): 35–37 (in Russian).

Они уехали. Новая волна российской эмиграции (2023) *Социодиггер*, 3–4(4). [<https://sociodigger.ru/releases/release/oni-uekhali-novaja-volna-rossiiskoi-ehmigracii/>].

They're gone. A new wave of Russian emigration (2023) *Sociodigger*, 3–4(4). [<https://sociodigger.ru/releases/release/oni-uekhali-novaja-volna-rossiiskoi-ehmigracii/>] (in Russian).

Рахмонов А.Х. (2023) Вынужденная эмиграция из России 2022: потенциал российских IT-специалистов для центральноазиатских стран-участниц СНГ. *Вестник университета*, 7: 162–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-162-170>. EDN: NDXEZA.

Rakhmanov A.H. (2023) Forced emigration from Russia 2022: the potential of Russian IT specialists for Central Asian CIS member countries. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 7: 162–170 (in Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-162-170>. EDN: NDXEZA.

Костенко Н., Завадская М., Камалов Э., Сергеева И. (2023) Российская ризома: социальный портрет новой эмиграции. *Re: Russia*. [<https://re-russia.net/expertise/045/>] (дата обращения: 27.05.2024).

Kostenko N., Zavadskaya M., Kamalov E., Sergeeva I. (2023) The Russian Rhizome: a social portrait of new emigration. *Re: Russia* [Re: Russia] (in Russian). [<https://re-russia.net/expertise/045/>] (accessed: 27.05.2024).

Чигалейчик Е.А. (2024) Миграция из России 2022–2023: тенденции, адаптация, отношения. *SocialJustice* [https://socialjustice.org.ge/uploads/products/pdf/Миграция_из_России_2022-2023_1709124584.pdf] (дата обращения: 08.03.2026).

Chigalechik E.A. (2024) Migration from Russia 2022–2023: trends, adaptation, relations. *SocialJustice*[*SocialJustice*] (in Russian). [https://socialjustice.org.ge/uploads/products/pdf/Миграция_из_России_2022-2023_1709124584.pdf] (accessed: 08.03.2026) (in Russian).

Belsky J. (1986) Transition to parenthood. *Medical Aspects of Human Sexuality*, 20(9): 56–59.

Cowan P. (1991) *Individual and Family Life Transitions: A Proposal for a New Definition* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Deave T., Johnson D., Ingram J. (2008) Transition to parenthood: the needs of parents in pregnancy and early parenthood. *BMC Pregnancy Childbirth*, 8(30). <https://doi.org/10.1186/1471-2393-8-30>.

Entsieh A.A., Hallström I.K. (2016) First-time parents' prenatal needs for early parenthood preparation—A systematic review and meta-synthesis of qualitative literature. *Midwifery*, 39: 1–11.

Falicov C.J. (1991) *Family transitions: Continuity and change over the life cycle*. New York: Guilford Press.

Gulina O. (2023) *Emigration from Russia after 24 February 2022: Dynamics and Key Characteristics*. Prague Process (ed.) *Migration Observatory Briefs*. Vienna: ICMPD: 1–20.

Lois D. (2016) Types of social networks and the transition to parenthood. *Demographic Research*, 34(23): 657–688. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2016.34.23>.

Wilde G. (2009) Gesellschaftsvertrag — Geschlechtervertrag. In: Ludwig G., Birgit S., Wöhl S. (eds.) *Staat und Geschlecht. Grundlagen und aktuelle Herausforderungen feministischer Staatstheorie*. Baden-Baden: Nomos: 31–36.

Источники

Селизарова В. (2023) Куда уехали россияне из-за частичной мобилизации и что планируют делать дальше. *Forbes*, 27.08.2023. [<https://www.forbes.ru/svoibiznes/478891-kuda-uehali-rossiane-iz-za-casticnoj-mobilizacii-i-cto-planiruut-delat-dal-se>] (дата обращения: 27.05.2024).

Ширманова И. (2023) 800 тысяч россиян могли покинуть страну в 2022 году. *Если быть точным*, 27.08.2023. [<https://tochno.st/materials/rossiyan-mogli-pokinut-stranu-v-2022-godu>] (дата обращения: 27.05.2024).

TRANSITION TO PARENTHOOD AND MIGRATION: CHARACTERISTICS OF SOCIAL INTERACTIONS AMONG YOUNG MOTHERS

Aryuna V. Kim (aryunakimm@gmail.com)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Kim A.V. (2026) Transition to parenthood and migration: characteristics of social interactions among young mothers. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 149–176 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.6> EDN: BFTRAG

Abstract. This article is devoted to the study of the transition to parenthood of young mothers in migration with a focus on the features of social interactions. Since the circumstance of migration complicates the period of transition to parenthood, the main problem of young mothers is adapting to a new life both as a parent and a migrant at the same time. One of the important aspects of adaptation in migration and parenthood is the maintenance of habitual social interactions and the emergence of new social connections. The method of qualitative social network analysis will reveal the perception of network relations in general, as well as possible changes in these relations in connection with parenthood and migration. Based on the collected interviews and network maps with informants (15 interviews and network maps), in which the informants structured their interactions before and after moving and parenthood, four types of social interactions among women in conditions of migration and transition to parenthood were identified. The typification of social interactions is based on the network maps of informants, which noted contacts in the near, middle and far circles of interactions before and after the birth of a child and moving. The informants indicated a change in the close circle of interactions in both the middle and far circles, based on which four types of interactions were distinguished: the *adapted* type, in which the number of contacts in all circles increased, the *closed* type, which includes stability or an increase in contacts in the close circle, but a decrease in contacts in the middle and far circles, the *open* type in which, on the contrary, contacts in the close circle decrease, while contacts in the middle and far circles increase, and the *remote* type, in which contacts in all circles of interaction decrease.

Keywords: transition to parenthood, adaptation, migration, social interaction, qualitative social network analysis.

СОЦИОЛОГИЯ СПОРТА

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕТСТВА ЧЕРЕЗ СПОРТ: ОБРАЗ РЕБЕНКА-СПОРТСМЕНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ

*Екатерина Борисовна Потапова*¹ (katepotapova@gmail.com),
*Виталий Александрович Горохов*² (gorokhov-va@ranepa.ru)

¹ Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

² Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Потапова Е.Б., Горохов В.А. (2026) Конструирование детства через спорт: образ ребёнка-спортсмена в художественной гимнастике. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 177–208.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.7> EDN: BHMMEB

Аннотация. Рассматривается, как переопределяется социальная конструкция детства в контексте раннего профессионального спорта на примере художественной гимнастики в современной России. Используя теоретическую рамку социального конструктивизма, авторы анализируют процесс трансформации детства из безопасного пространства для игры и свободного досуга в целенаправленную трудовую деятельность, ориентированную на высокий спортивный результат. Эмпирическую базу исследования составляют полуструктурированные интервью с тренерами и родителями девочек 6–12 лет, чья жизнь тесно интегрирована в интенсивный тренировочный процесс. Анализ интервью показывает, что повседневные практики в художественной гимнастике — сверххраняя специализация, многолетний «рабочий день», рутинизация и подчинение — соответствуют ключевым критериям детского труда, что позволяет рассматривать спорт как его социально одобряемую форму. В исследовании раскрывается конфигурация «игр власти» между взрослыми акторами: родители выступают в роли инициаторов и инвесторов, рассматривая спортивную карьеру ребенка как «бизнес-проект» и средство накопления символического капитала, в то время как тренеры задают жесткий дисциплинарный режим и трудовую этику, основанную на преодолении. Результатом коллективных усилий становится конструирование особого образа «ребенка-спортсмена» — дисциплинированного, «взрослого» труженика, чья «одномерная» идентичность оказывается привязанной исключительно к спортивному результату. Такой образ наделяет ребенка привилегированным статусом по сравнению со сверстниками, не занимающимися спортом, и легитимирует отказ от атрибутов «естественного» детства. Статья вносит вклад в социологию детства и спорта, демонстрируя, как институциональная среда спорта производит альтер-

нативный режим детства, вступающий в противоречие с гуманистическими представлениями о детской свободе и спонтанности.

Ключевые слова: социальная конструкция, детство, художественная гимнастика, детский спорт, детский труд, социальный конструктивизм, детская агентность.

Введение

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью спорта как важной сферы детства, с одной стороны, и стремительным омолаживанием профессионального спорта — с другой. Показательный пример: суперзвезда мирового футбола — испанский подросток Ламин Ямаль, ставший на Евро-2024 в Германии самым молодым игроком и самым молодым автором голевой передачи в истории турнира, был вынужденно заменен на 71-й минуте в матче с национальной командой Италии. Причина замены — ограничения, связанные с защитой трудовых прав детей. По немецкому законодательству, несовершеннолетние не могут работать после 20:00, за исключением спортсменов, которым разрешено работать только до 23:00. Так, с наступлением времени ограничений Ямаль был заменен.

Конвенция по защите прав детей, принятая в 1989 г., заложила институциональные основы для ограничения негативных последствий детского труда, но, как отмечается многочисленными исследователями, в практике детского спорта остается очень много проблем, связанных с реализацией политики по защите прав детей-спортсменов (Dowling 2024: 2). Спорт, являясь одним из самых популярных видов досуговой и игровой деятельности для детей, нацеленной на получение удовольствия и социализацию, в то же самое время нормализует детский труд через раннюю специализацию, интенсивные тренировки, маргинализацию травм и почти тотальную власть взрослых (родителей, тренеров, руководителей) над детьми.

Проблема исследования: детский спорт как безусловное благо?

В массовом общественном сознании спорт конструируется как безусловное благо и сфера ответственности взрослых, что маргинализирует его негативные аспекты и ограничивает значимость мнения ребенка. В научном дискурсе, однако, констатируется недостаток знаний о реальном влиянии спорта на здоровье детей, а также о рисках, связанных с его чрезмерной идеализацией.

Квинтэссенция дискуссии о положительном влиянии занятий спортом на возможные жизненные траектории детей в социологии спорта нашла свое отражение в концепте «великого спортивного мифа» — критически

не осмысливаемого убеждения о том, что спорт улучшает здоровье, закаляет характер и ведет к благосостоянию (Coakley 2015). Подобное понимание спорта очень распространено среди обывателей, в том числе в современных развитых обществах (Davis 2024). Мифологизация спорта базируется на транслируемых в публичном пространстве историях успеха спортсменов, ставших богатыми, уважаемыми и знаменитыми. Такая трансляция является важной частью «цикла благодетели» спорта, в котором истории профессионального успеха — важная часть рекрутирования детей в занятия спортом (Grix 2012). При этом количество случаев, когда занятия спорта привели к негативному результату, в том числе травмам, выгоранию, фрустрации, маргинализации и депрессии, значительно превышает количество историй успеха, но о них в публичном пространстве практически не говорят. Более того, неочевидна связь между успехом в спорте и успехом по жизни (Coakley 2015), однако вследствие трансляции исключительно успешных историй создается искаженное впечатление, что дети-спортсмены лучше адаптируются ко взрослой жизни. В то же время успешная адаптация ребенка ко взрослой жизни определяется множеством факторов, а не только занятиями спортом.

Ситуация с художественной гимнастикой в современной России укладывается в общую тенденцию. Успешные траектории гимнасток-чемпионок (самый яркий пример — легенда отечественной гимнастики Алина Кабаева) известны широкой аудитории, но критическое обсуждение того, насколько именно опыт занятия спортом и спортивный успех приводят к успеху бывших детей-спортсменов «вне» и «после» спорта, практически отсутствует. Авторам настоящей работы не удалось найти исследований, которые подтверждали положительную связь между спортивной карьерой детей и их успехами во «взрослой» жизни или рассматривали опыт занятий спортом как детерминирующий фактор успеха во взрослой жизни.

В рамках социологии детства утверждается, что дети являются активными конструкторами социальных значений, а не пассивными объектами социализации, что требует изучения детской культуры как автономной, а не через призму взрослых идеологий и концепций «будущей взрослости». При этом доминирующие представления о спорте, как показывают исследования, часто формируются взрослыми, в том числе родителями, которые подчиняют интересы детей логике спортивных ассоциаций и «технологиям доминирования», а права ребенка оказываются неразрывно связанными с правом взрослых (родителей, тренеров, сотрудников спортивных организаций) регулировать их спортивную жизнь (Dowling 2024: 10). Ключевым фактором получения удовольствия детьми от заня-

тий спортом становится мотивационный климат, ориентированный на старание, личное развитие и овладение мастерством. Такой климат способствует формированию у юных спортсменов соответствующего типа целеполагания с фокусом на достижение спортивного результата, который сохраняет свою значимость даже в условиях высокой конкурентной борьбы (Jaakkola 2016: 112). Приоритет установки на результат приводит к подмене детских интересов взрослыми амбициями, такими как гипертрофированное стремление к победе и готовность к чрезвычайным физическим нагрузкам. Как следствие, дети-спортсмены подвергаются быстрому выгоранию и страдают от дефицита возможностей для нормального социального развития, что нередко приводит к разочарованию от занятий спортом (Brady 2004: 36). Одна из важных причин выгорания — формирование «одномерной» самооценки у детей-спортсменов как результат ограниченного жизненного опыта. Дети, чье развитие и социализация в основном происходят в спортивном зале на занятиях одним видом спорта, имеют весьма ограниченный жизненный опыт, самоидентифицируют себя и идентифицируются другими строго в рамках их особой «спортивной» роли (Coakley 1992: 276).

Приоритет спортивного результата приводит и к проблеме насилия. Ключевым фактором, воспроизводящим насилие, является доминирующая в спорте культура, ориентированная на результат, которая часто оправдывает его как необходимое условие успеха. Ситуацию усугубляет неспособность детей распознавать многие формы насилия (например, сверхнагрузки, наказание дополнительной физической нагрузкой) и нежелание всех участников спортивного процесса сообщать о подобных инцидентах. При авторитарном стиле управления ребенок полностью подчинен команде и тренеру, у него нет права на проявление мыслей и чувств до достижения результата (Осминкин 2025: 104), что ставит во главу угла результат, а не чувства ребенка. Таким образом, преодоление насилия в детском спорте требует не только нормативных запретов, но и системного изменения спортивной культуры, смещающего акцент с результативности на благополучие самого ребенка (Aine et al. 2022: 102). Значимая роль в подобной трансформации отводится родителям, формирующим основу для оптимизации их собственной роли в организованной спортивной деятельности своих детей (Dorsch 2015: 5). Переход от восприятия ребенка в качестве объекта к его рассмотрению как активного субъекта имеет также политический аспект, апеллирующий к правам ребенка, которые, несмотря на публичное обсуждение проблемы, во многих случаях признаются эфемерными (Подвойский 2014: 45).

Таким образом, проблема исследования основана на следующем противоречии. С одной стороны, для реализации позитивного потенциала спорта необходимо целенаправленно формировать среду, отвечающую психологическим потребностям детей, а не целям взрослых. С другой стороны, установка на достижение спортивного результата требует смещения фокуса с удовольствия и гармоничного развития ребенка от занятий на изнуряющий труд и принятие рисков и издержек от сверхнагрузок.

Основной исследовательский вопрос: каким образом и почему происходит конструирование образа спортсмена во время занятия детей спортом? Исследование также ставит вопрос о том, как образ ребенка-спортсмена соотносится с современным конвенциональным пониманием детства как периода свободы и выбора.

Детство и труд в исследовательской литературе

Детство в социальных науках и педагогической практике рассматривается как особый период жизни, когда человеку должна быть обеспечена возможность свободной игры и беззаботных удовольствий, а о ребенке нужно заботиться, огораживая его от взрослого мира и взрослого труда (Kehily 2009: 5). Тема утраченного или украденного детства остается частью современных дискурсов (Асмолов 2012: 1–2; Haring 2019: 3), а вопросы агентности и несправности продолжают занимать важное место в современных исследованиях детства (Esser et al. 2016: 14; Бесчасная 2025). При этом отмечается сильная взаимосвязь занятий детей спортом и уровнем агентности (Гошин 2024).

Детский труд нередко становится предметом исследовательского интереса в экономике, где этот феномен рассматривается с точки зрения производительности и эффективности, влияния на доходы населения и экономическое развитие страны (см., например: Грогаерт 1995; Анкер 2000). В социологии труда данная тема представлена также достаточно широко, однако самые острые дискуссии лежат в плоскости операционализации понятия детского труда. Так, конвенция ООН о правах ребенка декларирует, что детей необходимо защищать от таких форм труда, как «работа, которая лишает детей детства, потенциала и достоинства, нанося вред физическому и психическому развитию. К нему относится труд, препятствующий получению образования, являющийся опасным, эксплуататорским или не соответствующим возрасту» (Конвенция о правах ребенка 1989).

Важным этапом в изучении детского труда является комплексное исследование определения этого феномена под эгидой Международной организации труда (МОТ), вышедшее в 2009 г. (Defining child labour 2009).

В нем уделяется особенное внимание понятию «вред» и осмыслению самого факта трудовой деятельности ребенка. На основе анализа массива научных теоретических и эмпирических публикаций о детском труде автор исследования приходит к выводу, что любая работа является вредной в том смысле, что она связана с альтернативными издержками (ребенок работает, а не учится, не играет и не занимается другими полезными вещами). Автор доклада замечает также, что трудовая деятельность является вредной лишь в том случае, если совокупные потери будущего благосостояния ребенка превышают получаемые выгоды. Очевидный недостаток такой формулировки в том, что мы не можем адекватно оценить потенциальное будущее благосостояния ребенка. Более того, существующие исследования детского труда дают веские теоретические и эмпирические основания характеризовать широкий спектр видов деятельности, включая как рыночный (происходящий вне дома), так и домашний труд, поскольку все формы работы предполагают компромиссы, имеющие последствия для благосостояния.

Несмотря на хорошую теоретическую изученность, практически, по-видимому, невозможно определить детский труд столь широко, чтобы он охватывал все виды детской деятельности, включая повседневные домашние обязанности, распространенные по всему миру, столь точно, чтобы мы могли отделить помощь по хозяйству или полезную трудовую вовлеченность вне дома от вредных форм труда. Подразумеваемый в политических и законодательских дискуссиях «вред» заключается в том, что работающий ребенок — это ребенок, которому было бы лучше не работать. Однако такое определение требует знания альтернативного сценария: чем занимался бы ребенок при отсутствии работы, — а имеющиеся данные не позволяют делать по этому поводу обоснованные обобщения (*Defining child labour 2009*: 13).

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство академических статей, посвященных детскому труду в современных условиях, охватывают экономические и юридические аспекты работы несовершеннолетних в странах с низким и средним уровнем дохода, написанные на английском языке и опубликованные в рецензируемых академических журналах. В рамках данного исследования, однако, трудовая деятельность детей не сопряжена с тяжелым социальным и экономическим положением конкретных домохозяйств, происходит в условиях достаточно развитой макроэкономической картины. Иными словами, дети из данного исследования не вынуждены работать, чтобы помогать близким, а, напротив, растут в относительно ресурсных семьях в больших городах с хорошо развитой инфраструктурой.

В контексте исследования принципиально важно определить, может ли спортивная деятельность детей рассматриваться как форма труда. С юридической точки зрения ответ на этот вопрос следует искать в трудовом законодательстве, регулирующем занятость несовершеннолетних. Трудовой кодекс Российской Федерации содержит специальные нормы, регулирующие труд спортсменов в возрасте до 18 лет (ст. 348.8 ТК РФ), что формально позволяет рассматривать спортивную деятельность как особый вид трудовой занятости.

Статья 348.8 закрепляет особый режим труда несовершеннолетних спортсменов. Продолжительность ежедневной работы может устанавливаться локальными актами при соблюдении установленной законом недельной нормы рабочего времени. Привлечение к командировкам, сверхурочной, ночной работе, а также к работе в выходные и праздничные дни возможно только в случаях, предусмотренных законодательством. Во время спортивных мероприятий допускается превышение нормативов физических нагрузок, если это предусмотрено планом подготовки и не противопоказано по состоянию здоровья. Заключение трудового договора со спортсменами младше 14 лет возможно лишь с согласия родителя (или законного представителя) и органа опеки и попечительства, который определяет максимально допустимую продолжительность работы и иные условия, исключающие вред здоровью и нравственному развитию ребенка.

С позиций социологии труда и детства данные нормы позволяют интерпретировать детский спорт как институционализированную форму регулируемого детского труда. Закон фиксирует допустимые пределы физической нагрузки, продолжительности занятости и условий участия в соревнованиях, тем самым признавая спортивную деятельность несовершеннолетних как трудовую практику, требующую правовой защиты и контроля. Одновременно спортивная деятельность отличается от классических форм занятости: она направлена не на производство экономической стоимости, а на достижение спортивных результатов и символического капитала, своего рода дисциплинарную практику, направленную на формирование тела и личности.

Ключевая проблема исследований напрямую связана с определением зоны ответственности родителей, работодателей и государства в вопросе регулирования детского труда. Ученые-позитивисты говорят об универсальности прав ребенка (в том числе на труд), последователи критической социальной теории отмечают, что права ребенка вписаны в сложный культурный, геополитический и социально-экономический контекст. Консервативный взгляд постулирует зависимость детей от решений взрос-

лых, утверждая, что права идут только в комплекте с обязанностями, а значит, являются признаками взрослости (Wyness 2018: 75). К консервативной позиции относится формула «родители лучше знают, что нужно их детям». Чрезвычайная включенность родителей в спортивную карьеру ребенка приводит к тому, что родители начинают буквально «жить» успехами ребенка, формируя так называемую ловушку обратной зависимости, когда самооценка родителей зависит от успехов детей, порой весьма раннего возраста (Smoll 2001). Ранние исследователи этого феномена ввели понятия «исчезновение» (Postman 1982), или «эрозия» (Suransky 1982), детства. Последователи либеральной позиции утверждают, что возраст — это конструкт и средство дискриминации, а дети наряду с другими угнетенными группами получили агентность в 1970-х годах благодаря социальным последствиям движения за гражданские права (Wyness 2018: 66). Есть и сторонники срединной позиции, представляющие более умеренные взгляды (Abebe 2019: 4). Признавая агентность детей и их способность принимать решения, они концептуализируют агентность прежде всего как процесс, ограниченный культурными рамками (Dowling 2024: 12). Таким образом, вопрос, кто делает из ребенка сотрудника (трудящегося), является дискуссионным. Однако детский труд явно или имплицитно противопоставляется «естественному» детству, не предполагающему трудовой деятельности.

В рамках настоящего исследования спорт рассматривается как трудовая деятельность, и дается ответ на вопрос, каким образом осуществляется переход от «естественного» детства к детскому труду. При сопоставлении детского труда и занятий детским спортом мы будем ориентироваться на признаки труда у детей-спортсменов, выделенные Питером Доннели. К ним исследователь отнес сверхъюный возраст начала трудовой деятельности; продолжительный рабочий день; наличие психологического, физического и социального стресса; низкую оплату труда; рутинизацию — повторяющиеся технические задания, ограничивающие социальное и физическое развитие ребенка; а также слишком большую ответственность и осуществление деятельности в условиях страха и унижения (Donnelly 1997).

Социальный конструктивизм как теоретическая рамка

Теоретической рамкой исследования выступает социальный конструктивизм. Выбор теоретических рамок исследования обусловлен предположением авторов, что именно в результате группового взаимодействия между основными акторами, вовлеченными в детский спорт — родителями, тренерами и детьми, формируется конвенциональное отношение

к спорту как к труду, где нормы и ожидания взрослых задают новые модели детского поведения и самоидентификации. Занятия спортом в этой связи рассматриваются как социально-обусловленный процесс, в котором самоидентификация ребенка конструируется через призму спортивного результата и ответственности за него.

В традиции социального конструктивизма, восходящей к работам Льва Выготского (Vygotsky 1978) и Джерома Брунера (Bruner 1974), утверждается, что социокультурная среда играет ключевую роль в познании, которое является не индивидуальным, а социальным процессом (Light 2007: 370). Социальный конструктивизм раскрывает процесс обучения как активное конструирование смысла через социальное взаимодействие, где когнитивное развитие происходит в «зоне ближайшего развития» при поддержке преподавателя-фасилитатора (Amineh 2015: 15). Обучение в рамках социального конструктивизма — это прежде всего «сообщество учащихся», где чувство общности и социальное взаимодействие становятся ключевыми факторами социализации и развития (Azzarito 2003: 181). Когнитивное развитие ребенка происходит в процессе координации действий со сверстниками, оценка со стороны которых создает дополнительное давление (Коекоек 2013: 246), что позволяет преодолевать эгоцентризм (децентрацию) и формировать новые когнитивные структуры (Damis-Paraboschi 2005: 171). Реальность в рамках социального конструктивизма является результатом непрерывного процесса коллективного согласования смыслов через социальное взаимодействие, где границы между индивидуальным и социальным оказываются размытыми (Квита 2017: 219). В случае занятий спортом формирование когнитивных структур можно представить как результат взаимодействия ребенка-спортсмена со структурой среды (нормы, правила, ожидания тренера), а четкость и последовательность этой структуры и накопленные через опыт адаптивные навыки определяют траекторию спортивной карьеры (Flaherty 2021: 10). Синтез социально-конструктивистских теорий обучения с элементами социологической теории рассматривается как перспектива для исследования обучения в спорте и физическом воспитании (Light 2011: 380).

В отечественных исследованиях применение социального конструктивизма нельзя отнести к мейнстримной методологии. В то же время считается, что эпистемология конструктивизма выполняет критическую и рефлексивную функцию в социальных науках, способствуя среди прочего преодолению наивного реализма, утверждению ценностей демократизации, уважения к культурному разнообразию и свободы самоопределения (Улановский 2009: 44–45). Социальный конструктивизм сохраняет

эвристическую ценность для философии и социологии науки в том числе как инструмент анализа влияния социальных факторов на научное сообщество (Кабанов 2021: 8). Социальный конструктивизм применяется и в дидактике, где подчеркивается роль педагога для развития у обучающихся метакогнитивных навыков (Петрова 2017: 4). Подход относят к одной из основных теоретических основ педагогического образования в спорте, рассматривающего формирование знаний как результат социального взаимодействия и совместного смыслов творчества тренера и спортсмена (Хаитов 2024: 890).

Художественная гимнастика как исследовательский кейс

Художественная гимнастика как самостоятельная дисциплина сформировалась в Ленинграде в 1920–1930-е годы на базе студий и авангардных школ движения. В 1932 г. она была признана академической дисциплиной с открытием доцентуры художественного движения в Институте физкультуры им. П.Ф. Лесгафта, позднее преобразованной в кафедру гимнастики. Эта кафедра стала ведущим центром методической и научной работы, определяя международные стандарты в дисциплине. Интерес к новому «женственному» виду спорта быстро вышел за пределы Советского Союза и стран восточного блока: первые официальные международные соревнования по художественной гимнастике прошли в 1963 г. в Будапеште (Виннер 2017). Решающим для художественной гимнастики стал 1980 год: после московской Олимпиады этот вид спорта был включен в олимпийскую программу решением МОК.

Согласно данным Всероссийской федерации художественной гимнастики, сегодня художественная гимнастика развивается в большинстве регионов Российской Федерации, особенно активно в Центральном, Южном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах. Общее число занимающихся превышает 84 000 спортсменок, что делает художественную гимнастику самым массовым женским видом спорта в стране. В возрастной категории до пяти лет зарегистрировано 5,7 тыс. занимающихся, больше, чем в любом другом виде спорта.

По числу спортсменов, удостоенных звания мастера спорта, художественная гимнастика также занимает первое место — 7812 человек. Это более чем на 2000 человек больше, чем в спортивной борьбе, и на 3000 — чем в самбо (двух следующих дисциплин в списке видов по количеству мастеров спорта). По этим показателям художественная гимнастика опережает не только другие популярные «женственные» виды спорта (например, фигурное катание), но и универсальные дисциплины, такие как плавание (Художественная гимнастика в цифрах).

Количество детей, вовлеченных в художественную гимнастку, говорит о том, что в современной России значительная часть семей, в которых растут девочки, в какой-то мере сталкивается с данным видом спорта, поэтому отдельное исследование художественной гимнастики через оптику социологии детства и детской агентности кажется особенно актуальным.

Степень изученности художественной гимнастики, однако, не в полной мере отражает ее очевидную популярность среди российских семей: в центре внимания российских и международных исследователей — выявление физиологических и антропометрических предикторов успешности в данном виде. Исследуются антропометрические характеристики, аэробная мощность, гибкость и взрывная сила, психологические факторы успешности на выступлениях. Результаты подобных исследований могут иметь практическое значение для планирования тренировочного процесса и отбора талантливых спортсменок в художественной гимнастике. Также сугубо прикладной характер носят исследования судейства и специфики присвоения квалификационных разрядов (см., например: Douda 2008, Miletić 2004, Kioumourtzoglou 1997). Интерес для данной статьи представляют эмпирические исследования, изучающие воздействие интенсивных и длительных тренировок в раннем возрасте на рост, физическое развитие и половое созревание девочек. Как показывают исследования, интенсивные тренировки в художественной гимнастике приводят к задержке скелетного и полового созревания у элитных спортсменок, однако не оказывают негативного влияния на их окончательный рост во взрослом возрасте (Georgoroulos 1999).

Относительно небольшой пласт работ исследует социальные, политические и гендерные аспекты художественной гимнастики. В рамках данного исследования релевантными кажутся статьи о профессиональных и личных траекториях бывших элитных гимнасток. Так, в итальянской статье 2017 г. авторы выделяют три основных нарратива: «запутанный» нарратив описывает человека с моноидентичной спортивной идентичностью. После ухода из гимнастики такие спортсменки испытывают трудности с адаптацией, ухудшение психологического состояния и желание вернуться к прежней спортивной роли. «Нарратив движения вперед» характеризует бывших гимнасток, которые смогли развить множественные идентичности в период своей спортивной карьеры и успешно реализуют себя в жизни после завершения спорта. Третий «нарратив осмысления» является формирующимся нарративом, который выходит за рамки двух предыдущих (Cavallerio 2017).

Выбор художественной гимнастики в качестве исследовательского кейса обусловлен тем, что в данном виде спорта наблюдается экстремально

ранняя специализация, что делает возможным выход на пик карьеры в возрасте, который в других сферах жизни (и даже во многих видах спорта) считается исключительно детским. При этом программы подготовки юных гимнасток предполагают изнурительные и интенсивные тренировки, что на фоне незавершенного физиологического развития ребенка повышает вероятность получения серьезных травм и завершения карьеры в детском возрасте. Выбранный вид спорта позволяет изучить систему взаимоотношений ребенка и взрослых, где ребенок одновременно выступает и объектом для инвестиций, и субъектом больших нагрузок.

Дизайн эмпирической части исследования

Исследование опирается на полуструктурированные интервью с двумя ключевыми акторами детского спорта: тренерами, непосредственно организующими тренировочный процесс, и родителями, чья повседневная жизнь тесно встроена в спортивный режим ребенка. Такой дизайн позволяет совместить «взгляд изнутри» профессионального поля (тренеры, многие из которых сами прошли путь спортсмена) и «домашний» взгляд родителей, принимающих ключевые решения о вовлечении детей в спорт и поддерживающих тренировки организационно и эмоционально. Блоки вопросов в интервью отражали теоретические подходы к детскому труду, правам ребенка, детской агентности и спортивной идентичности.

Гайд интервью включал блоки вопросов о собственном спортивном пути (для тренеров и родителей — бывших спортсменок); мотивах вовлечения детей в художественную гимнастику; представлениях о «ребенке-спортсмене» и отличиях от «обычных» детей; режиме тренировок, совмещении спорта и школы; распределении ответственности между тренерами, родителями, ребенком и спортивными администрациями; допустимых и недопустимых педагогических практиках (строгость, наказания, крики, унижение); понимании «результата» и допустимых жертв ради него; планах спортивного будущего и представлениях о «выходе» из спорта.

Отбор респондентов осуществлялся с помощью целенаправленной критериальной выборки, что обусловлено спецификой исследовательского вопроса. Часть респондентов была привлечена по методу «снежного кома», что вызвано закрытым характером тренерских и родительских сообществ, а также сенситивным характером отдельных аспектов темы исследования, связанных, например, с целенаправленным применением насилия в отношении ребенка.

Общий критерий отбора респондентов — аффилиация ребенка с ведущей спортивной организацией, для которой достижение спортивного

результата является важным показателем профессионального успеха и ключевой составляющей собственного позиционирования на рынке. Это неизбежно означает большое количество регулярных тренировок, наличие подготовительных сборов и участие в соревнованиях. Подобная экосистема требует от ребенка высокой степени вовлеченности, отражая тем самым отношение к детскому спорту как к серьезной, каждодневной деятельности, требующей значительных временных, организационных и физических ресурсов. При этом тип собственности и структурное устройство организации значения не имели. Интервью были проведены осенью 2025 г.

Критерием отбора тренеров являлся продолжительный опыт работы с детьми в возрасте от трех до 14 лет в ведущей спортивной организации, расположенной в Москве (либо в районах Московской области, непосредственно граничащих с Москвой и известных своими центрами подготовки гимнасток) и Санкт-Петербурге. Следует отметить, что Москва и Санкт-Петербург являются главными кадровыми донорами высококвалифицированных гимнасток для российского спорта (Художественная гимнастика в цифрах). Наличие высокого спортивного результата во время собственной спортивной карьеры не было критерием отбора респондентов. Однако практически все тренеры достигали высокого спортивного результата, в том числе имели опыт выступления на крупнейших профессиональных спортивных форумах (чемпионатах мира и Европы), что повышает гомогенность выборки.

Критериями отбора родителей стала их высокая вовлеченность в занятия ребенка, которая проявлялась в инвестировании значительных временных и финансовых ресурсов. Под временными ресурсами в первую очередь понимается время, затрачиваемое на регулярное сопровождение ребенка на тренировки, сборы и соревнования (в том числе международные), участие в подборе костюмов (купальников) для тренировок и выступлений, а также привлечение сопутствующих специалистов (массажистов, портных, врачей и т.д.). Под финансовыми ресурсами мы понимаем затраты, обеспечивающие занятия ребенка, в том числе оплата обучения, сборов, соревновательных взносов, найм сопутствующих специалистов, а также издержки, связанные с сопровождением ребенка на выездных сборах и соревнованиях. Высокая вовлеченность родителей-респондентов определяет их видение спорта как «правильной» формы занятости ребенка, дисциплинирующую и защищающую от «праздного» или «опасного» (например, «влияние улицы») досуга.

Высокий доход домохозяйств также не являлся критерием отбора респондентов. Однако во многом благодаря методу «снежного кома»

выборка оказалась гомогенной с точки зрения социально-экономического статуса респондентов-родителей. Их всех можно отнести к высокодоходным категориям населения Москвы, способным вкладывать значительные временные и финансовые ресурсы в занятия спортом без снижения качества и уровня жизни. Подобная гомогенность выборки, с одной стороны, позволяет обосновать ее насыщенный характер при малом объеме, с другой стороны, накладывает ограничения на экстраполирование выводов исследования, так как высокообеспеченные семьи наших респондентов имеют несоразмерно больший доступ как к социальному, так и к экономическому капиталу.

Всего в исследовании приняли участие восемь тренеров и семь родителей. Выбранное количество респондентов обеспечило достижение информационной насыщенности, когда новые интервью перестали приносить ранее не выявленные смыслы или категории. Таким образом, объем выборки был определен критерием теоретической достаточности, а не статистической репрезентативности. Глубина интервью и согласованность ключевых мотивов в высказываниях тренеров и родителей позволяют использовать этот материал как эмпирическую базу для анализа того, как в современной России в художественной гимнастике конструируется фигура ребенка-спортсмена и каким образом спорт одновременно нормализует элемент детского труда и легитимизируется как желательная форма детства.

Анализ интервью проводился на основе индуктивного тематического анализа и теоретически информированного кодирования. Кодлируемые смысловые единицы, во-первых, отражали способы говорения о спорте как «труде» и «работе», характеристиках спорта как «труда» и «работы» (количество, продолжительность и интенсивность тренировок), представление о ребенке-спортсмене («дисциплинированный», «особенный», «необычный», «взрослый»). Во-вторых, апеллировали к роли тренеров и родителей в мотивировании ребенка (понимание «результата» и «успеха»), их отношении к строгим и насильственным практикам и реакции на усталость ребенка, слезы и потерю мотивации. Отдельно выделены смыслы, отражающие формирование «одномерной» спортивной идентичности («живем залом», «другой жизни нет») и/или признаки выгорания.

Кодлируемые смысловые единицы были распределены по тематическим блокам. Один из блоков раскрывал суть спорта как детского труда через экстремально юный возраст начала занятий, длинный «рабочий» день, отсутствие оплаты труда, издержки для ребенка и родителей, в том числе связанные с обучением в общеобразовательной школе («двойная нагрузка», спецклассы, пропуски уроков, школьная «терпимость» к спортсменам).

Другой блок отражал «игры власти» — роль тренеров и родителей в воспитании ребенка-спортсмена, обеспечении дисциплины, определении степени строгости и границ допустимого давления на ребенка и представлений о будущем (спортивный результат, тренерская карьера). Третий блок был связан с противопоставлением детства и занятий спортом, куда вошли смыслы, отражающие детскость и ее «эрозию» спортом, в том числе за счет выгорания и формирования «однобокой» безальтернативной спортивной идентичности (отсутствие места для «игры» и праздности). Выделенные тематические блоки сопоставлялись с теоретическими концептами — критериями детского труда по Питеру Доннели, концепцией «одномерной идентичности» Джея Коаклея, детской агентности (Татек Абебе, Фиона Доулинг) для более строго противопоставления гуманистической модели детства и детского труда и для поиска расхождений и совпадений между сказанным тренерами и родителями.

Сопоставление смыслов, транслируемых тренерами и родителями, позволяет рассматривать ребенка-спортсмена как «совместный продукт» разных акторов, осуществляющих деятельность в общем поле спорта, но транслирующих разные смыслы.

Ограничения выбранного дизайна исследования связаны прежде всего с типом выборки, гендерной однобокостью (все респонденты — женщины, юные спортсменки — девочки) и фокусом на художественной гимнастике как одном из самых ранне-специализирующихся и требовательных видов спорта, что делает любые обобщения на «детский спорт в целом» ограниченными.

Анализ интервью: «Спорт — это только труд»

Респонденты последовательно называют гимнастику «работой», «труднейшим видом спорта», по сути, отождествляя спорт и труд:

Спорт — это только труд (тренер, частный спортивный клуб).

Сейчас гимнастика — это скорее всего труд... когда ты уже ходишь до определенного возраста, ты уже понимаешь, что ходишь не три раза в неделю, а шесть раз, тренируешься по три-четыре часа, то и больше... это муторная такая работа... не каждый выдержит (тренер, государственная спортивная школа).

Респонденты подтверждают практически все обозначенные Доннели характеристики детского спорта как труда. Так, возраст входа в спорт сверхранний и нередко составляет 3–5 лет: «Сейчас рано в гимнастику приводят — с трех лет» (тренер, частный коммерческий центр).

Практики тренировочного процесса вполне соответствуют длинному рабочему дню: тренеры и родители сходятся в том, что уже к девяти годам стандартом становится 4–5 часов тренировок в день 5–6 раз в неделю, после полноценного школьного дня.

Стандартное — это 4,5 часа в день... С 4 до полдевятого они потренировались... по сути, у них только один выходной — воскресенье (тренер, государственная спортивная школа).

...6 раз в неделю по 4–5 часов, это 30 часов. Конечно, это высокая нагрузка. Но мы про профессиональный спорт говорим... Многие занимаются по 8 часов в день этом возрасте (родитель 6).

На вопрос интервьюера, почему они не тренируются по 8 часов, следует короткий ответ: «...потому что в школу ходим, для этого надо быть на домашнем обучении» (родитель 2).

Респонденты отмечают, что школа для ребенка-спортсмена часто перестает быть основным пространством социализации, общения и детского досуга. Роль школы редуцируется до функционального института, обеспечивающего формальное образование, тогда как основные социальные связи переносятся в спортивный зал:

В школе отучился — тренировка. Все в столовую идут, а ты бежишь, бросил портфель, взял сумку — и побежал (тренер, государственная спортивная школа).

...у них лучшие подружки не в школе, а лучшие подружки на гимнастике (тренер, частный спортивный клуб).

И тренеры, и родители хорошо осознают жертвенный характер такого режима. Одна из тренеров прямо перечисляет цену такого графика:

...ты не можешь во время тренировки сделать день рождения ребенку. Какие-то экскурсии с классом тоже. Это всё уходит на второй план. Кружки какие-то тоже, если уже профессиональным говорить. А потому что художественная гимнастика достаточно такой сложный вид спорта, очень сложный, требует очень большого времени для тренировок (тренер, государственная спортивная школа).

Родители подтверждают, что у ребенка-спортсмена «нет времени на ерунду»: «Когда мои одноклассники гуляли, с бутылочками пили, курили, у меня просто на это не было времени... Я была абсолютно сосредоточена и жила в режиме» (родитель 1, о собственном опыте). В отношении детей звучит аналогичная формулировка: «Это видно... у них не было времени на ерунду» (родитель 2).

Финансовая нагрузка в значительной степени ложится на семью, а сами дети не получают прямой экономической компенсации своего труда.

В терминах Доннели родители оказываются одновременно и первоначальными «кадровыми агентами», и постоянными «сопроизводителями» этого труда: они выбирают вид спорта, обеспечивают инфраструктуру, вкладывают деньги и время, а заодно разделяют с ребенком риски и ответственность:

...в 3 года мы начали заниматься, сейчас вот 9 лет. Место занимает очень много... это тренировки каждый день. Без воскресенья, то есть шесть раз в неделю, по 4–5 часов. Соответственно, это и время, и энергия, и финансы, и энергия не только ребенка, но и родителей, потому что это всё нужно обслуживать, там увозить-привозить, соревнования, сборы — целая жизнь (родитель 2).

Рабочий день ребенка здесь сразу подчиняет режим всей семьи: спортивная карьера ребенка реорганизует семейное время, каникулы, отпуска и повседневный быт. Спорт, таким образом, оказывается особой формой нормализованного детского труда, не противоречащей представлениям о «правильном детстве». Более того, спортивная деятельность становится важным механизмом социальной стратификации, престижного потребления и символического капитала семьи.

Анализ интервью: «игры власти» взрослых и детский спорт

Практически всегда инициаторами входа ребенка в спорт являются родители: «В большинстве случаев это родители» (тренер, частный спортивный клуб); «Родители приводят. В 4–5 лет самому захотеть — вряд ли» (тренер, государственная спортивная школа).

Как отмечают тренеры, родители приводят детей в гимнастику, ориентируясь на такие категории, как «статус» и «престиж».

Часто слышу [от родителей]: чтобы фигура была красивая, осанка, девочка-гимнастка — это престиж (тренер, частный спортивный клуб).

И я думаю, что они прежде всего именно на это клюют, что красиво, девчонки так развиваются. Опять же, это такой вид спорта, где подразумевают участие в соревнованиях, что это престижно (тренер, коммерческий клуб).

Родители действительно в основном говорят о «красоте» и «грации», но при этом фактически нормализуют 25–30 часов тренировок в неделю

и целеполагание в виде высокого спортивного результата как «минимально оправданного» результата. При этом у родителей отчетливо проявляется логика спорта как инвестиции. Многолетний труд ребенка должен конвертироваться как минимум в формализованный спортивный статус.

Минимум, который хотя бы должен быть, чтобы было не жалко потраченного времени, — это хотя бы получить какие-то разряды... хотя бы КМС или мастера спорта. Чтобы была возможность в дальнейшем применить это куда-то, иметь какой-то кусок хлеба... минимально трудоустроиться куда-то, тем же тренером (родитель 1).

В этом смысле, как метко формулирует одна из тренеров, «каждый ребёнок — это в какой-то степени, мне кажется, бизнес-проект» (тренер, государственная спортивная школа).

С этим связаны и ожидания результатов, и эмоциональная зависимость от спортивных успехов ребенка: «Они платят деньги — они хотят результат здесь и сейчас» (тренер, коммерческий клуб).

Логика спорта как инвестиции формирует особую модель вовлеченности родителей, в рамках которой они играют роли заказчиков, инвесторов, болельщиков, администраторов и контролеров. В интервью с тренерами прослеживается мысль, что подобная вовлеченность родителей объясняет их стремление определять содержание и интенсивность тренировочного процесса. При этом тренеры подчеркивают, что родители практически всегда считают интенсивность тренировок недостаточной. Родители, по словам тренеров, также пытаются и определить удовлетворительный спортивный результат, который, как правило, выше, чем имеющийся у их детей. Подобные стремления не находят поддержки у тренеров, которые категорично заявляют, что именно тренер, а не родители должен в полной мере определять все характеристики тренировочного процесса, в том числе ожидаемый спортивный результат:

Если вы не доверяете мне, забирайте вещи, забирайте документы, ищите другого тренера (тренер 2, государственная спортивная школа).

Родители вообще не могут лезть в данную сферу. Если ты привел ребенка тренироваться, то будь добр доверять тренеру (тренер, частный спортивный клуб).

Мы — бригада тренеров — это [достойный результат] определяем (тренер, государственная спортивная школа).

Профессиональная социализация самих тренеров почти всегда связана с их собственным опытом интенсивного спортивного детства, что

формирует особый нормативный взгляд на нагрузку, боль, дисциплину и усталость как «обычное дело»:

Не знаю, мне всегда казалось, что как-то обычно. Пришла на тренировку, ничего такого нет. Нагрузка как нагрузка (тренер, частный спортивный клуб).

Это люди, которые живут только своим миром. У них нет выходящих (тренер, коммерческий клуб).

Тренер в этой связи выступает не только как педагог, но и как носитель трудовой спортивной морали, в рамках которой труд, дисциплина и преодоление воспринимаются как базовые ценности детства. При этом тренеры не склонны однозначно трактовать спорт как эксплуатацию. Чаще он описывается как смешанный режим труда и коллективного досуга:

...они не могут без этого коллектива находиться. Ну и труд бесконечный, да, потому что, опять же, в этом возрасте, когда тело уже такое почти взрослое, это всё-таки не в 7 лет, когда его легко размять, там что-то болит уже, какая-то травма накладывается... (тренер, коммерческий клуб).

В интервью тренеры прямо указывают на этот опыт как на ключевой источник их нынешних представлений о «нормальности» нагрузки и дисциплинарных практик: «...как правило, дети, которые доходят до более высоких результатов... потом говорят: теперь мы понимаем, почему вы на нас кричали» (тренер, государственная спортивная школа).

Ответы респондентов воспроизводят логику срединных позиций в вопросе агентности ребенка, позволяя рассматривать ее как процесс, формирующийся в рамках культурных и институциональных ограничений. Интервью с тренерами показывают, что субъективно дети нередко воспринимаются как активные участники спортивного процесса, особенно по мере взросления: «В осознанном возрасте это уже ты сам хочешь чего-то добиться, и поэтому ты уже сюда приходишь» (тренер, частный спортивный клуб).

В то же время сама структура занятий спортом (дисциплина, подчинение, иерархия и ранняя специализация) вынуждает ребенка встраиваться в режим послушания, где выбор возможен лишь внутри уже заданных рамок. Тренеры часто описывают спортсменов младшего и среднего возраста не как полностью автономных субъектов, а как тех, кому еще необходимо «дойти головой»:

Моя задача, чтобы они сами головой работали... Может быть, мы чуть-чуть от кого-то отстаем [по спортивному результату],

но зато будет работать голова в долгосрочной перспективе (тренер, частный спортивный клуб).

Агентность ребенка оказывается отложенной: она предполагается как будущий результат правильной спортивной социализации, а не как исходная данность.

На фоне признания большой нагрузки тренеры довольно четко артикулируют, что «без усилий» результата быть не может. В ответ на вопрос о допустимости давления одна из респонденток формулирует это предельно прямолинейно:

Я была в сборной и знаю всё, и не бывает результата без повышения голоса. Потому что всё равно ребенка надо заставлять, потому что не всегда тебе хочется, настроение и так далее (тренер, частный коммерческий центр).

Другая респондентка признает, что «ежовые рукавицы» — регулярная практика: «...жестко... ни сквернословия, ни рукоприкладства, потому что мы это не используем. Но именно жесткость, повышение голоса, это у нас на постоянной основе, к сожалению» (тренер, государственная спорт школа).

Именно в этом пространстве возникает вопрос о границах допустимой строгости и насилия. Родители не отвергают жесткость как таковую, но проводят свою «красную линию». Одна из матерей, описывая конфликты между родителями и молодыми тренерами, подчеркивает:

Молодые тренеры... часто проявляют какую-то агрессию... у них еще нет материнского инстинкта... и получается, что они рассуждают с колокольни двадцатилетнего возраста... проявляют какую-то жесткость... Ну, они могут сказать «ты жирная», девочке, ну, допустим... Они не всегда могут проконтролировать свои слова. Обижаются девочки, естественно... такие моменты бывают (родитель 3).

Для данной информантки границы допустимого четко очерчены — это мат, прямые оскорбления и физическое воздействие: «...какие-то слова грубые — это уже неприемлемо... естественно, мат... “пихайки-толкайки”... откровенная грубость» (родитель 3).

Всё остальное — повышенный тон, жесткие требования, стыжение за «леность» — остается в зоне нормального инструментария тренера.

Сами тренеры описывают спектр дисциплинарных практик, в который входят выговоры, «вывод» за ковер, дополнительные нагрузки и прогоны. Тренер из частной школы говорит о наказаниях как о привычной части дисциплинарного репертуара:

Если они не соблюдают, они за это получают. То есть им всё понятно, за что и почему... Выговоры, ругаем их, дополнительные физические нагрузки... если мы видим, что она ленится, мы говорим: либо ты работаешь, либо ты выполняешь прыжки... У каждого ребёнка есть свои слабые места, и вот в эти слабые места мы стараемся их ткнуть (тренер, частный спортивный клуб).

Другой тренер подробно описывает практику наказания стоянием «на обочине ковра» и специальными упражнениями: «...если ребенок не готов работать дальше, они всю тренировку стоят на обочине ковра»:

У нас «рыбка», у нас удержание рук и ног в течение, допустим, 5 минут, это сложное задание... они его катастрофически не любят, и оно, конечно, под страхом этого задания немного исправляют... либо дополнительные прогоны (тренер, частный коммерческий центр).

Отдельные коммерческие клубы, сохраняя сопоставимый объем тренировочной нагрузки, пытаются реагировать на эмоциональные последствия такой дисциплинарной среды через введение дополнительных специалистов. Одна из респонденток рассказывает о появлении штатного психолога:

...такая необходимость, потому что сейчас много детей, которые очень сильно расстраиваются, когда у них что-то не получается. Ты пытаешься им это объяснить, но как будто человек со стороны, прорабатывая все с ними, и правда помогает (тренер, частный спортивный клуб).

Это хорошо вписывается в наблюдения Коакля о выгорании и эмоциональном истощении детей, чья самооценка строится вокруг узкой спортивной роли.

Таким образом, вокруг ребенка выстраивается конфигурация взаимных ожиданий, в которой выбор ребенка опосредуется интересами взрослых. При этом «игра власти» между тренерами и родителями не препятствует формированию единого вектора, направленного на увеличение нагрузки и интенсификацию детского труда, что способствует формированию «однобокой» спортивной идентичности в терминах Коакля.

Анализ интервью: конструируя «особого» ребенка

В ответах всех респондентов спортивная идентичность выступает как доминирующая и нормативная, не предполагающая равноправного сосуществования с другими детскими ролями — учеником, другом, участ-

ником внешкольных активностей: «Мы могли перед соревнованиями неделю-две не ходить в школу вообще и готовиться, потом приезжали и досдавали» (тренер, коммерческий клуб).

Родители прямо говорят, что семья «пляшет» под тренировочный график: «...у нас... тренировки... Это может быть и 8 утра, может быть 4 вечера... остаётся только воскресенье... И вся семья как бы на самом деле подстраивается под жизнь спортсмена» (родитель 3). Именно поэтому, как подчеркивает другая информантка, прежде чем отдавать ребенка в профессиональный спорт, «надо подумать, нужно ли это, потому что это затягивает, и если нет организационных возможностей, финансовых, то это, конечно, ну, это нереально» (родитель 5).

Более того, сама система поощрений и признания выстраивается исключительно вокруг спортивных достижений. Один из тренеров описывает, насколько значимой была для него даже минимальная похвала в детстве: «Если тренер похвалил — это было за гранью чего-то нереального. Это было страшно ценно» (тренер, государственная спортивная школа).

В ответах респондентов проявляется важная моральная иерархия времени: свободное детское время описывается как «ерунда» или «чепуха», от которой спорт защищает.

Сразу видно детей, которые вот ничем не занимаются. Вот они на продленке там общаются, ну, вот у них много времени на себя. У них волосы там розовые, фиолетовые, голубые. У них есть время, там, уши какие-то себе прилепляют, как у эльфов... (родитель 6).

В этой оптике интенсивная спортивная занятость становится не просто альтернативой гаджетам или «улице», а морально предпочтительной формой детского труда — структурированной, контролируемой, ориентированной на результат и поддерживаемой взрослыми. При этом различие между «игрой» и «работой» закрепляется уже в раннем возрасте, что позволяет осуществить перевод детской телесности в режим производительной нагрузки, которая воспринимается как нормальная и необходимая для будущего успеха: «Это [занятия гимнастикой] труд. Игра — это для детей. Игра — это вот дети от 3 до 5–6 лет» (тренер, частный спортивный клуб).

И тренеры, и родители едины во мнении, что ребенок-спортсмен — «особый» ребенок, имеющий превосходство над детьми, не занимающимся спортом серьезно:

...[ребенок-спортсмен] — это трудолюбивый и дисциплинированный человек (тренер 6, частный спортивный клуб).

Это не обычный ребенок, они другие. Они более осознанные, более собранные, концентрированные (тренер, государственная спортивная школа).

...ребенок-спортсмен — это, ребенок, по сути, уже такой взрослый человек отчасти, у которого много ответственности (тренер, государственная спортивная школа).

Одна из респонденток вспоминает школьный опыт так: «Я чувствовала себя как самая худенькая, самая, наверное, красивая в классе. Это подтверждали все окружающие» (тренер, государственная спортивная школа).

Мать спортсменки говорит о «силе духа» девочек 12–13 лет, которой она сама поражается: «Они очень, во-первых, целеустремленные, собранные, очень сильные. Я даже поражаюсь иногда, думаю, господа, ей лет-то 12, а в ней столько силы» (родитель 4).

Одновременно с риторикой трудолюбия в интервью регулярно звучит мотив, что спорт «дополняет» детство, а не отменяет его, но речь идет прежде всего о специфических формах социализации в группе («лучшие подружки не в школе, а на гимнастике», совместные походы в кино, лагерь и сборы), которые встроены в тот же самый рабоче-тренировочный режим.

Важная часть этой «особости» — эстетический и символический капитал, который производит художественная гимнастика. Интервью с родителями и воспоминания тренеров о том, как они влюбились в гимнастику, демонстрируют, насколько сильно гимнастика воспринимается как «красивый» вид спорта с театрализованным компонентом:

Конкретно, если говорить про вот этот вид спорта, во-первых, это красиво... у тебя свой образ, у тебя свой костюм, мы рисуем эскизы, подбираем образ... это какая-то такая, наверное, даже немножко театральная игра... у тебя всё время новый образ, разная музыка, изменяются программы. Это интересно (родитель 2).

Подобная эстетизация труда ребенка частично маскирует его «рабочую» сторону (в терминах Доннели): за зрелищностью выступлений и «красивыми купальниками» скрывается однообразие ежедневных тренировок, повторяемость элементов и длительные часы работы в зале. Именно родители активно участвуют в производстве этого эстетизированного продукта — выбирают школу «по отзывам» и инфраструктуре («высокие потолки», «чистые ковры»), оплачивают костюмы, сборы, индивидуальные занятия, договариваются с «сильными» тренерами

о дополнительных тренировках, включая онлайн-форматы, если тренер переехала в другую страну.

Примечательно, что на вопрос, кто делает из ребенка спортсмена, респонденты отвечают по-разному. Тренеры, как правило, подчеркивают свою ведущую роль:

Тренер поставил цель, тренер тебя заявил на эти соревнования. И поэтому это уже совместная работа тренера и ребёнка. А родители — это помощник ребёнка, он приводит его, забирает, купальники покупает, предметы покупает и всё остальное (тренер, частный спортивный клуб).

Родители же нередко описывают себя как стратегических акторов, способных управлять траекторией и «усиливать» ребенка через выбор и смену тренеров. Одна из матерей рассказывает:

У меня, как у родителя, возникли мысли, что я вижу, что она может получше, но не хватает, наверное, опыта у тренера. И у нас сложилось тогда, что наша ушла, и нас перевели к кому мы хотели. Таким путём мы продвинулись по своей карьере. Потом ушла сильная тренер, уехала в другую страну, и мы сейчас организуем онлайн-тренировки... понимать как родителю нужно от каждого тренера что-то брать, то, что усилит твоего ребенка (родитель 7).

В целом анализ интервью показывает, что понимание спорта как труда поощряется (но не всегда признается) и тренерами, и родителями и приводит к восприятию ребенка-спортсмена как ребенка с особым статусом, обладающим преимуществом по отношению к детям, не занимающимся спортом.

Результаты и выводы

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что переход от «ребенка, которому нравится заниматься» к «ребенку-спортсмену» — это не линейный индивидуальный процесс, а результат взаимодействия тренеров и родителей, где каждому из акторов отведены особые роли. В логике детского спорта и родители, и тренеры выступают ключевыми акторами, которые задают рамки того, что именно считается «нормальной» детской занятостью и чем отличается ребенок-спортсмен от «обычного» ребенка.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что тренеры, родители и дети взаимодействуют в единой экосистеме сложной конфигурации. Родители поощряют серьезный характер занятий и привлекают

ресурсы, тренеры задают режим труда и формируют при поддержке родителей образ «нормального» ребенка-спортсмена, а дети осваивают эту норму как собственную идентичность. Детская агентность здесь проявляется как процессуальная и контекстуально ограниченная: ребенок делает выбор внутри уже заданного взрослыми поля — поля «красивого труда», высокой нагрузки, символического капитала и перспективы будущей спортивной карьеры. В терминах либеральной и срединной традиций исследований детской агентности спорт здесь выступает одновременно и как поле удовольствия и самовыражения, и как ресурс будущей мобильности.

Самооценка и ощущение собственной значимости оказываются почти полностью привязанными к фигуре тренера и к результату. Именно таким образом выстраивается логика «одномерной» идентичности, которую описывает Коаклей: значимыми оказываются прежде всего спортивные достижения и связанные с ними практики, а все остальные сферы (школа, свободное время, разнообразные хобби) подстраиваются под спорт. Это соответствует наблюдениям Коаклея и выводам Каваллерио о том, что одномерная идентичность усиливает уязвимость детей к выгоранию, особенно в подростковом возрасте, когда тело меняется, конкуренция возрастает, а результаты становятся нестабильными.

Исследование процесса конструирования образа ребенка-спортсмена выявляет очевидный парадокс: массовое признание права ребенка на свободу, игру и «детскость» сочетается с одновременным ростом трудовой социализации детей через профессиональный спорт. Формирование ребенка-спортсмена как мотивированного и дисциплинированного «труженика» представляет собой целенаправленный социальный процесс, регулируемый взрослыми агентами, прежде всего родителями и тренерами, посредством системы специфических требований, норм и ценностей, ориентированных на достижение спортивного результата.

Если мотивация тренеров в данном процессе интуитивно понятна, так как спортивный результат прямо говорит об их профессионализме, то мотивацию родителей не представляется возможным интерпретировать однозначно. Исследование показало, что даже в семьях с высоким социально-экономическим статусом, где ребенку могут относительно легко обеспечить и беззаботное детство, и обеспеченную взрослую жизнь, родители выступают в роли актора, разрушающего конвенциональное представление о детстве, и стимулируют ребенка на изнурительные занятия спортом. Занятия гимнастикой со стороны родителей

можно рассматривать как практику, способствующую формированию стратегической агентности детей, где тяжелый изнуряющий труд является частью стратегии, готовящей ребенка ко взрослой жизни. Однако данная интерпретация входит в противоречие с широко распространенной практикой, когда дети вынужденно бросают занятия гимнастикой вследствие тяжелых физических травм и психологического выгорания. Наши респонденты-тренеры в интервью утверждали, что родителям с самых первых лет занятий ребенка объясняется, что гимнастика в России — это гиперконкурентная среда, где достижение спортивного успеха является сверхзадачей, а сама гимнастика — крайне травмоопасный вид спорта. Однако, как уже отмечалось, родители очень часто видят причины неудовлетворительного спортивного результата в недостаточных усилиях, прикладываемых для его достижения. И, по словам тренеров, призывают и к увеличению нагрузки, и к повышению уровня дисциплины.

Вместе с тем в основе интерпретации данного процесса лежит конструирование особой идентичности, наделяющей ребенка-спортсмена привилегированным статусом. Этот статус, в свою очередь, позволяет родителям повысить свой символический капитал и социальный статус, создавая нарратив о собственной роли как успешных организаторов спортивной карьеры. В семьях с высоким социально-экономическим статусом, где обеспеченность ребенка всем необходимым воспринимается как само собой разумеющееся, спортивные успехи ребенка могут демонстрироваться как еще один аспект успеха, который нельзя просто приобрести за деньги или благодаря связям.

Как следствие легитимируется трансформация спортивных занятий в социально одобряемую форму детского труда. Сконструированный образ ребенка-спортсмена не вписывается в конвенциональные представления о детстве как периоде свободы, спонтанности и беззаботности, формируя, по сути, альтернативный режим детства. В рамках этого режима жесткая дисциплина, принуждение к систематическому труду и подчинение внешним целям становятся нормативными и воспринимаются как естественные.

Тем самым исследование ставит под сомнение универсальность доминирующих представлений о детстве и демонстрирует, каким образом под воздействием конкретных социальных институтов формируются различные институционально легитимные, но радикально отличающиеся версии детства. В этом контексте на первый план выходит необходимость сохранения и усиления позитивных аспектов спорта, таких как empowerment (наделение субъектной силой), физическое развитие и укрепление

здоровья, в противовес рискам травматизации, формирования одномерной идентичности и тотальной зависимости ребенка от амбиций, ожиданий и властных стратегий значимых взрослых.

В результате становится очевидным, что для максимизации позитивного воздействия спорта на детей взрослым, вовлеченным в построение спортивной карьеры ребенка, необходимо в первую очередь ориентироваться на его собственную мотивацию, потребности и субъективный опыт, а не исключительно на достижение внешне заданных результатов.

Литература / References

Асмолов А.Г. (2012) Детство ради детства. *Образовательная политика*, 4(60): 2–4.

Asmolov A.G. (2012) Childhood for the sake of childhood. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 4(60): 2–4 (in Russian).

Бесчасная А.А. (2025) Детский труд: междисциплинарный дискурс и практика. *Журнал исследований социальной политики*, 23(1): 99–116.

Beschasnaya A.A. (2025) Child labor: interdisciplinary discourse and practice. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 23(1): 99–116 (in Russian).

Винер-Усманова И.А., Крючек Е.С., Медведева Е.Н. (2017) *Художественная гимнастика: история, состояние и перспективы развития*. М.: Человек.

Viner-Usmanova I.A., Kryuchek E.S., Medvedeva E.N. (2017) *Rhythmic gymnastics: history, current state, and development prospects*. Moscow: Chelovek (in Russian).

Гошин М.Е., Сорокин П.С., Григорьев Д.С. (2024) Основные факторы агентности школьников: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3: 106–121.

Goshin M.E., Sorokin P.S., Grigoryev D.S. (2024) Key factors of schoolchildren's agency: an empirical analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 3: 106–121 (in Russian).

Кабанов А.В. (2021) Социальный конструктивизм: сущность, истоки, версии конструктивистского подхода к знанию. *Социум и власть*, 2(88): 7–17.

Kabanov A.V. (2021) Social constructivism: essence, origins, and versions of the constructivist approach to knowledge. *Sotsium i vlast* [Society and Power], 2(88): 7–17 (in Russian).

Квита Г.Н., Ваньков С.П., Сваровская Е.Б. (2017) Социальный конструктивизм Дж. Джерджена. *Символ науки*, 3(3): 217–219.

Kvita G.N., Vankov S.P., Svarovskaya E.B. (2017) Social constructivism of J. Gergen. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 3(3): 217–219 (in Russian).

Осминкин В. и др. (2025) Детский спорт и проблема свободы в нем как социокультурный фактор развития современного общества. *Общество: философия, история, культура*, 6: 99–104.

Osminkin V. et al. (2025) Children's sport and the problem of freedom in it as a sociocultural factor in the development of modern society. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 6: 99–104 (in Russian).

Петрова Н.В., Свердлова А.В. (2017) Социальный конструктивизм как теоретическая основа технологии обучения созданию электронных курсов по иностранному языку. *Мир науки. Педагогика и психология*, 5(3): 1–16.

Petrova N.V., Sverdlova A.V. (2017) Social constructivism as a theoretical basis for the technology of teaching the development of electronic courses in a foreign language. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 5(3): 1–16 (in Russian).

Подвойский Д.Г., Наумова Н.П. (2014) Детство как социально конструируемый феномен. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 2: 43–60.

Podvoiskii D.G., Naumova N.P. (2014) Childhood as a socially constructed phenomenon. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2: 43–60 (in Russian).

Улановский А.М. (2009) Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация. *Вопросы психологии*, 2: 35–45.

Ulanovskii A.M. (2009) Constructivism, radical constructivism, and social constructionism: the world as interpretation. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 2: 35–45 (in Russian).

Филатова В.В. (2022) Украденное детство: проблема вербовки детей для участия в вооружённых конфликтах. *Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: международное публичное и международное частное право*: 185–192.

Filatova V.V. (2022) Stolen childhood: the problem of recruiting children for participation in armed conflicts. *Mezhdunarodno-pravovye aspekty semeinogo prava i zashchity prav detei: mezhdunarodnoe publichnoe i mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Legal Aspects of Family Law and the Protection of Children's Rights: Public and Private International Law]: 185–192 (in Russian).

Хайтов А.Э. (2024) Роль педагогического образования в области спорта. *Экономика и социум*, 10(125): 887–892.

Khaitov A.E. (2024) The role of pedagogical education in the field of sport. *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society], 10(125): 887–892 (in Russian).

Abebe T. (2019) Reconceptualising children's agency as continuum and interdependence. *Social Sciences*, 8(3): 1–16.

Aine A., Muhonen J., Toivonen V. (2022) Children's right to play sports in a safe and healthy environment. *The International Sports Law Journal*, 22(2): 93–104.

Amineh R.J., Asl H.D. (2015) Review of constructivism and social constructivism. *Journal of Social Sciences, Literature and Languages*, 1(1): 9–16.

Anker R. (2000) The Economics of Child Labour; A Framework for Measurement. *International Labour Review*, 139(3): 257–280.

Azzarito L., Ennis C.D. (2003) A Sense of Connection: Toward Social Constructivist Physical Education. *Sport, Education and Society*, 8(2): 179–197.

Brady F. (2004) Children's Organized Sports: A Developmental Perspective. *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*, 75(2): 35–41.

Bruner J.S. (1974) The Organisation of Early Skilled Action. In: Richards M.P.M. (ed.) *The Integration of a Child into a Social World*. Cambridge: Cambridge University Press: 167–184.

Cavallerio F., Wadey R., Wagstaff C.R.D. (2017) Adjusting to Retirement from Sport: Narratives of Former Competitive Rhythmic Gymnasts. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 9(5): 533–545.

Coakley J. (1992) Burnout among Adolescent Athletes: A Personal Failure or Social Problem? *Sociology of Sport Journal*, 9(3): 271–285.

Coakley J. (2015) Assessing the Sociology of Sport: On Cultural Sensibilities and the Great Sport Myth. *International Review for the Sociology of Sport*, 50(4–5): 402–406.

Damis-Paraboschi F., Lafont L., Menaut A. (2005) A social-constructivist approach in physical education: Influence of dyadic interactions on tactical choices in an instructional team sport setting. *European Journal of Psychology of Education*, 20: 171–184.

Davis E.A., Knoester C. (2024) US Public Opinion about the Personal Development and Social Capital Benefits of Sport: Analyzing Components of the Great Sport Myth. *Journal of Sport and Social Issues*, 48(5): 340–365.

Donnelly P. (1997) Child labour, sport labour: Applying Child Labour Laws to Sport. *International Review for the Sociology of Sport*, 32(4): 389–406.

Dorsch T.E., Smith A.L., McDonough M.H. (2015) Early socialization of parents through organized youth sport. *Sport, Exercise, and Performance Psychology*, 4(1): 3–18.

Douda H.T., Toubekis A.G., Avloniti A.A., Tokmakidis S.P. (2008) Physiological and Anthropometric Determinants of Rhythmic Gymnastics Performance. *International Journal of Sports Physiology and Performance*, 3(1): 41–54.

Dowling F. (2024) Children's rights discourses in sport: serving the rights of children and/or upholding the values of sport? *Sport, Education and Society*: 1–15. <https://doi.org/10.1080/13573322.2024.2434052>

Esser F., Baader M. et al. (2016) Reconceptualising agency and childhood: An introduction. In: Esser F., Baader M.S., Betz T., Hungerland B. (eds.) *Reconceptualising agency and childhood*. Routledge: 1–16.

Flaherty M., Sagas M. (2021) Shifting the Paradigm: A Constructivist Analysis of Agency and Structure in Sustained Youth Sport Participation. *Frontiers in Psychology*: 1–12.

Georgopoulos N., Markou K., Theodoropoulou A., Paraskevopoulou P., Varaki L., Kazantzi Z., Leglise M., Vagenakis A.G. (1999) Growth and Pubertal Develop-

ment in Elite Female Rhythmic Gymnasts. *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*, 84(12): 4525–4530.

Grix J., Carmichael F. (2012) Why Do Governments Invest in Elite Sport? A Polemic. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 4(1): 73–90.

Grootaert C., Kanbur S.M.R. (1995) Child Labour: an economic perspective. *International Labour Review*, 134(2): 187–203.

Haring U., Sorin R., Caltabiano N. J. (2019) Reflecting on childhood and child agency in history. *Palgrave Communications*, 5(1): 1–9.

Jaakkola T., Ntoumanis N., Liukkonen J. (2016) Motivational climate, goal orientation, perceived sport ability, and enjoyment within Finnish junior ice hockey players. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*, 26(1): 109–115.

Kehily M. (2009) *Understanding Childhood: An Introduction to Some Key Themes and Issues*. Maidenhead; New York: Open University Press.

Kioumourtzoglou E., Derri V., Mertzaniidou O., Tzetzis G. (1997) Experience with Perceptual and Motor Skills in Rhythmic Gymnastics. *Perceptual and Motor Skills*, 84(3_suppl): 1363–1372.

Koekoek J., Knoppers A. (2013) The role of perceptions of friendships and peers in learning skills in physical education. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 20(3): 231–249.

Light R. (2011) Opening up learning theory to social theory in research on sport and physical education through a focus on practice. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 16(4): 369–382.

Light R., Dixon M.A. (2007) Contemporary developments in sport pedagogy and their implications for sport management education. *Sport Management Review*, 10(2): 159–175.

Miletić Đ., Katić R., Maleš B. (2004) Some Anthropologic Factors of Performance in Rhythmic Gymnastics Novices. *Collegium Antropologicum*, 28(2): 727–737.

Postman N. (1982) *The disappearance of childhood*. Vintage Books

Smoll F.L. (2001) Coach-parent relationships in youth sports: Increasing harmony and minimizing hassle. In Williams J.M. (ed.) *Applied sports psychology: Personal growth to peak performance*. Mountain View, CA: Mayfield: 150–161.

Suransky V.P. (1982) *The erosion of childhood*. Chicago: University of Chicago Press.

Vygotsky L.S. (1978) *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wyness M. (2018) *Childhood, culture and society*. Sage Publications.

Источники

Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 1989 г.). Ч. 1. Ст. 32 [<https://base.garant.ru/2540422/b3975f01ce8b0eb0c9b11526d9b4c7bf/>] (дата обращения: 4.02.2026).

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e2db886cc5b869bc0dbffa329e692c813b04e75d] (дата обращения: 4.02.2026).

Художественная гимнастика в цифрах. Статистика и аналитика развития спорта в России [<https://msrfinfo.ru/sports/126>] (дата обращения: 4.02.2026).

Edmonds E.V. (2009) Defining child labour: A review of the definitions of child labour in policy research. International Labour Office (IPEC). Geneva: ILO. [https://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-05/Defining_Child_Labour_En.pdf] (дата обращения: 4.02.2026).

CONSTRUCTING CHILDHOOD THROUGH SPORT: THE IMAGE OF THE CHILD-ATHLETE IN RHYTHMIC GYMNASTICS

*Ekaterina Potapova*¹ (katepotapova@gmail.com),
*Vitaliy Gorokhov*² (gorokhov-va@ranepa.ru)

¹ European University in St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
² RANEPА St. Petersburg, Russia

Citation: Potapova E., Gorokhov V. (2026) Constructing childhood through sport: the image of the child-athlete in rhythmic gymnastics. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 177–208 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.7> EDN: BHMMEB

Abstract. This article examines the redefinition of childhood as a social construct within the context of early professional sport, focusing on the case of rhythmic gymnastics in contemporary Russia. Drawing on a social constructivist theoretical framework, the authors analyze how childhood is transformed from a protected domain of play and leisure into a goal-oriented form of labor aimed at achieving high athletic performance. The empirical data consist of semi-structured interviews with coaches and parents of girls aged 6 to 12, whose daily lives are deeply embedded in intensive training regimes. The analysis demonstrates that routine practices in rhythmic gymnastics—such as extremely early specialization, prolonged “working days”, routinization, and subordination—correspond to key criteria of child labor, thus positioning sport as a socially legitimate form of it. The study further reveals a complex configuration of “power plays” among adult stakeholders: parents act as initiators and investors, framing their child’s athletic career as a “business project” and a vehicle for accumulating symbolic capital, while coaches enforce a rigid disciplinary regime and a work ethic centered on endurance and perseverance. The combined effect of these adult-driven efforts is the construction of a distinct image of the “child-athlete” — a disciplined, “adult-like” laborer whose

one-dimensional identity becomes inextricably tied to sporting achievement. This image grants the child a privileged status in comparison with non-athlete peers and legitimizes the exclusion of elements traditionally associated with “natural” childhood. The article contributes to the sociology of childhood and sociology sport by illustrating how the institutional environment of sport produces an alternative regime of childhood that fundamentally contradicts humanistic ideals of childhood freedom and spontaneity.

Keywords: social construction, childhood, rhythmic gymnastics, youth sport, child labour, social constructivism, child agency.

ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА: СТРАТЕГИИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ГОСУДАРСТВУ И НАЦИИ В РОССИИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА

Елена Юрьевна Цумарова (tsumarova@gmail.com)

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Цумарова Е.Ю. (2026) Национальная идентичность во время кризиса: стратегии осмысления принадлежности к государству и нации в России после 2022 года. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 209–227.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.8> EDN: BIIDKA

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегий осмысления национальной принадлежности в России после 2022 г. Теоретической основой исследования являются положения культурной социологии и повседневного национализма, в соответствии с которыми кардинальное изменение внутри- и внешнеполитической ситуации в России в 2022 г. рассматривается как трагическое событие, вызвавшее необходимость пересмотра оснований национальной идентичности. Особое внимание при этом уделяется дискурсивным практикам осмысления национальной идентичности на повседневном уровне. Используя концепции национального безразличия, изменения идентичности, а также переопределения этнических границ, формулируется модель анализа стратегий осмысления национальной принадлежности во время кризиса, которая затем используется при анализе эмпирических данных. Эмпирической основой исследования стали две волны полуструктурированных интервью с гражданами России, которые уехали из страны и продолжили в ней жить, проведенные осенью 2022 — зимой 2023 и зимой-весной 2024 г. Результаты исследования показали, что события февраля 2022 г. повлияли на восприятие национального сообщества на индивидуальном уровне и стали катализатором процесса осмысления принадлежности к России. Проведенный анализ позволил выделить следующие стратегии осмысления принадлежности: укрепление существующей национальной идентичности; национальное безразличие и отказ от национальной идентичности. Укрепление национальной идентичности и отказ от нее связываются с представлением о нации как о политическом сообществе, тогда как национальное безразличие основывается на понимании нации как сообщества неполитического, основанного на общей культуре или месте жительства.

Ключевые слова: культурная травма, национальная идентичность, изменение идентичности, повседневный национализм, национальное безразличие, Россия.

Введение

Проблематика национальной идентичности достаточно популярна в исследовательской литературе. Наряду с развитием тематики национального строительства публикуется достаточно большое количество работ, связанных с изучением повседневного национализма (Dukalskis, Lee 2020; Fox, Miller-Idriss 2008; Goode, Stroup, Gaufman 2022), влияния развития информационно-коммуникационных технологий на проявления национализма (Ahmad 2022; Mihelj, Jiménez-Martínez 2021; Yusupova, Rutland 2021), взаимосвязи политики памяти и политики идентичности (Ачкасов 2013; Малинова 2016; Olick 1998; Paasi 2020). Особое внимание в исследованиях уделяется факторам, влияющим на формирование, актуализацию или трансформацию национальной идентичности (Жирун 2019; Федотова 2017; Greene, Robertson 2022; Rumelili, Todd 2018; Todd 2018).

За последние несколько лет Россия столкнулась с рядом вызовов, актуализировавших обсуждение вопроса о том, кто такие мы? Объявленная в феврале 2022 г. В. Путиным специальная военная операция в Украине стала наиболее значимым событием, оказавшим влияние как на повседневные практики россиян (Звоновский, Ходькин 2023а; Как россияне... 2023), так и на их отношение к государству и своим соотечественникам (Sergeeva, Kamalov 2024; Татарко 2023).

В данной статье я предпринимаю попытку ответить на вопрос, как специальная военная операция повлияла на чувство принадлежности к нации и государству у россиян. Отталкиваясь от концепций культурной травмы и повседневного национализма, я анализирую индивидуальные стратегии адаптации национальной идентичности к изменяющемуся контексту в России после 2022 г. Статья состоит из трех частей. Вначале концептуализируются ключевые понятия исследования и формулируется теоретическая модель трансформации национальной идентичности в условиях кризиса. Далее описывается методология исследования. Наконец, в заключительной части статьи представляются результаты эмпирического анализа, предлагается объяснение полученных результатов и возможные варианты развития исследований в этой области.

Кризис и национальная идентичность

В исследованиях нации и национализма укоренилось представление о конструируемой природе национальной идентичности. Идентичность рассматривается, с одной стороны, как результат политики идентичности (Цумарова 2012), целенаправленной деятельности политической элиты по формированию образа «мы-сообщества» и чувства принадлежности

к нему. С другой стороны, национальная идентичность определяется как продукт повседневной деятельности (Fox, Miller-Idriss 2008; Wodak и др. 2009b), микросоциальных практик (Kaufmann 2017) «обычных» людей, воспринимающих, переосмысляющих и/или поддерживающих транслируемый «сверху» нарратив о нации, а также создающих и распространяющих собственные представления о национальном сообществе (Kaufmann 2017: 19). Такими повседневными микросоциальными практиками формирования, поддержания и воспроизводства национальной идентичности являются разговоры о нации, (не)участие в общенациональных праздниках и ритуалах, (не)использование официальной символики и пр.

При этом национальная идентичность не является раз и навсегда заданной. Напротив, она меняется под воздействием разных обстоятельств. Исследования изменений национальной идентичности показывают, что зачастую катализатором процесса трансформации чувства принадлежности становятся драматические события внутри или вовне государства (Жирун 2019; Todd 2017). Основоположники культурной социологии используют категорию культурной травмы, определяя ее как трагическое событие, которое «оставляет неизгладимые следы в... групповом сознании и коренным и необратимым образом изменяет будущую идентичность» сообщества (Александр 2012: 6). Масштабный экономический кризис или природная катастрофа, политическое убийство, теракт или вооруженный конфликт, миграция или открытие архивов, проливающих свет на темное прошлое государства, — каждое из этих событий, затрагивающих всех или большинство граждан государства, может оказать значительное влияние на представление национального сообщества о себе и вынудить переопределять границы «мы-сообщества» и его образ.

В то же время трагическое событие само по себе не является культурной травмой. Как подчеркивает Р. Айерман, культурная травма — это «длящийся дискурсивный процесс», в рамках которого «установленная коллективная идентичность расшатывается и ее основания ставятся под вопрос» (Айерман 2013: 125). Другими словами, между непосредственным событием и его репрезентацией в качестве культурной травмы всегда есть определенный временной зазор. Событие становится культурной травмой, когда ставит перед сообществом вопросы о фундаментальных основаниях идентичности: кто такие мы и что мы (теперь) знаем о себе в прошлом?

Превращение события в культурную травму Р. Айерман называет «драмой травмы», которая включает в себя заявление «группы носителей» о катастрофическом значении происходящего (Euerman 2019). Эта репрезентация травмы в публичном пространстве обозначает жертв и дает название травме, атрибутирует ответственность, а также связывает жертв

с широкой аудиторией, напрямую не затронутую воздействием трагического события (Александр 2012). Помимо дискурсивных практик осмысление трагедии в публичном поле может приобретать и некоторые институциональные формы в виде мемориалов, ритуалов, законодательных норм, призванных предотвратить повторение трагедии или закрепить доминирующую версию ее интерпретации (Рождественская 2017).

Другими словами, нарратив травмы преимущественно конструируется «сверху» и является результатом деятельности «групп носителей», которые обладают необходимыми ресурсами, включая символические, говорить от имени сообщества. При этом в публичном пространстве на разных институциональных аренах может действовать несколько альтернативных групп, предлагающих разные интерпретации происходящего. Выступая с официальными заявлениями, публикациями в средствах массовой информации или социальных сетях, эти группы борются за доминирование собственного нарратива. Наиболее успешными, как правило, оказываются те из них, кто предлагает наиболее целостную картину происходящего и формируют наиболее устойчивую связь трагического события с широкой аудиторией (Demertzis, Eyerman 2020; Eyerman 2012).

«Игры» с идентичностью: стратегии переосмысления идентичности на повседневном уровне

Как уже отмечалось, фреймирование трагического события в качестве культурной травмы происходит в процессе деятельности официальных и иных лиц, говорящих от имени всего национального сообщества. Публичные практики, безусловно, влияют на восприятие трагического события «обычными» людьми, однако на уровне индивидов действуют и другие механизмы переживания трагических событий и их последствий (Hutchinson 2005: 149–153). Переосмысление ценностей сообщества, культурная дезориентация (Sztompka 2000), размывание представлений о «своих» и «чужих» в условиях трагедии меняют повседневные практики индивидов и, как правило, вызывают неприятные эмоции, которые, в свою очередь, стимулируют когнитивную работу по переосмыслению принадлежности.

При этом переосмысление принадлежности необязательно подразумевает отказ или трансформацию национальной идентичности в том или ином виде. Напротив, как показывает П. Штомпка, трагедия может иметь позитивный потенциал, стимулируя консолидацию членов сообщества (Sztompka 2000) и создавая эффект «ралли вокруг флага» (Казун 2017; Lambert et al 2011; Greene, Robertson 2022; Sharafutdinova 2020; Sharafutdinova 2022). Другими словами, трагические события могут актуализиро-

вать существующую национальную принадлежность, подкрепляя ее чувством гордости, например, за преодоление последствий природной катастрофы или сохранение государственности в условиях множественных внешних вызовов (Obradović, Howarth 2018).

В то же время активная мобилизация граждан в поддержку нации во время конфликта может привести к обратному эффекту. Исследования повседневного национализма в Финляндии в первой половине XX в. демонстрируют, что агрессивная государственная пропаганда стимулирует национальное безразличие, желание людей дистанцироваться от национального сообщества (Kivimäki, Suodenjoki, Vahtikari 2023).

Подкрепление национальной идентичности и национальное безразличие являются возможными вариантами переопределения принадлежности и реинтерпретации публичных нарративов культурной травмы. И если в первом случае чувство принадлежности только усиливается, то во втором оно заменяется равнодушием или актуализацией иной идентичности. Т. Захра выделяет три типа национального безразличия: *национальный агностицизм* — выбор классовой, религиозной, региональной идентичности в ущерб национальной; *гибкость и изменчивость идентичности* среди «национально амбивалентного населения», которое выбирает ту или иную идентификацию в зависимости от сиюминутных выгод и издержек; *выживающий билингвизм* в межнациональных браках, стремящихся сохранить лояльность обоим национальным сообществам (Zahra 2008; Zahra 2010). Другими словами, в условиях культурной травмы люди могут отказываться определять себя в национальных терминах и выбирать иную идентичность в качестве доминирующей. Дж. Тодд, анализирувшая изменение идентичности ирландцев в Северной Ирландии и Республики Ирландия после длительного конфликта, выявила похожие стратегии: *приватизация* — выбор в качестве объекта идентификации малые группы, основанные на социальных ролях (рабочие, студенты и пр.) или месте жительства; *плюрализация* — признание множественных идентичностей в качестве равнозначных и *трансформация* — переопределение существующей идентичности в более инклюзивном смысле, расширение сообщества принадлежности (Todd 2018). Как можно заметить, приватизация у Тодд соответствует национальному агностицизму Захры, а плюрализация — выживающему билингвизму.

Наконец, еще один вариант трансформации идентичности можно встретить у А. Виммера, который описывал стратегии переопределения этнических границ, отчасти совпадающих с пониманием национального безразличия Дж. Тодд и Т. Захры (Wimmer 2008a; Wimmer 2008b). А. Виммер выделяет шесть стратегий, используемых на индивидуальном и кол-

лективном уровне: переоценка, расширение, сужение, индивидуальный или коллективный переход, размывание. *Переоценка* (transvaluation) предполагает не столько переопределение границ, сколько изменение статуса группы внутри существующей иерархии. Она предусматривает повышение престижа той или иной группы за счет изменения ее положения внутри сообщества. Стратегия *расширения* (expansion) направлена на формирование более крупного сообщества. А. Виммер пишет о процессе национального строительства как о наиболее изученном примере стратегии расширения границ. Однако мы можем говорить об использовании данной стратегии и в случае включения себя в сообщества, выходящие за пределы национального государства и основанные на принадлежности к общей культуре (например, русскоязычные, православные и пр.). Обратная стратегия — *сужение* (contraction) — предусматривает выбор сообществ меньшего масштаба (этническое, региональное, локальное) в качестве объекта идентификации. *Индивидуальный или коллективный переход* (individual crossing or collective repositioning) предполагает смену идентичности путем перехода в другую группу (индивидуальный переход) или через переопределение целой группы в иную категорию (коллективный переход)¹. Наконец, *размывание* (blurring) означает отказ от использования этнических категорий в качестве принципа социальной организации. В этом случае индивиды определяют себя через принадлежность к общечеловеческим ценностям или месту жительства. Для анализа трансформации национальной идентичности релевантными представляются стратегии сужения и размывания, которые предполагают отказ от идентификации себя с нацией, а также индивидуальный (и в случае изменения государственных границ коллективный) переход, предусматривающий возможность смены национального сообщества.

Таким образом, переосмысление принадлежности в данной статье рассматривается как процесс, обусловленный культурной травмой, которая вызвана трагическим событием и репрезентируется в публичном пространстве различными акторами (официальными лицами, публичными интеллектуалами, лидерами мнений и пр.). Осмысление трагических событий на индивидуальном уровне опосредовано транслируемыми нарративами, но предполагает их интерпретацию и трансформацию, а также связано с актуализацией и осмыслением национальной принадлежности. Отталкиваясь от приведенных выше теоретических положений, я выделила три базовые стратегии осмысления национальной идентич-

¹ Здесь А. Виммер приводит примеры переопределения евреев, итальянцев или ирландцев в Америке как белых (Wimmer 2008a).

ности в условиях кризиса: (1) укрепление уже существующей национальной идентичности, (2) национальное безразличие и (3) отказ от принадлежности к национальному сообществу путем изменения гражданства. При этом национальное безразличие может приобретать разные формы: приватизация, т.е. актуализация более узкой идентичности, трансформация — расширение сообщества принадлежности и размывание, т.е. отказ определять себя в национальных категориях.

Методология исследования

Исследование основывается на качественной методологии, которая представляется наиболее релевантной для исследования процесса трансформации идентичности. Эмпирической базой стали две волны полуструктурированных интервью с гражданами России, проведенными осенью 2022 — зимой 2023 (N=49) и зимой-весной 2024 г. (N=31). Разница в количестве информантов обусловлена тем, что первая волна включала себя две группы россиян: тех, кто уехал из России в 2022 г. (N=22), и тех, кто продолжил жить в стране (N=27). Вторая волна была полностью сфокусирована на россиянах, оставшихся в России.

Отбор информантов проводился методом «снежного кома», который является предпочтительной стратегией для исследований в кризисных ситуациях (Cohen, Arieli 2011). Кроме того, использование «снежного кома» способствует установлению базового доверия при разговоре на сензитивные темы (Wodak и др. 2009a). Значимым ограничением этого метода рекрутинга информантов является невозможность генерализации полученных выводов. Для минимизации искажений и получения более обоснованных выводов я использовала нескольких несвязанных между собой источников¹ для входа в поле (Жидкевич 2016), что позволило расширить круг респондентов и охватить разные социодемографические, региональные и этнические группы, презентующие многообразие российского общества. Так, информанты представляют различные возрастные и социальные группы: возраст варьируется от 18 до 72 лет, социальный статус — от безработного до руководителя крупной IT-компании. Выборка включает и представителей разных этнических групп (чуваши, удмурты, татары, поморы, башкиры, евреи и пр.), хотя большинство информантов идентифицируют себя как русские. Кроме того, проведение интервью преимущественно в дистанционном формате позволило охва-

¹ Информанты для входа в поле выбирались из расширенного круга моих знакомых, членов различных телеграм-чатов и случайных знакомств в публичных местах.

тить большую географию информантов: от Калининграда и Архангельска до Иркутска и Ростова-на-Дону.

Гайд интервью включал в себя несколько блоков, касающихся биографии информанта, его социальных связей и социального окружения, практик повседневного национализма и восприятия России и россиян до и во время специальной военной операции. Продолжительность интервью варьировалась от 27 минут до 2,5 часов. В среднем интервью длилось около часа. Транскрипты интервью анонимизировались и анализировались с помощью открытого кодирования и тематического анализа (Nowell et al. 2017). Как правило, информанты прямо говорили о наиболее актуальной на момент проведения интервью идентичности. Более глубокий анализ позволил проследить динамику национальной идентичности и выявить некоторые закономерности в выборе той или иной стратегии.

Стратегии осмысления национальной принадлежности в России

В исследовательской литературе на данный момент нет единого мнения относительно того, можно ли рассматривать текущий вооруженный конфликт как культурную травму, поставившую под сомнение основания национальной идентичности (Звоновский, Ходыкин 2023b; Малинова 2023; Пахалюк¹ 2023). Однако все авторы в целом поддерживают тезис о том, что СВО стала событием, так или иначе затронувшим всех россиян и актуализировавшим вопрос принадлежности к России. В собранных нарративах встречаются разные оценки происходящего, но практически в каждом из них СВО рассматривается как момент переосмысления идентичности и определения «своих» и «чужих»: *...для меня, наверное, та жизнь, которая была в России, та обстановка, которая была в России, она безвозвратно потеряна (Ж, 34, Москва-Германия, 2022)²; ...то, что сейчас происходит, для меня это немножечко, вы знаете... может быть покажется странным, как очищение. Вот как шелуха. А чтобы очиститься, надо пройти через боль (Ж, 46, Воронеж, 2024).*

Анализ способов осмысления национальной идентичности показывает взаимосвязь выбора той или иной стратегии с наличием или отсутствием у респондентов восприятия нации как политического сообщества, связанного с государством посредством института гражданства. В тех

¹ Минюст РФ внес К. Пахалюка в перечень лиц, выполняющих функции иностранного агента.

² Данные об информантах приведены в следующей последовательности: пол, возраст, место жительства, год проведения интервью. Для тех, кто уехал из России, указывается последнее место жительства в России и страна эмиграции.

случаях, когда гражданство рассматривается как значимая часть идентичности, чаще встречается стратегия **укрепления существующей идентичности**. При этом интерпретация и эмоциональная реакция на национальную идентичность различается.

Так, ряд информантов рассматривают принадлежность в терминах гражданского долга, который зачастую связывается с защитой родины: *Любой человек, обладающий гражданством... кроме прав, которые он получает в силу наличия такого гражданства, имеет некоторые обязанности. Обязанность защищать государство — это статья Конституции (М, 35, Москва, 2024).*

В то же время чувство долга формируется не только правовыми нормами, но и жизненным опытом: *...мне родина дала... прекрасное мое детство, в котором я ни в чем не нуждалась... возможности моего профессионального роста и так далее. Что я могу сделать? Я могу только своими знаниями... помогать родине. <...> поэтому я здесь, на этом месте... выполняю то, что я могу выполнять (Ж, 49, Тюмень, 2024).*

Такое понимание идентичности как правило сопровождается позитивными эмоциями: *появилось немножечко такое чувство гордости и ощущение того, что... ну, сколько можно о нас ноги вытирать? Ну сколько можно доказывать, что ты тварь дрожащая... когда государство начинает показывать свой кулак, это все же очень хорошо, как бы больно, тяжело это не было (Ж, 46, Воронеж, 2024).* Подъем чувства гордости за Россию фиксируют и опросы общественного мнения. По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, 45 % опрошенных в декабре 2023 г. отметили, что испытывают гордость за свое гражданство [Гордость и спокойная уверенность... 2023]. Результаты опроса Левада-центра¹ показывают, что у 36 % россиян за последнее время окрепла гордость за свой народ [Массовые показатели... 2024].

В других случаях актуализация национальной идентичности описывается в терминах ответственности и связанных с ней негативных эмоций: *Мне бы хотелось не чувствовать связь с Россией. Это было бы очень удобно... потому что можно было бы не нести... ответственность за то, что делается от моего имени прямо сейчас... Но это невозможно. Я все-таки ощущаю себя гражданкой с существующей ответственностью (Ж, 21, Екатеринбург, 2024); ...чувство вины... сменилось через несколько месяцев... чувством... агрессии по отношению к своему государству —*

¹ Минюст РФ внес Левада-центр в перечень организаций, выполняющих функции иностранного агента.

какое-то предательство. <...> Это было сделано без моего согласия и как будто каким-то общим непонятным решением (Ж, 36, Улан-Удэ, 2024). Несмотря на то что принадлежность к государству и нации вызывает негативные эмоции, информанты все равно подчеркивают значимость национальной идентичности в целостном образе «Я»: ...сначала жуткое ощущение стыда и желания, естественно, первые вот эти первые волны уезжающих друзей. И тоже было желание отгородиться от всего полностью, и сказать: я-то вообще то не с вами... А потом вот летом и осенью стало понятно, что то, что происходит, это целиком тоже я (Ж, 31, Иркутск, 2023).

Разница в осмыслении национальной идентичности может быть объяснена через анализ социального окружения и опыта политической социализации информантов (Попова 2002; Шестопап 2005; Kaufmann 2017). Социальное окружение оказывает влияние на практики социального взаимодействия, «воздействуя на социальный поток информации, связанной с политикой» (Карминес, Хакфельдс 1999: 241). Так, укрепление национальной идентичности, рассматриваемой в терминах гражданского долга, преимущественно характерно для информантов, близкое окружение которых связано с военной или правоохранительной службой. Тогда как ощущение национальной идентичности как ответственности за принимаемые государством решения больше воспроизводится людьми, имеющим опыт участия в некоммерческих организациях или политических партиях, акциях и пр. Как подчеркивают исследования политической социализации, факторы личной биографии (политический активизм, благотворительность, вступление в политическую партию и т.д.) оказывают значимое влияние на вторичную социализацию индивида (Малькевич 2011).

Однако актуализация национальной идентичности не всегда приводит к укреплению этой связи через чувства долга, вины или ответственности. В ряде случаев она побуждает к получению иного гражданства. Среди собранных мною интервью такая стратегия встретилась только один раз, хотя некоторые информанты заявляли о желании перейти в другое национальное сообщество¹: ...могу сказать, что если бы у меня была возможность сегодня отказаться от российского паспорта и заменить его практически на любой другой, я бы это сделала (Ж, 37, СПб-Турция, 2023); ты понимаешь, что происходит разрыв, то есть мир, реальность вокруг тебя, она разрывается с тобой, ты с ней тожерываешься. Условно

¹ Некоторые информанты предпринимали усилия по получению иного гражданства, но на момент интервью не имели никакого результата.

говоря, на уровне смыслов и идей ты уже разделился, на тот момент ты уже разделился. И поэтому физически ты хочешь покинуть это место (М, 34, Москва-Израиль, 2023). Успешный **отказ от национальной идентичности** был связан с одной этнической группой — евреями — и сопутствующим возможностям репатриации: [Россия] это некая как бы территория, которая теперь не называется Родиной. Это теперь называется страна исхода <...> сограждане — это израильтяне. Это не россияне, уже все (М, 47, СПб-Израиль, 2023).

В то же время большинство респондентов проводит четкое разграничение нации как культурного и как политического сообщества, подчеркивая свою принадлежность к стране, но не к государству. Представление о нации как о пространстве общей культуры, а не пространстве политических прав и обязанностей, обосновывается, с одной стороны, ограниченными возможностями участия в политической жизни страны и влияния на процесс принятия решений: [Россия] это страна с большим потенциалом, потому что, ну, в хорошем смысле это прослойка между Востоком и Западом. То есть это такой стык культур... [А] в плане России как, так скажем, политической структуры я не чувствую свою причастность вообще, потому что я не вижу, чтобы я что-то мог изменить (М, 28, СПб, 2023). Между тем такое разграничение связывается с нежеланием разделять ответственность за проводимую государством политику: ...как будто бы мне сейчас неважно про Россию. То есть, нет, я, конечно, россиянка, да, там всё такое, но глобально мне более интересно, что ли, более лучше развиваться [смеётся] в республике. Вот, и хотелось бы продвигать больше республику, наверное, чем вот типа быть за всю Россию, там типа ответственной. Как будто хочется немножко окулиться (Ж, 36, Улан-Удэ, 2024).

Отсутствие чувства принадлежности к политическому сообществу способствует различным вариантам **национального безразличия**. Наиболее распространенным является случай приватизации, т.е. актуализации региональной, локальной или этнической идентичности. Как правило, доминирующим объектом идентификации становится регион, причем необязательно в административных границах субъекта федерации, а также этничность малых групп: ...дом — это Республика Карелия, потому что там живет семья. Уровень выше, страна и все, что эта страна последний год делает, это стало чем-то таким чужим, с которым я себя не соотношу (Ж, 24, Карелия/Калининград-Черногория, 2023); я ощущаю себя... больше... москвичкой, потому что Москва и Россия как-то очень разные вещи (Ж, 20, Москва, 2024); ...в общем, я себя, честно говоря, ощущала русской... [до февраля 2022]. А после я подумала, а может быть,

лучше я буду просто еврейкой, и это меня спасет от вот этих всех терзаний: ах, мы, русские, во всем виноваты, ах, мы, русские, такие ужасные. И я так для себя быстренько переобулась в полете и сделала такой финт, что, о-па, а я вообще не русская (Ж, 48, Москва, 2023). Можно было бы ожидать, что обращение к этнической группе обуславливает и актуализацию региональной идентичности, однако это не всегда так. Регион является самостоятельным референтным объектом вне зависимости от этнической принадлежности информанта: *..я больше ассоциирую себя, конечно, с Сибирью* (Ж, 51, Иркутск, 2023). И наоборот, этническая идентификация не всегда связана с местом жительства: *...я, может, не осознаю всей силы вопроса там или даже слов, россияне там и так далее, нет, на данный момент — чувашка* (Ж, 27, Тюмень, 2024). Исследования повседневного национализма показывают, что локальность является важной призмой, сквозь которую люди воспринимают и интерпретируют национальное (Kaufmann 2017). В ситуации кризиса обращение к наиболее близкому и неполитическому сообществу оказывается «последним прибежищем, когда общество приходит в упадок» (Хобсбаум 2002: 345).

Другой вариант национального безразличия — трансформация — преимущественно связывается с принадлежностью к сообществу, не ограниченному рамками государства. В ряде случаев расширение пространства принадлежности происходит за счет обращения к культуре. Тогда русский язык и русская культура становятся ключевыми основаниями идентификации: *...вообще для меня важен русский язык. Я поняла, что я никогда не овладею другими языками на таком уровне, на каком я владею русским, ну, со всеми там нюансами, оттенками, что никогда он мне не будет доставлять какого-то удовольствия, общения на нем, писать на нем и вообще жить в нем* (М, 48, Москва, 2023); *...принадлежность к языку — она, пожалуй, наиболее сильная. Вот туда, к русскоговорящим, я себя однозначно отношу и мне сложно это потерять* (Ж, 33, Москва, 2024).

Наконец, в интервью была зафиксирована и стратегия размывания, предусматривающая отказ от определения себя в национальных терминах: *...я все-таки меньше принадлежу как бы своей, к этому государству по идентичности, и больше как то, ну, не знаю... Ну, не знаю, там человечеству, левым там, в целом* (Ж, 37, Москва, 2024); *...я стала думать, почему человеку нельзя быть апатридом? Я бы, если бы сейчас была такая возможность, хотя я себя чувствую патриоткой, русской, но в какой-то момент я поняла, чтобы если бы была такая возможность, я была бы апатридом* (Ж, 38, Москва, 2023). Другим вариантом размывания, встреченным в интервью, стал фактический отказ от принадлежности

к любому политическому сообществу, включая национальное: *...ты на это не обращаешь внимание и живешь дальше... я в нейтралитете, я не хочу вникать в это все. Моя позиция — просто оставаться в таком состоянии* (Ж, 27, Тюмень, 2024).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает наличие различных стратегий переосмысления национальной принадлежности. Драматические изменения внутри- и внешнеполитического контекста трансформировали чувство принадлежности к национальному сообществу и вынудили российских граждан заново отвечать на вопрос: кто такие мы? Выбираемые на индивидуальном уровне стратегии варьируются от подкрепления существующей национальной идентичности до отказа от принадлежности и перехода в иное национальное сообщество. Масштабный кризис также привел к формированию национального безразличия, которое позволяет избежать рефлексии о политической ситуации. Национальное безразличие приобретает формы актуализации региональных и этнических идентичностей или, наоборот, принадлежности к вненациональным сообществам, основанным на универсальных ценностях. Кроме того, часть информантов отказывается от принадлежности к нации как политическому сообществу, рассматривая ее как сообщество общей культуры, не связанной государственными границами.

В рамках качественной методологии, используемой в данном исследовании, сложно установить факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии. Данные демонстрируют большую вариативность в выборе стратегий у людей, принадлежащих к разным классам, гендерам и идеологиям (Hutchinson 2005; Уолби 2002). Факт отъезда из страны, а также время проведения интервью также не приводили к доминированию определенного способа осмысления идентичности. Как представляется, значимыми оказываются практики потребления информации и глубинные установки, сформированные в рамках первичной социализации и подкрепляемые социальным окружением. Дальнейшее развитие исследования, основанное на смешанной методологии с использованием качественного сравнительного анализа (QCA), позволит установить более четкую взаимосвязь и конфигурацию факторов, обуславливающих выбор той или иной стратегии.

Процесс переосмысления принадлежности в России, очевидно, еще не закончен. Однако уже сейчас можно зафиксировать определенные тенденции, которые могут повлиять на будущее национального сообщества.

Литература / References

Айерман Р. (2013) Социальная теория и травма. *Социологическое обозрение*, 12(1): 121–138.

Eyerman R. (2013) Social theory and trauma. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 12(1): 121–138 (in Russian).

Александр Дж. (2012) Культурная травма и коллективная идентичность. *Социологический журнал*, 3: 5–40.

Alexander J. (2012) Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3: 5–40 (in Russian).

Ачкасов В.А. (2013) «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(4): 106–123.

Achkasov V.A. (2013) “Memory politics” as a tool of postsocialistic nation’ forming. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 16(4): 106–123 (in Russian).

Жидкевич Н.Н. (2016) Социальный портрет современного российского отходника. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(1): 73–89.

Zhidkevich N. (2016) Social portrait of contemporary Russian labor migration. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(1): 73–89 (in Russian).

Жирун И.В. (2019) Изменение, сдвиг или трансформация: анализ методологических подходов к исследованию национальной идентичности. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 13(3): 68–77.

Zhirun I.V. (2019) Change, shift or transformation: analysis of methodological approaches to the national identity research. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 13(3): 68–77 (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023а) Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области). *Социологический журнал*, 1: 8–35.

Zvonovskiy V.B., Khodykin A.V. (2023a) Adaptation strategies of opponents and supporters of the special military operation to the current situation (based on residents of Samara region). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1: 8–35 (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023b) Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? *Социодиггер*, 4(1–2): 37–47.

Zvonovskiy V.B., Khodykin A.V. (2023b) A state event and personal tragedies: is special operations becoming a collective trauma for Russians? *Sociodigger*, 4(1–2): 37–47 (in Russian).

Казун А. (2017) Эффект “rally around the flag”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? *Политические исследования*, 1: 136–146.

Kazun A. (2017) "Rally Around the Flag" effect. How and why support of the authorities grows during international conflicts and tragedies. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1: 136–146 (in Russian).

Карминс Э., Хакфельдс Р. (1999) Политическое поведение: общие проблемы. *Политическая наука: новые направления*. Москва: Вече: 235–261.

Carmines E., Huckfeldt R. (1999) Political behavior: general problems. In: *A New Handbook of Political Science*. Moscow: Veche: 235–261 (in Russian).

Малинова О. (2023) Память о 90-х как ресурс адаптации к новому кризису: анализ дискурсов российских СМИ. *Полития: анализ, хроника, прогноз*, 3(110): 91–114.

Malinova O.Yu. (2023) Memory of the 1990s as resource of adaptation to new crisis: analysis of Russian media discourses. *Politeia: analiz, khronika, prognoz* [Politeia: Analysis, Chronicle, Prognosis], 3(110): 91–114 (in Russian).

Малинова О.Ю. (2016) Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Полис. Политические исследования*, 6: 139–158.

Malinova O. (2016) The official historical narrative as an element of identity politics in Russia: from the 1990s to the 2010s. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6: 139–158 (in Russian).

Малькевич А. (2011) Зарубежные концепции политической социализации. *Terra Humana*, 2: 94–97.

Malkevish A. (2011) Foreign concept of political socialization. *Terra Humana*, 2: 94–97 (in Russian).

Пахалюк К.А. (2023) Культурная травма и нормализация чрезвычайности. *Социодиггер*, 4(1-2): 3–7.

Pakhalyuk K.A. (2023) Cultural trauma and the normalization of the extraordinary. *Sociodigger*, 4(1-2): 3–7 (in Russian).

Попова О. (2002) *Политическая идентификация в условиях трансформации общества*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Popova O. (2002) *Political identification in the context of society' transformation*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House (in Russian).

Радаев В. (ред.) *Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения* (2023). М.: Издат. дом Высшей школы экономики.

V. Radaev (ed.). *How Russians cope with the new crisis: socio-economic practices of the population* (2023). Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Рождественская Е. (2017) Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста. *Логос*, 27(5): 87–114.

Rozhdestvenskaya E. (2017) Representation of cultural trauma and the museification of the Holocaust. *Logos*, 27(5): 87–114 (in Russian).

Татарко А. (2023) Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики. *Социодиггер*, 4(9): 13–21.

Tatarco A. (2023) Civil identity and mental health of Russians: the role of psychological coping strategies in the context of sanctions policy. *Sociodigger*, 4(9) (in Russian).

Уолби С. (2002) Женщина и нация. *Нации и национализм*. М.: Праксис: 308–331.

Walby S. (2002) Gender and nation. In: *Nation and Nationalism*. Moscow: Praksis: 308–331 (in Russian).

Федотова Н.Н. (2017) Динамика идентичности. *Идентичность: личность, общество, политика*. М.: Весь мир: 287–294.

Fedotova N.N. (2017) Dynamics of identity. In: *Identity: Person, Society, Politics*. Moscow: Ves mir Publ.: 287–294 (in Russian).

Хобсбаум Э. (2002) Принцип этнической принадлежности и национализм. *Нации и национализм*. М.: Праксис: 332–346.

Hobsbawm E. (2002) The principle of ethnicity and nationalism. In: *Nation and Nationalism*. Moscow: Praksis: 332–346 (in Russian).

Цумарова Е. (2012) Политика идентичности: politics или policy. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2: 5–16.

Tsumarova E. (2012) Identity politics: politics or policy. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2: 5–16 (in Russian).

Шестопад Е.Б. (2005) Политическая социализация и ресоциализация в современной России. *Полития*, 4: 48–69.

Shestopal E. (2005) Political socialization and resocialization in modern Russia. *Politeia. Analiz, Khronika, Prognoz* [Politeia: Analysis, Chronicle, Prognosis], 4: 48–69 (in Russian).

Ahmad P. (2022) Digital nationalism as an emergent subfield of nationalism studies. The state of the field and key issues. *National Identities*, 24(4): 307–317.

Alexander J. C. (2002) On the Social Construction of Moral Universals: The 'Holocaust' from War Crime to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory*, 5(1): 5–85.

Cohen N., Arieli T. (2011) Field research in conflict environments: Methodological challenges and snowball sampling. *Journal of Peace Research*, 48(4): 423–435.

Demertzis N., Eyerman R. (2020) Covid-19 as cultural trauma. *American journal of cultural sociology*, 8: 428–450.

Dukalskis A., Lee J. (2020) Everyday nationalism and authoritarian rule: A case study of North Korea. *Nationalities Papers*, 48(6): 1052–1068.

Eyerman R. (2012) Harvey Milk and the Trauma of Assassination. *Cultural Sociology*, 6(4): 399–421.

- Eyerman R. (2019) *Memory, trauma, and identity*. Springer.
- Fox J.E., Miller-Idriss C. (2008) Everyday nationhood. *Ethnicities*, 8(4): 536–563.
- Goode J.P., Stroup D.R., Kaufman E. (2022) Everyday nationalism in unsettled times: In search of normality during pandemic. *Nationalities Papers*, 50(1): 61–85.
- Greene S.A., Robertson G. (2022) Affect and autocracy: Emotions and attitudes in Russia after Crimea. *Perspectives on Politics*, 20(1): 38–52.
- Hutchinson J. (2005) *Nations as zones of conflict*. Sage.
- Kaufmann E. (2017) Complexity and nationhood. *Nation and Nationalism*, 23(1): 6–25.
- Kivimäki V., Suodenjoki S., Vahtikari T. (2023) National indifferences during everyday nationalism: Experiencing the nation in Finland in the aftermath of the Second World War. *Nations and Nationalism*, 29(3): 873–887.
- Lambert A.J., Schott J.P., Scherer L. (2011) Threat, Politics, and Attitudes: Toward a Greater Understanding of Rally-‘Round-the-Flag Effects. *Current Directions in Psychological Science*, 20(6): 343–348.
- Mihelj S., Jiménez-Martínez C. (2021) Digital nationalism: Understanding the role of digital media in the rise of ‘new’ nationalism. *Nations and Nationalism*, 27(2): 331–346.
- Obradović S., Howarth C. (2018) The power of politics: How political leaders in Serbia discursively manage identity continuity and political change to shape the future of the nation. *European Journal of Social Psychology*, 48(1): 25–35.
- Olick J.K. (1998) Introduction: memory and the nation — continuities, conflicts, and transformations. *Social Science History*, 22(4): 377–387.
- Nowell L.S., Norris J.M., White D.E., Moules N.J. (2017) Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria. *International Journal of Qualitative Methods*, 16: 1–13.
- Paasi A. (2020) Nation, territory, memory: making state-space meaningful. In: *A research agenda for territory and territoriality*. Edward Elgar Publ.: 61–82.
- Rumelili B., Todd J. (2018) Paradoxes of identity change: Integrating macro, meso, and micro research on identity in conflict processes. *Politics*, 38(1): 3–18.
- Sergeeva I., Kamalov E. (2024) A Year and a Half in Exile: Progress and Obstacles in the Integration of Russian Migrants. *SocArXiv* [https://osf.io/preprints/socarxiv/ckf4v] (дата обращения: 04.02.2025).
- Sharafutdinova G (2020) *The red Mirror: Putin's leadership and Russia's insecure identity*. Oxford University Press.
- Sharafutdinova G. (2022) Public opinion formation and group identity: the politics of national identity salience in post-Crimea Russia. *Problems of Post-Communism*, 69(3): 219–231.
- Sztompka P. (2000) Cultural trauma: The other face of social change. *European journal of social theory*, 3(4): 449–466.
- Todd J. (2017) The politics of identity change and conflict: An agenda for research. *Politics*, 38(1): 84–93.

Todd J. (2018) *Identity Change after Conflict. Ethnicity, Boundaries and Belonging in the Two Irelands*. Cham: Palgrave Macmillan.

Wimmer A. (2008a) Elementary strategies of ethnic boundary making. *Ethnic and racial studies*, 31(6): 1025–1055.

Wimmer A. (2008b) The making and unmaking of ethnic boundaries: A multi-level process theory. *American Journal of Sociology*, 113(4): 970–1022.

Wodak R. et al. (2009a) Semi-Private Opinions. In: *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh University Press: 146–185.

Wodak R. et al. (2009b) *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh University Press.

Yusupova G., Rutland P. (2021) Introduction: Transformation of nationalism and diaspora in the digital age. *Nations and Nationalism*, 27(2): 325–330.

Zahra T. (2008) *Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Cornell University Press.

Zahra T. (2010) Imagined noncommunities: National indifference as a category of analysis. *Slavic review*, 69(1): 93–119.

Источники

Гордость и спокойная уверенность: какие эмоции у россиян вызывает их гражданство (2023) *Высшая школа экономики* [<https://www.hse.ru/news/community/881176114.html>] (дата обращения: 04.02.2025).

Массовые показатели самочувствия и страхов (2024). *Левада-Центр* [<https://www.levada.ru/2024/02/20/massovye-pokazateli-samochuvstviya-i-strahov/>] (дата обращения: 04.02.2025).

NATIONAL IDENTITY IN TIMES OF CRISIS: STRATEGIES OF UNDERSTANDING BELONGING TO THE STATE AND NATION IN RUSSIA AFTER 2022

Elena Tsumarova (tsumarova@gmail.com)

RANPA St. Petersburg, Russia

Citation: Tsumarova E. (2026) National identity in times of crisis: strategies of understanding belonging to the state and nation in Russia after 2022. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 209–227 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.8> EDN: BIIDKA

Abstract. The article is focused on analysing the strategies of comprehension of national belonging in Russia after 2022. The theoretical basis of the study is the provisions of cultural sociology and everyday nationalism, according to which the cardinal change in the domestic and foreign political situation in Russia in 2022 is seen as a tragic event

that has caused the need to revise the foundations of national identity. Particular attention is paid to discursive practices of comprehending national identity at the everyday level. Using the concepts of national indifference, identity change, and the redefinition of ethnic boundaries, the article formulates a model for analysing strategies for conceptualising national belonging in times of crisis, which is then used to analyse the empirical data. The empirical basis of the study was two waves of semi-structured interviews with Russian citizens who left the country and continued to live in it, conducted in autumn 2022 — winter 2023 and winter-spring 2024. The results of the research showed that the events of February 2022 influenced the way the national community was perceived at the individual level and catalysed the process of making sense of belonging to Russia. The analysis allowed to distinguish the following strategies of comprehension of belonging: strengthening of the existing national identity; national indifference and refusal of national identity. Strengthening of national identity and rejection of it are associated with the idea of the nation as a political community, while national indifference is based on the understanding of the nation as a non-political community based on a common culture or place of residence.

Keywords: cultural trauma, national identity, identity change, everyday nationalism, national indifference, Russia.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

АЛЛОРОДИТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ВЫСОКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ¹

*Вадим Витальевич Устюжанин*¹ (vvustiuzhanin@hse.ru)

Юлия Викторовна Зинькина^{1, 2} (juliazin@list.ru)

Андрей Витальевич Коротаев^{1, 3} (akorotayev@gmail.com)

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

³ Институт Африки РАН, Москва, Россия

Цитирование: Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. (2026) Аллородительство как фактор сохранения высокой рождаемости в Тропической Африке. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 228–258.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.9> EDN: BPPEEH

Аннотация. Сохраняющаяся в странах Тропической Африки высокая рождаемость представляет собой своего рода аномалию, поскольку другие страны развивающегося мира при аналогичных значениях показателей социально-экономического развития имели более низкую рождаемость. Этот феномен получил в западной демографии название африканского пронатализма. Между тем отставание в снижении рождаемости обусловило заметную часть экономического отставания Африки в период после получения независимости, с чем связана высокая практическая значимость изучения африканского пронатализма, природа которого все еще не ясна полностью. Данное исследование ставит своей целью оценить вклад в это явление такого потенциального фактора, как аллородительство (участие в уходе и присмотре за ребенком лиц, не являющихся его родителями). Имеющиеся исследования показывают важность аллородительства для традиционных аграрных обществ. Однако в части влияния на рождаемость это явление изучено неполностью — основное внимание уделяется роли родителей женщины и ее старших детей, в то время как потенциальная роль других родственников остается сравнительно недоизученной. Между тем для стран Тропической Африки эта роль может являться одним из элементов пронатализма, поскольку в этом регионе в силу исторического преобладания мотыжного земледелия, где основным работником в поле является женщина, поддержка многочисленных родственников

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2026 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

может быть особенно значимой для облегчения женщине совмещения сельскохозяйственной работы и ухода за детьми. Оценивается распространенность расширенных семей и ее влияние на суммарный коэффициент рождаемости. Результаты показывают, что традиционное преобладание бесплужного/мотыжного земледелия положительно связано с распространением расширенных семей, которое, в свою очередь, действительно оказывает существенное положительное влияние на рождаемость. Это представляется частью объяснения «африканского пронатализма» и того, почему социально-экономическое развитие само по себе оказывает меньшее влияние на снижение рождаемости в данном регионе по сравнению с остальным развивающимся миром. Подчеркивается важность женского образования и других целенаправленных усилий по оптимизации рождаемости в регионе.

Ключевые слова: Центральная Африка, рождаемость, аллогенителство, расширенные семьи, мотыжное земледелие, бесплужное земледелие.

Введение

В 1950-х и даже 1960-х годах страны Африки к югу от Сахары находились примерно на одном «стартовом уровне» с большинством стран Азии по многим показателям развития, в том числе демографического. Так, демографический переход к тому времени еще не начался в большинстве стран обоих регионов, и традиционные социальные и культурные практики, связанные с высокой смертностью и высокой рождаемостью, еще были широко распространены. К настоящему времени эти два региона разительно контрастируют друг с другом — практически все страны Азии уже завершили демографический переход или близки к его завершению (и скорость прохождения этого перехода, по-видимому, сыграла значительную роль в их экономических достижениях и развитии Азии в целом), в то время как Африка, несмотря на очень заметные успехи последних лет, отставшая в росте ожидаемой продолжительности жизни во многих странах, все еще отстает и в том, что касается снижения смертности, но особенно в том, что касается снижения рождаемости. Более того, вопреки популярному в 1990-е годы среди международных экспертов в области развития и демографии слогану *Development is the best contraceptive* («Развитие — лучшее средство контрацепции»; об этом подробнее см.: Bongaarts, Sinding 2011), страны Тропической Африки, продвигаясь по пути социально-экономического развития, на каждой его стадии сохраняют более высокие показатели рождаемости, чем были характерны для других развивающихся регионов на той же стадии развития. Это видно, в частности, из того, что при определенном значении того или иного важного показателя социально-экономического развития, например

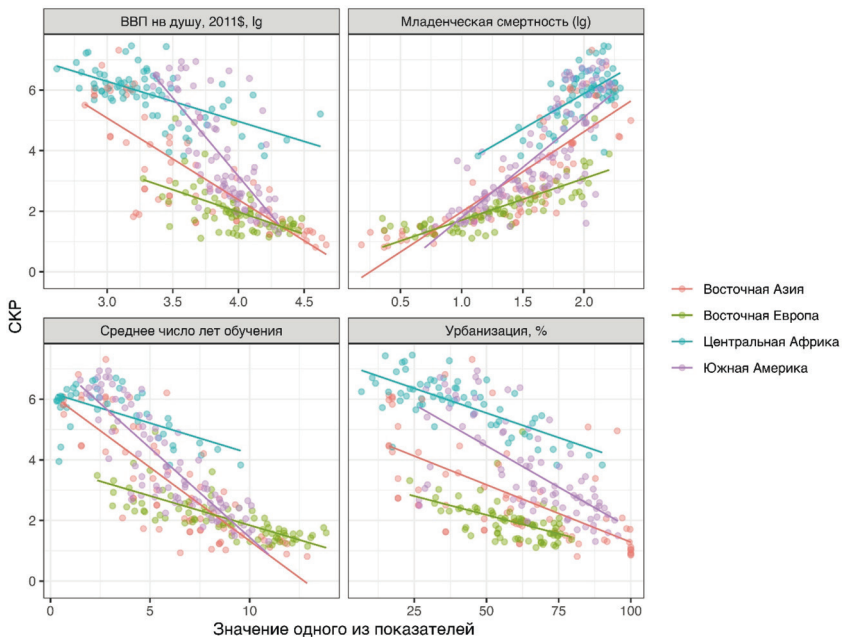

Рис. 1. Корреляция между некоторыми показателями социально-экономического развития и СКР в Центральной Африке по сравнению с другими регионами

Примечание: Центральная Африка взята здесь для примера. При использовании данных по другим двум субрегионам Тропической Африки (Западной Африки и Восточной Африки) результаты получаются похожими.

подушевого ВВП, младенческой смертности, уровня образования (выраженного в среднем числе лет обучения), уровня урбанизации (т.е. доли горожан в населении страны), страны Тропической Африки имеют более высокие значения суммарного коэффициента рождаемости (СКР), нежели страны других регионов (рис. 1).

Процитированный выше слоган отражал точку зрения экспертов, полагавших специальные усилия по снижению рождаемости ненужными, поскольку, как ожидалось, по мере социально-экономического развития стран рождаемость будет снижаться сама — под влиянием новых экономических отношений и глубоких социальных перемен, определяющих помимо прочего и репродуктивные установки населения. Однако ситуация, сложившаяся в Африке, ставит под сомнение подобные ожидания.

Более того, отставание в демографическом переходе (выразившееся в слабом «демографическом дивиденде» (Коротаев, Шульгин и др. 2022) и чрезвычайно высоком коэффициенте демографической нагрузки на трудоспособное население) дорого обошлось странам региона — примерно 2/3 экономического отставания Африки от остального развивающегося мира в период с 1960-х годов до конца XX столетия обусловлено именно демографическими факторами (Ndulu et al. 2007). Это обуславливает актуальность и значимость изучения демографической ситуации в Тропической Африке с целью выявления специфических факторов, обусловивших «резистентность» высокой рождаемости в странах региона. В статье предпринимается попытка определить роль сохраняющихся традиционных социокультурных практик в отставании стран региона в снижении рождаемости. При этом особое внимание мы уделим такому явлению, как *аллородительство*.

Аллородительство как практика в человеческих обществах

Репродуктивный успех человечества как вида зависел на различных этапах эволюции от многих факторов, среди которых можно особо выделить роль участия членов человеческих сообществ в уходе за маленькими детьми и заботе о них других членов этих сообществ. В англоязычной литературе для обозначения этого явления закрепились термины *allomothers*, *alloparents*, *allocaretakers*, которыми именуются люди, не являющиеся матерью (родителем) ребенка, но участвующие в уходе и присмотре за ним. Накопленный к настоящему времени объем исследований данного вопроса убедительно показывает, что аллородители в традиционных обществах могли быть довольно многочисленными и иметь разную степень родства с матерью ребенка, а зачастую и не иметь родственной связи с ней. Последнее как раз более характерно для современных обществ с их развитыми системами учреждений по уходу за малолетними детьми, такими как ясли, детские сады и т.д. Однако появление и распространение таких учреждений отнюдь не привело к исчезновению аллородительства со стороны родственников — во всем мире, как в развитых, так и в развивающихся странах, современные матери нередко прибегают к помощи родственников в уходе за малолетними детьми. Эта помощь может проявляться как прямым, так и косвенным образом и иметь вид финансовых вложений, а также затрат времени и энергии, которые зачастую оказываются даже более важными, чем денежная или иная материальная помощь (см., например: Pessin, Rutigliano, Potter 2022). Ученые выделяют значительное число видов такой помощи, включая деятельность, связанную с кормлением или грудным вскармливанием; осуществлением присмотра;

защитой; игрой, обучением, успокоением ребенка; оказанием денежной поддержки и обеспечением различными ресурсами и многое другое (Weitzel et al. 2024).

Аллородители играли и играют важную роль в том, чтобы помочь матери совместить деятельность по обеспечению пропитания (работу) с уходом за ребенком — это было особенно важно в традиционных человеческих обществах, где матери часто бывали вынуждены одновременно и заниматься добычей средств к существованию, и заботиться о нескольких детях разного возраста и уровня развития (см.: Sear 2018, Herlosky, Crittenden 2021). Чаще всего аллородителями являются бабушки и дедушки, а также старшие братья и сестры новорожденного. Многочисленными исследованиями показано, что в обществах с высокой детской смертностью забота бабушек по материнской линии помогает защитить младенцев и малолетних детей от многих рисков и существенно увеличивает вероятность их выживания (Sear, Mace 2008; Chapman et al. 2021; Coall, Hertwig 2010; Sheppard 2021). Что касается участия детей (в возрасте ~4–10 лет) в заботе и присмотре за младшими братьями и сестрами, эта практика уникальна именно для человеческих обществ (Kramer 2011; Kramer, Veile 2018; см. также: Flinn 1988; Hames 1988; Ivey et al. 2005; Kramer 2009; Weisner, Gallimore 1977). В аграрных обществах обязанность более старших детей ухаживать и присматривать за младенцами и детьми младшего возраста, по-видимому, встречается особенно часто (чаще, чем, например, среди охотников-собирателей). Заботу о ребенке обеспечивают и другие родственники, особенно бабушки (Konner 2018). Важную роль играют и старшие дети, например во многих аграрных обществах матери поручают уход за малолетними детьми своим старшим дочерям (LeVine et al. 1996). Еще одной распространенной практикой во многих культурах являются смешанные игровые группы, в которых малыши остаются вместе с другими детьми под неформальным присмотром нескольких взрослых (Hewlett and Lamb 2005; Weisner 2017; Konner 2018).

Влияние аллородительства на воспроизводство

Влияние аллородительства на воспроизводство чаще всего проявляется (1) в более коротких межродовых интервалах, что способствует большему числу рождений, и (2) в более низкой младенческой и детской смертности, что приводит к более высокой выживаемости (Hrdy 2009; Burkart, Hrdy, Van Schaik 2009; Kramer 2010). Второй аспект изучен достаточно широко (см. обзор: Hassan et al. 2025), в то время как влияние наличия (и числа) аллородителей на рождаемость изучено меньше и в основном концентрируется на влиянии таких ближайших аллородителей,

как родители женщины (матери ребенка/детей) и родители ее мужа. Показано, что межпоколенческая помощь (от бабушек и дедушек родителям и детям) является кросс-культурной универсалией (Sear 2018: 18). Однако проживание пары с родителями мужа или жены может влиять на рождаемость различным образом порой даже противоположным (см., например: Du et al. 2023). Так, проживание пары вместе с родителями жены оказывает скорее понижающее влияние на рождаемость (например, за счет снижения рождаемости в подростковых возрастах), в то время как совместное проживание с родителями мужа скорее повышает рождаемость в паре (Sear, Coall 2011)¹. Более того, эти результаты могут различаться в семьях с разным доходом и зависеть от общего уровня дохода в данном обществе. В обществах с высоким доходом и низкой рождаемостью совместное проживание с родителями приводит к откладыванию первых рождений и снижению общей рождаемости, особенно среди малообеспеченных женщин (Schaffnit, Sear 2014: 834).

Важным ограничением существующих исследований этого вопроса является то, что они преимущественно сосредоточены на минимально расширенной семье (*stem family*) (Pessin, Rutigliano, Potter 2022; Page et al. 2021, 2022). В то же время множество антропологических исследований подчеркивает роль широких сетей женского сотрудничества, часто выходящих за рамки основных семейных связей (Kramer 2022; Jang et al. 2022; Fox et al. 2023). В рамках такого сотрудничества женщины объединяют свои трудовые и материальные ресурсы, знания и навыки и распределяют между собой задачи, в том числе уход за младенцами и малолетними детьми (Jang et al. 2024; о сетях женского сотрудничества см., например: Starkweather et al. 2023; Ziker, Fulk 2019; Power, Ready 2019; Bird et al. 2012).

Это явление можно наблюдать во многих африканских обществах, где число аллородителей ребенка значительно превосходит число членов минимально расширенной семьи. В традиционных обществах число лиц, вкладывающих свое время и иные ресурсы в уход за одним младенцем, может превышать 15–20 человек (Hewlett, Lamb 2005; Meehan 2009; Emmott 2017). В целом у охотников-собирателей и в аграрных обществах аллородители обеспечивают в среднем 43 % прямого ухода за младенцами (Kramer, Veile 2018). В разных обществах опекуны берут на себя от 25 % до 86 % ухода за младенцами, что существенно снижает объем времени

¹ Отметим, что в контексте статьи важным представляется то обстоятельство, что в Африке, безусловно, преобладает именно патрилокальность (см., например: Murdock 1967).

и иных ресурсов, которые требуются от матери ребенка (в том числе это снижает частоту грудного вскармливания) (Konner 2018).

Данное обстоятельство заставляет предположить, что в африканских обществах большую роль в помощи матерям играют не только минимально расширенные семьи (включающие супружескую пару с детьми и родителями одного из супругов — в патрилокальных контекстах это, как правило, родители мужа), но и большие расширенные семьи, включающие много других родственников (в том числе нередко такие семьи включают несколько нуклеарных семей с их малолетними детьми).

Большие расширенные семьи до сих пор сохраняются в Африканском регионе в большей степени, чем в каких-либо других регионах мира, что видно по базе данных CORESIDENCE (Esteve et al. 2024; Galeano et al. 2024). Влияние расширенных семей и предоставляемых ими многочисленных аллородителей на рождаемость заслуживает большего внимания со стороны исследователей.

Мы предполагаем, что это влияние, как правило, должно быть положительным в свете теории женских сетей сотрудничества, поскольку такие сети могут включать сестер, двоюродных сестер, золовок, теток и других родственниц, не относящихся к минимально расширенной семье женщины (матери ребенка), но являющихся членами одной большой расширенной семьи и играющих важную роль в облегчении для нее сочетания трудовой деятельности и ухода за детьми. Имеющиеся весьма немногочисленные исследования дают неоднозначные результаты, показывая, что наличие и доступность аллородителей среди родственников женщины в целом могут по-разному влиять на рождаемость в зависимости от вида и степени родства, а также иных факторов, например дохода семьи и среднего уровня дохода в данном обществе в целом (Sear 2018), религиозности женщины и членов ее семьи (Shaver et al. 2019; Shaver et al. 2020), вида помощи, которую готовы предоставить аллородители (Schaffnit, Sear 2017a; Schaffnit, Sear 2017b).

Пытаемся восполнить некоторые пробелы в знаниях о влиянии расширенных семей на рождаемость. Мы фокусируемся на аграрных обществах, потому что Африка до сих пор является наименее урбанизированным континентом мира, а также потому что в аграрных обществах система воспитания детей, как правило, больше сосредоточена именно на материнской заботе (Emmott 2017).

Фундаментальное исследование по домохозяйствам расширенных семей, выполненное Б. Пастернаком, К. Эмбер и М. Эмбером, определяет их как домохозяйства, включающие две или более нуклеарные семьи, связанные узлами родства. Это исследование впервые предположило

и доказало, что «при отсутствии возможности заменить семейный труд наемным или рабским трудом, расширенные семейные домохозяйства будут формироваться, когда работа, выполняемая матерью вдали от дома (выращивание урожая или сбор урожая вдали от дома), затрудняет ей уход за детьми и/или выполнение других регулярных, требующих много времени домашних дел» (Pasternak, Ember, Ember 1976: 110). Пастернак, Эмбер и Эмбер квантифицировали это условие для выполнения тестов следующим образом: считалось, что уход за детьми затрудняет такая работа матери, при которой она вынуждена находиться вне дома более чем полдня в течение 30 или более дней в году (Pasternak, Ember, Ember 1976: 119).

Для того чтобы объяснить массовое формирование домохозяйств расширенных семей в одних обществах и практически полное отсутствие таковых в других обществах, таким образом, необходимо обратиться к специфике выполняемой матерью работы. В этом вопросе целесообразно опереться на работы классиков кросс-культурной антропологии, показавших, что традиционные методы ведения сельского хозяйства, особенно использование мотыги vs плуга, оказали сильное влияние на историческое гендерное разделение труда и эволюцию гендерных норм. Особенно важным является то обстоятельство (подтвержденное исследованиями еще в 1980-х годы), что распространенность плужного земледелия снижает женский вклад в сельскохозяйственную экономику. Напротив, в обществах, практикующих мотыжное земледелие, основными сельскохозяйственными работниками являются именно женщины. Соответственно в обществах с плужным земледелием, где вклад женщин в сельское хозяйство относительно низок, а основными работниками в поле являются мужчины, женщинам проще осуществлять уход за малолетними детьми, нежели в обществах с мотыжным земледелием, где женщины вынуждены адаптироваться к совмещению этой производительной деятельности с уходом за детьми (Burton, White 1984; Schlegel, Barry 1986).

Из этого мы можем предположить:

H1 — расширенные семьи, предположительно, будут положительно влиять на рождаемость за счет предоставления женщине большего числа аллородителей, готовых различным образом помогать ей с уходом за малолетними детьми;

H2 — расширенные семьи (и множество помощников, которых они могут предоставить женщине), вероятно, важнее для мотыжных земледельцев, чем для плужных, и, соответственно, более распространены в обществах, где традиционно практиковалось мотыжное земледелие, а не плужное;

НЗ — соответственно, в обществах, где традиционно было распространено мотыжное земледелие, следует ждать значительно более высокого уровня рождаемости.

Теоретическая модель и эмпирическая стратегия

Итак, мы ожидаем, что в обществах, где традиционно было распространено мотыжное земледелие (а к ним относятся почти все страны Тропической Африки), расширенные семьи будут распространены значительно более широко, чем в обществах, где традиционно было распространено плужное земледелие (а к ним относятся почти все страны Европы, Азии и сообщества потомков переселенцев, составляющие абсолютное большинство обитателей Нового Света). А так как повышенная распространенность расширенных семей должна вести к повышенной рождаемости, в обществах Тропической Африки, где традиционно было распространено мотыжное земледелие, следует ждать и повышенной рождаемости. Причинно-следственная модель для этой гипотезы представлена на рисунке 2.

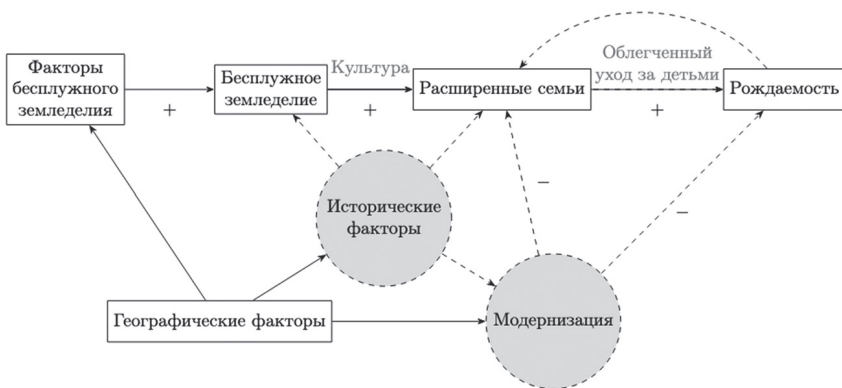

Рис. 2. Причинно-следственная модель гипотезы о влиянии расширенной семьи в обществах с мотыжным/плужным земледелием. Составлена авторами

Теоретическую модель, представленную на рисунке 2, можно изобразить в виде прямого ациклического графа (*direct acyclic graph*) на рисунке 3¹. Для краткости названия переменных обозначены буквами. Для оценки

¹ Об использовании графов для причинно-следственной идентификации см.: (Cinelli et al. 2024).

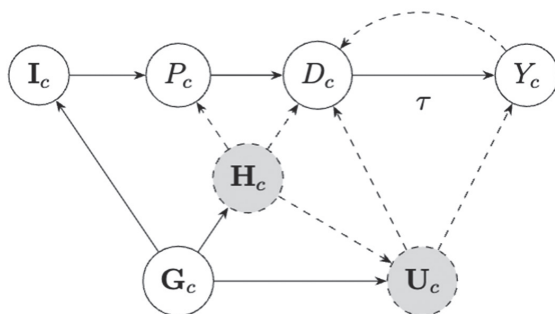

Рис. 3. Причинно-следственная модель гипотезы о влиянии расширенной семьи в обществах с мотыжным/плужным земледелием: прямой ациклический граф

влияния расширенной семьи (D_c) на рождаемость (Y_c) используется метод инструментальных переменных, поскольку существует значительный набор упущенных факторов, которые мы назвали «модернизацией» (U_c) и «историческими факторами», влияющих как на преобладающий тип домохозяйства, так и на рождаемость. Более того, может возникнуть проблема обратной причинно-следственной связи, поскольку рождаемость также может влиять на распространение определенных типов домохозяйств. Следовательно, переменная расширенной семьи является эндогенной, и обычный метод наименьших квадратов (МНК) не позволяет получить состоятельные оценки ее влияния (τ) на рождаемость (оно обозначено стрелкой от D_c к Y_c). Для расчета этого влияния необходим источник экзогенной вариации. Мы предлагаем использовать в качестве такой переменной традиционное плужное земледелие (P_c). Однако эта переменная также может быть эндогенной из-за ненаблюдаемых исторических переменных (H_c), которые могут влиять как на внедрение плуга в сельское хозяйство, так и на современную культуру, тем самым влияя на преобладающий тип домохозяйства. Следовательно, вводится дополнительный источник экзогенной вариации уже для факта традиционного плужного земледелия. В качестве такой переменной мы используем наличие стимулов к внедрению плуга (I_c), измеряемое как распространенность определенного набора сельскохозяйственных культур, которые выиграли от внедрения плуга больше других. Мы предполагаем, что эта переменная при влиянии на географические факторы (G_c) должна быть (условно) экзогенной и быть валидным инструментом. Впоследствии, если мы используем ее в качестве инструмента для переменной «историческая распространенность плужного/бесплужного земледелия» (P_c), мы сможем

выявить экзогенное влияние плуга или его отсутствия на расширенные семьи в настоящее время, а затем и причинно-следственную связь распространенности расширенной семьи с рождаемостью.

Таким образом, наша модель предполагает следующие проверяемые утверждения: (1) распространение определенных сельскохозяйственных культур влияет на исторический тип земледелия (бесплужное vs плужное); (2) историческое распространение бесплужного земледелия оказывает значимое положительное влияние на распространенность расширенных семей в настоящее время; (3) большая распространенность расширенных семей оказывает положительный эффект на рождаемость. Описание оценщика для проверки нашей причинно-следственной модели дано в приложении.

Данные

В качестве источника **независимой переменной** — распространенности расширенных семей — используется база данных CORESIDENCE (Esteve et al. 2024; Galeano et al. 2024), которая агрегирует данные национальных репрезентативных опросов и переписей населения с 1964 по 2021 г. Поскольку этот источник не предоставляет уникальной переменной для распространенности расширенных семей, мы используем для нее различные операционализации:

- 1) среднее количество взрослых в возрасте 18 лет и старше в домохозяйстве (HS19);
- 2) доля домохозяйств, не состоящих из одного индивида (HT01) или не являющихся нуклеарными семьями (HT02), т.е. имеющих в своем составе членов, чьи родственные отношения с главой домохозяйства выходят за рамки нуклеарной семьи;
- 3) среднее количество родственников (исключая детей и супругов, HR04) и лиц, не являющихся родственниками (HR05) главы домохозяйства.

Из-за своей структуры база данных не сбалансирована и содержит множество пропущенных значений. В силу этого обстоятельства применяются два подхода: 1) использование самых последних данных по каждой стране, позволяющее сформировать кросс-секционный набор данных; 2) использование несбалансированных панельных данных, как в базе данных CORESIDENCE, с включением фиксированных эффектов для континента и десятилетия, что позволяет учитывать внутреннюю структуру данных.

В качестве **зависимой переменной** используется суммарный коэффициент рождаемости (СКР), полученный из базы данных ООН под назва-

нием *World Population Prospects*, где представлены данные по всем странам с 1950 по 2023 г. (UNPD 2025). Для повышения стабильности моделей СКР усредняется за трехлетний период, что снижает влияние потенциальных экзогенных колебаний. Соответственно, для наблюдения за 2010 г. используется среднее значение за 2009–2011 гг.

Информация об **исторической распространенности плужного/бесплужного земледелия** взята из работ А. Алесины и соавторов, где представлены описание конструирования переменной (Alesina et al. 2013) и набор данных (Alesina et al. 2018). Кратко опишем процедуру конструирования переменных. Сначала берется переменная «традиционное использование домашних животных в плужном земледелии» из «Этнографического атласа» Дж. П. Мердока (Murdock 1967: 162), представляющего собой в своей полной электронной версии на агрегаторе D-PLACE (<https://d-place.org/contributions/EA>) систематический набор данных по традиционным характеристикам 1291 этнической группе мира¹. Далее каждой этнической группе «Этнографического атласа» присваивается языковая группа на основе информации из базы данных Ethnologue (<https://www.ethnologue.com/>). Затем языковые группы сопоставляются с их современным местоположением для каждой ячейки сетки длиной 1 км на карте мира. Окончательная переменная конструируется путем сопоставления ее с современными границами страны и измеряется от 0 (отсутствие использования плуга) до 1, где промежуточные значения указывают на то, что не все этнические группы в стране использовали плуг. Гистограмма переменной по странам представлена на рисунке 4.

В качестве операционализации **стимулов к внедрению плуга** мы используем наличие пахотно-положительных и пахотно-отрицательных культур в современных странах, что также основано на исследовании Алесины и коллег (Alesina et al. 2018), которые используют подход Ф. Прайора (Pryor 1985). Такая классификация культур включает две отдельные группы. К пахотно-положительным культурам, которым внедрение плуга принесло заметную пользу, относят культуры, требующие подготовки значительных почвенных площадей за очень короткий период времени — это, в частности, ячмень, пшеница, рожь, тефф и орошаемый рис. К пахотно-отрицательным культурам относятся кукуруза, сорго,

¹ В качестве групп, традиционно занимавшихся бесплужным/мотыжным земледелием, идентифицировались те культуры, для которых в «Этнографическом атласе» Мердока одновременно указывалось преобладание земледелия в качестве основного источника средств к существованию (что определялось по пятому знаку в колонке 7 “Subsistence Economy” базы данных) с отсутствием использования плуга.

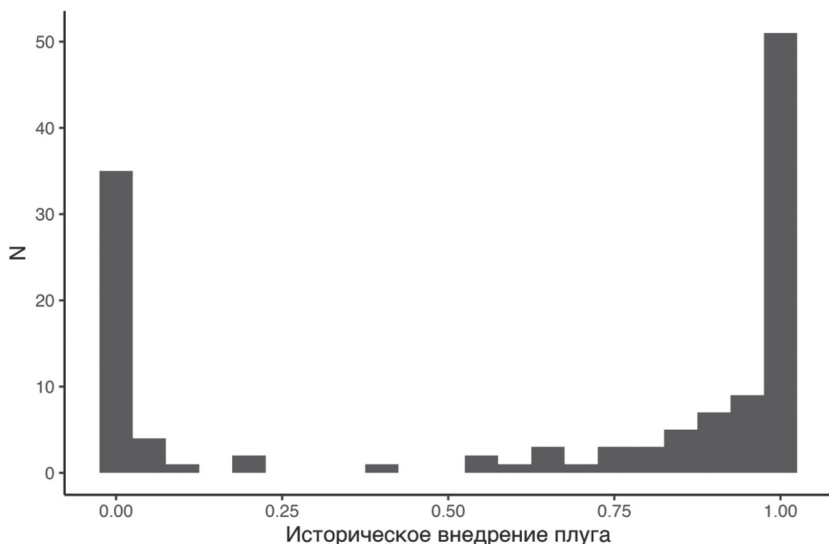

Рис. 4. Гистограмма исторического внедрения плуга по странам мира

просо, древесные культуры и корнеплоды — они дают больше калорий с акра, имеют более длительный вегетационный период и могут выращиваться на более маргинальных, каменистых и/или склоновых землях. Мы используем распространенность обоих типов культур, как пахотно-положительных, так и пахотно-отрицательных, в качестве инструментальных переменных для внедрения плуга на первом этапе нашей модели.

В качестве **контрольных географических переменных**, которые включены на всех этапах модели, используются фиктивные переменные континентов, средняя долгота и широта страны, а также средняя температура поверхности с 1970 (включительно) по 1979 г. (Our World in Data 2025). Мы полагаем, что сочетание этих факторов достаточно для достижения условной экзогенности выбранных инструментальных переменных, поскольку они учитывают как климат, так и местоположение.

Результаты

Предварительная проверка гипотезы НЗ была проведена с помощью расчета частичной корреляции между традицией бесплужного (мотыжного) земледелия и СКР, где переменные являются регрессионными остатками от моделей МНК со следующими ковариатами: фиксированные эффекты континента, логарифм ВВП на душу населения и его квадрат,

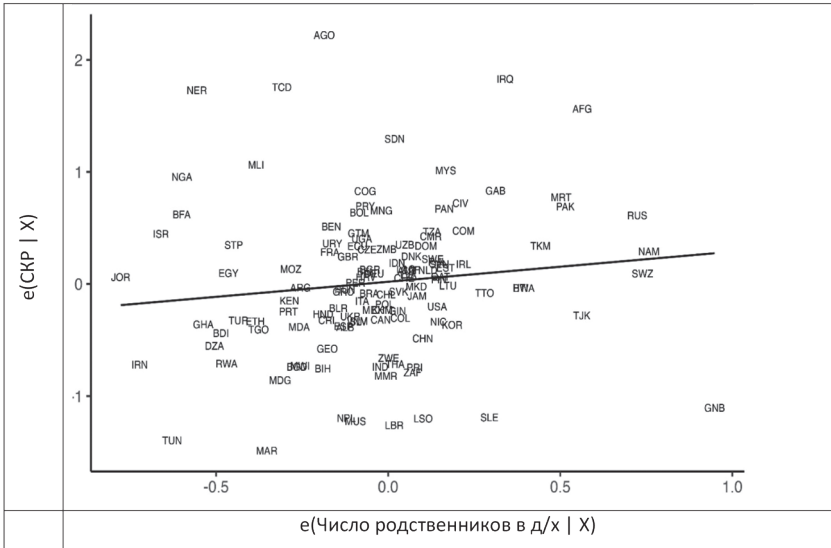

Рис. 6. Частичная корреляция между средним числом родственников в домохозяйстве и СКР

Примечание: $p=0.06$ (односторонний тест значимости).

Для начала представлены результаты обычных линейных моделей по кросс-секционным данным, где независимыми переменными являются разные операционализации распространения расширенной семьи, а в качестве зависимой — СКР (табл. 1). Как мы говорили ранее, у нас есть все основания ожидать, что полученные в рамках таких расчетов коэффициенты будут смещены и не могут быть интерпретированы как причинные. Действительно, во всех моделях разные операционализации расширенной семьи оказывают незначимое влияние на уровень рождаемости. Так, доля домохозяйств, не являющихся нуклеарными семьями или одноличными, оказывает слабое и отрицательное (но крайне незначимое) влияние на СКР. Среднее количество взрослых в домохозяйстве, на удивление, также в среднем негативно влияет на СКР (но тоже крайне незначимо). Наконец, только среднее количество родственников в домохозяйстве оказывает небольшой и незначимый, но положительный эффект на рождаемость.

Далее представлены наши главные результаты с использованием метода последовательных двухступенчатых МНК моделей (2МНК)¹,

¹ См. приложение.

Таблица 1

Результаты МНК моделей по кросс-секционным данным по связи между распространением расширенных семей и рождаемости

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Константа	11.33*** (0.88)	10.07*** (0.76)	10.57*** (0.89)
Доля д/х, не являющихся нуклеарными семьями или одноличными	-0.01 (0.01)		
Среднее количество родственников в д/х		0.04 (0.15)	
Среднее количество взрослых в д/х			-0.11 (0.16)
R ²	0.78	0.77	0.77
N	144	144	144

Примечание: *** $p < 0.001$; в скобках приведены стандартные ошибки; во все модели в качестве контрольных переменных включены фиктивные переменные на континент и ВВП на душу населения.

который должен давать состоятельные оценки причинного эффекта распространения расширенных семей на рождаемость (табл. 2). Кроме того, оценивается влияние бесплужного/мотыжного земледелия на распространенность расширенных семей, что в конечном счете позволяет оценить и влияние исторического преобладания бесплужного/мотыжного земледелия на рождаемость в настоящее время.

В таблице даны результаты расчетов модели по двум типам данных — кросс-секционным и панельным. Таблица разделена на три раздела, каждый из которых соответствует определенному шагу модели. На первом шаге (последний раздел таблицы) мы оцениваем влияние наличия пахотно-положительных и пахотно-отрицательных сельхозкультур на преобладание в традиционном хозяйстве соответствующих этнических групп бесплужного vs плужного земледелия¹.

На втором шаге (средний раздел из табл. 2) мы оцениваем влияние преобладания в традиционном хозяйстве соответствующих этнических групп бесплужного vs плужного земледелия на разные операционализации распространенности расширенных семей. Видно, что бесплужное земледелие в соответствии с нашей гипотезой положительно связано (1) с долей

¹ Так, F-статистика с первого шага достаточно велика и превышает 50, что позволяет нам отвергнуть гипотезу о слабости наших инструментов на первом шаге.

домохозяйств, не являющихся нуклеарными семьями или одноличными домохозяйствами, а также (2) со средним числом родственников в домохозяйстве. Другими словами, преобладание в традиционном хозяйстве соответствующих этнических групп бесплужного/мотыжного земледелия в среднем приводит к большему распространению расширенных семей. Отметим, что преобладание в традиционном хозяйстве бесплужного/мотыжного земледелия не оказывает значимого позитивного влияния на одну из наших операционализаций распространения расширенных семей — среднее число взрослых в домохозяйстве. Другими словами, мотыжная культура не имеет связи с числом взрослых людей в домохозяйстве, поэтому модель с этой операционализацией не может быть интерпретирована¹.

Наконец, на третьем шаге (первый раздел из табл. 2) мы оцениваем влияние разных операционализаций распространенности расширенных семей на рождаемость. Видно, что результаты разительно отличаются от тех, которые мы получили простым МНК в таблице 1, а также при помощи подсчета частичной корреляции, описанной на рисунке 6. Если обращаться к результатам по кросс-секционным данным (левый столбец), то рост доли домохозяйств, не являющихся нуклеарными семьями или одноличными, в стране на 1 процентный пункт (при прочих равных) связан с увеличением суммарного коэффициента рождаемости (СКР) на 0,06 ребенка на женщину, а увеличение среднего числа родственников в домохозяйстве на одного человека ведет к росту СКР на 1,88 ребенка на женщину. Отметим, что сопоставимые стандартизированные коэффициенты для доли расширенных семей и числа родственников составляют 0,91 и 1,03 соответственно, т.е. их эффекты почти одинаковы.

Анализ панельных данных (правый столбец таблицы), охватывающий значительно больше число наблюдений (748 против 134 в предыдущих моделях), подтверждает наши предыдущие расчеты. Отметим, что результаты, полученные на двух разных типах данных, хорошо согласуются между собой, что усиливает доверие к выводам. Таким образом, распространение расширенных семей действительно оказывает существенное положительное влияние на рождаемость, а традиционное преобладание бесплужного/мотыжного земледелия, в свою очередь, положительно связано с распространением расширенных семей, что подтверждает нашу каузальную модель, описанную выше.

¹ Отметим, что это единственная модель, где наша операционализация распространенности расширенных семей не оказывает значимого позитивного эффекта на рождаемость.

Таблица 2

**Результаты последовательных 2МНК моделей
по кросс-секционным и панельным данным по связи
между распространением расширенных семей и рождаемости**

Тип данных	Кросс-секционные			Панельные		
Третий шаг, зависимая переменная — СКР						
Доля д/х, не являющихся одноличными или нуклеарными	0.06			0.11		
	(0.01–0.13)			(0.07–0.18)		
Среднее количество родственников в д/х	1.88			2.96		
	(0.35–4.08)			(1.94–4.48)		
Среднее количество взрослых в д/х	–6.29			–9.65		
	(–54.27 — 43.77)			(–58.2 — 18.12)		
Второй шаг, зависимая переменная — операционализация расширенной семьи						
	Доля д/х, не являющихся моноличными или нуклеарными	Среднее количество родственников в д/х	Среднее количество взрослых в д/х	Доля д/х, не являющихся моноличными или нуклеарными	Среднее количество родственников в д/х	Среднее количество взрослых в д/х
Историческое преобладание бесплужного/мотыжного земледелия	20.6	0.69	–0.21	13.39	0.51	–0.16
	(10.22–33.25)	(0.33–1.13)	(–0.58 – 0.18)	(8.47–18.23)	(0.34–0.69)	(–0.31 – 0)
F-статистика второго шага	17.83	13.06	1.41	34.75	30.4	4.13

Окончание табл. 2

Тип данных	Кросс-секционные	Панельные
Первый шаг, зависимая переменная — историческое введение плуга		
Наличие сельхозкультур, препятствующих внедрению плуга	-0.09 (-0.35 — 0.18)	-0.16 (-0.28 — -0.04)
Наличие сельхозкультур, способствовавших внедрению плуга	0.84 (0.61–1.03)	0.81 (0.72–0.9)
F-статистика первого шага	51.02	274.17
N	134	748

Примечание: оценки доверительных интервалов рассчитываются с помощью непараметрического бутстрапа (5000 выборок) как 2,5 % и 97,5 % квантили полученных бутстрап-оценок; F-статистики получены из тех же бутстрап-повторений в виде медианы; в качестве модели на первом шаге оценивается уравнение, где внедрение плуга является зависимой переменной, а наличие культур, способствовавших или препятствовавших распространению плуга, — независимой переменной; в качестве модели на втором шаге оценивается уравнение, где та или иная операционализация распространения расширенной семьи является зависимой переменной, а внедрение плуга — независимой переменной; в качестве контрольных переменных во все модели включены фиктивные переменные континента, широты, долготы и средней температуры поверхности за 1970–1979 гг.; для спецификаций с панельными данными дополнительно включены фиктивные переменные десятилетия; подробное описание статистической модели представлено в приложении.

Обсуждение

Таким образом, некоторые важные социальные практики, возникшие в традиционных обществах с высокой распространенностью мотыжного земледелия и имеющие своей целью облегчение для женщины совмещения сельскохозяйственных работ, направленных на обеспечение пропитания, с уходом за малолетними детьми, остаются релевантными и сегодня. Более того, они сохраняют актуальность даже по мере перехода обществ от традиционного аграрного устройства к современному, чем, по всей видимости, в значительной степени и объясняется африканский пронатализм,

о котором писали многие ведущие демографы мира, и сохранение во многих обществах Тропической Африки более высоких показателей рождаемости, чем наблюдалось в других странах и регионах развивающегося мира, когда таковые находились на аналогичных уровнях социально-экономического развития. Еще одно подтверждение этому явлению можно видеть на рисунке 6, где по оси x представлены регионы, а по оси y — остатки из модели, в которой роль зависимой переменной выполняет СКР, а в качестве независимых переменных выбраны подушевой ВВП, среднее число лет обучения, уровень урбанизации и уровень младенческой смертности (по всем годам за период с 1960 по 2022 г.). Остатки агрегируются по регионам, что позволяет понять, насколько в среднем страны данного

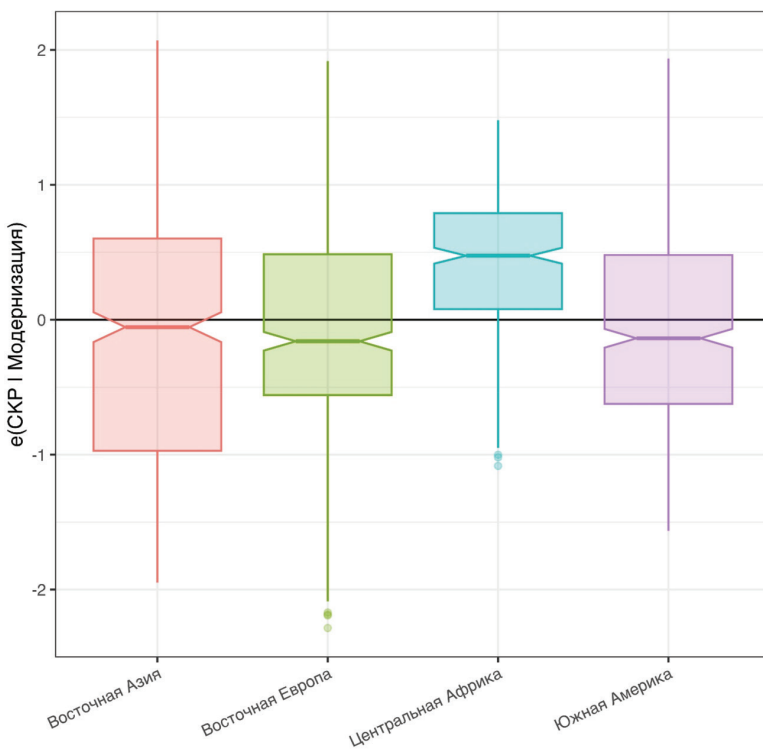

Рис. 7. Модернизация и рождаемость в различных регионах развивающегося мира: регрессионные остатки из моделей

Примечание: Центральная Африка взята и здесь для примера. При использовании данных по другим двум субрегионам Тропической Африки (Западной Африки и Восточной Африки) результаты получаются похожими.

региона отклоняются от общемировых тенденций. На рисунке 6 отчетливо видно, что при контроле на факторы модернизации рождаемость в Центральной Африке оказывается заметно выше, чем в других регионах (в среднем остаток для стран этого региона составляет 1, в то время как для других регионов — около 0 или -1).

Все это говорит о том, что традиционные составляющие социально-экономического развития, которые в других регионах мира были сопряжены с ускорением перехода рождаемости от традиционного (расширенного) к современному типу воспроизводства, в Африке имеют иной эффект на рождаемость, заметно ослабленный традиционными практиками, облегчающими женщине совмещение трудовой деятельности с материнством. Одной из таких практик представляется предоставление помощи в уходе за ребенком со стороны аллородителей, являющихся членами одной большой расширенной семьи с матерью ребенка (т.е. не только родители женщины и ее старшие дети, но и многие другие родственники).

Отлаженные механизмы помощи женщине в совмещении трудовой деятельности и материнства во многом сохраняются и при постепенном перемещении части женской рабочей силы в современные секторы рынка труда. В других наших исследованиях показано, что рост женской занятости в современных секторах, который в других развивающихся странах вносил заметный вклад в снижение рождаемости, в странах Тропической Африки воздействует на динамику рождаемости намного слабее (Zinkina et al. 2026; Korotayev et al. 2016). Настоящее исследование позволяет предположить, что и в этом случае важным, если не определяющим фактором, ослабляющим эффект женской занятости в современных секторах на снижение рождаемости в странах Тропической Африки, также является доступность для женщины помощи в уходе за детьми со стороны многочисленных аллородителей.

Заключение и рекомендации

Таким образом, слоган «Развитие — лучшая контрацепция», равно как и представление о том, что продвижение по пути социально-экономического развития «автоматически» приведет к быстрому снижению рождаемости, по большому счету иррелевантны для Тропической Африки в силу давно сложившихся и хорошо отлаженных практик, облегчающих рождение и уход за многочисленными детьми. При этом оборотной стороной медленного снижения рождаемости является как раз-таки отставание в экономическом развитии, как было показано экспертами ведущих международных организаций (Ndulu et al. 2007).

Соответственно, для преодоления сложившегося отставания необходимы целенаправленные усилия национальных правительств и международного сообщества по воздействию на факторы, которые способствуют снижению рождаемости в африканском контексте. В первую очередь, это всемерная поддержка распространения женского образования, причем особенно на уровне средней школы и выше. Однако данная мера, хотя является самой эффективной в долгосрочной перспективе, должна быть дополнена и другими мерами, способными дать эффект быстрее, такими как кампании по планированию семьи и повышение установленного законодательством минимального возраста для вступления в брак до 21 года с возможно более широким привлечением религиозных деятелей (Зинькина 2015; Зинькина, Коротаев 2017; Коротаев, Зинькина 2013; Рыбалкина, 2023, 2024; Bongaarts 2020; Korotayev, Zinkina 2014, 2015; Zinkina, Korotayev 2014; Kebede, Goujon, Lutz 2019; Adhikari, Lutz, Kebede 2024).

Литература / References

Зинькина Ю.В. (2015) *Долгосрочная динамика рождаемости в странах Тропической Африки: закономерности, тенденции и перспективы*. М.: Дело.

Zinkina J.V. (2015) *Long-term dynamics of fertility in Tropical African countries: patterns, trends and prospects*. Moscow: Delo (in Russian).

Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. (2017) *Социально-демографическое развитие стран Тропической Африки: ключевые факторы риска, модифицируемые управляющие параметры, рекомендации*. М.: Ленанд; URSS.

Zinkina J.V., Korotayev A.V. (2017) *Socio-demographic development of the countries of Tropical Africa: Key risk factors, modifiable control parameters, recommendations*. Moscow: Lenand; URSS (in Russian).

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. (2013) Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня*, 4: 28–35.

Korotayev A.V., Zinkina J.V. (2013) How to optimize fertility and prevent humanitarian disasters in the countries of Tropical Africa. *Asia and Africa Today*, 4: 28–35 (in Russian).

Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В., Слав М. (2022) К оценке возможного экономического эффекта демографического дивиденда для стран Африки южнее Сахары для периода до 2036 года. *Восток (Oriens)*, 2: 108–123. <https://doi.org/10.31857/S086919080019128-7>.

Korotayev A., Shulgin S., Zinkina J., Slav M. (2022) Estimates of the possible economic effect of the demographic dividend for sub-saharan Africa for the period up to 2036. *Vostok (Oriens)*, 2: 108–123 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S086919080019128-7>.

Рыбалкина И.Г. (2023) Проблема перестройки репродуктивного поведения в Кении. *Восток (Oriens)*, 1: 63–75. <https://doi.org/10.31857/S086919080020572-6>.

Rybalkina I.G. (2023) The Problem of Restructuring Reproductive Behavior in Kenya. *Vostok (Oriens)*, 1: 63–75 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S086919080020572-6>.

Рыбалкина И.Г. (2024) К вопросу о планировании семьи в Нигерии. *Восток (Oriens)*, 2: 122–133. <https://doi.org/10.31857/S086919080029678-2>.

Rybalkina I.G. (2024) On the Question of Family Planning in Nigeria. *Vostok (Oriens)*, 2: 122–133 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S086919080029678-2>.

Adhikari S., Lutz W., Kebede E. (2024) Forecasting Africa's fertility decline by female education groups. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 121(46): e2320247121. <https://doi.org/10.1073/pnas.2320247121>.

Alesina A., Giuliano P., Nunn N. (2013) On the origins of gender roles: Women and the plough. *The quarterly journal of economics*, 128(2): 469–530. <https://doi.org/10.1093/qje/qjt005>.

Alesina A., Giuliano P., Nunn N. (2018) Traditional agricultural practices and the sex ratio today. *PloS one*, 13(1): e0190510. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190510>.

Bird R. B., Scelza B., Bird D. W., Smith E. A. (2012) The hierarchy of virtue: mutualism, altruism and signaling in Martu women's cooperative hunting. *Evolution and Human Behavior*, 33(1): 64–78. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2011.05.007>.

Bongaarts J. (2020) Trends in fertility and fertility preferences in sub-Saharan Africa: the roles of education and family planning programs. *Genus*, 76(1): 32. <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00098-z>.

Burkart J. M., Hrdy S. B., Van Schaik C. P. (2009) Cooperative breeding and human cognitive evolution. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews: Issues, News, and Reviews*, 18(5): 175–186. <https://doi.org/10.1002/evan.20222>.

Chapman S.N., Lahdenperä M., Pettay J.E., Lynch R.F., Lummaa V. (2021) Offspring fertility and grandchild survival enhanced by maternal grandmothers in a pre-industrial human society. *Scientific Reports*, 11(1): 3652. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-83353-3>.

Coall D.A., Hertwig R. (2010) Grandparental investment: Past, present, and future. *Behavioral and Brain Sciences*, 33(1): 1–19. <https://doi.org/10.1017/S0140525X09991105>.

Du J., Huang Y., Bai P.P., Zhou L., Myers S., Page A.E., Mace R. (2023) Post-marital residence patterns and the timing of reproduction: evidence from a matrilineal society. *Proceedings of the Royal Society B*, 290(1995): 20230159. <https://doi.org/10.1098/rspb.2023.0159>.

Emmott E. (2017) Access to alloparents. In: Shackelford T.K., Weekes-Shackelford V. (eds.) *Encyclopedia of evolutionary psychological science*. Cham: Springer: 1–4.

Flinn M.V. (1988) Parent-Offspring interactions in a Caribbean village: Daughter guarding. In: Betzig L. et al. (eds.) *Human Reproductive Behavior: A Darwinian Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press: 189–200.

Esteve A., Galeano J., Turu A., García-Román J., Becca F., Fang H., Pohl M.L.C., Trias Prat R. (2023) The CORESIDENCE Database: National and Subnational Data on Household and Living Arrangements Around the World, 1964–2021 [Data set]. *Zenodo*. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8142652>.

Fox S.A., Scelza B., Silk J., Kramer K.L. (2023) New perspectives on the evolution of women's cooperation. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 378(1868): 20210424. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0424>.

Galeano J., Esteve A., Turu A., García-Roman J., Becca F., Fang H., Pohl M., Trias-Prats R. (2024) CORESIDENCE: National and subnational data on household size and composition around the world, 1964–2021. *Scientific data*, 11(1): 145. <https://doi.org/10.1038/s41597-024-02964-3>.

Hames R. (1988) The allocation of parental care among the Ye'Kawana. In: Betzig L. et al. (eds.) *Human Reproductive Behavior: A Darwinian Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press: 237–251.

Hassan A., Lawson D.W., Page A.E., Sear R., Schaffnit S.B., Urassa M. (2025) Children's Caregiving and Growth in Northwestern Tanzania: Limited Evidence That Support From Specific Caregivers Is Associated With Better Growth. *American Journal of Human Biology*, 37(3): e70029. <https://doi.org/10.1002/ajhb.70029>.

Herlosky K.N., Crittenden A.N. (2021) Alloparenting. In: Han S., Tomori C. (eds.) *The Routledge Handbook of Anthropology and Reproduction*. 1st ed. London: Routledge: 604–617.

Hewlett B., Lamb M. (2005) *Hunter Gatherer childhoods*. New York, NY: Aldine; de Gruyter. <https://doi.org/10.4324/9780203789445>.

Hrdy S.B. (2009) *Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding*. Cambridge, MA: Belknap Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1c84czb>.

Ivey P.K. et al. (2005) Child caretakers among Efe foragers of the Ituri Forest. In: Hewlett B.S., Lamb M.E. (eds.) *Hunter-Gatherer Childhoods*. New Brunswick: Transaction Publishers: 191–213.

Jang H., Janmaat K.R., Kandza V., Boyette A.H. (2022) Girls in early childhood increase food returns of nursing women during subsistence activities of the BaYaka in the Republic of Congo. *Proceedings of the Royal Society B*, 289(1987): 20221407. <https://doi.org/10.1098/rspb.2022.1407>.

Jang H., Ross C.T., Boyette A.H., Janmaat K.R., Kandza V., Redhead D. (2024) Women's subsistence networks scaffold cultural transmission among BaYaka foragers in the Congo Basin. *Science Advances*, 10(2): eadj2543. <https://doi.org/10.1126/sciadv.adj2543>.

Kebede E., Goujon A., Lutz W. (2019) Stalls in Africa's fertility decline partly result from disruptions in female education. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(8): 2891–2896. <https://doi.org/10.1073/pnas.1717288116>.

Konner M. (2018) Nonmaternal care: a half-century of research. *Physiology & Behavior*, 193: 179–186. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2018.03.025>.

Korotayev A., Zinkina J. (2014) How to optimize fertility and prevent humanitarian catastrophes in Tropical Africa. *African Studies in Russia*, 6: 94–107.

Korotayev A., Zinkina J. (2015) East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies*, 31(3): 385–420 <https://doi.org/10.1177/0169796X1559032>.

Korotayev A., Zinkina J., Goldstone J., Shulgin S. (2016) Explaining Current Fertility Dynamics in Tropical Africa From an Anthropological Perspective: A Cross-Cultural Investigation. *Cross-Cultural Research*, 50(3): 251–280. <https://doi.org/10.1177/1069397116644158>.

Kramer K. (2009) Does it take a family to raise a child? In: Bentley G., Mace R. (eds.) *Substitute Parents. Biological and Social Perspectives on Alloparenting in Human Societies*. Berghahn Books: 77–99.

Kramer K.L. (2010) Cooperative breeding and its significance to the demographic success of humans. *Annual Review of Anthropology*, 39(1): 417–436. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.012809.105054>.

Kramer K.L. (2011) The evolution of human parental care and recruitment of juvenile help. *Trends in ecology & evolution*, 26(10): 533–540. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2011.06.002>.

Kramer K.L., Veile A. (2018) Infant allocare in traditional societies. *Physiology & behavior*, 193: 117–126. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2018.02.054>.

LeVine R.A., Dixon S., Levine S., Keefer C.H., Richman A., Brazelton T.B., Leiderman P.H. (1996) *Child care and culture: Lessons from Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.

Meehan C.L. (2009) Maternal time allocation in two cooperative childrearing societies. *Human Nature*, 20: 375–393. <https://doi.org/10.1007/s12110-009-9076-2>.

Murdock G.P. (1967) Ethnographic atlas: a summary. *Ethnology*, 6(2): 109–236.

Page A.E., Emmott E.H., Dyble M., Smith D., Chaudhary N., Viguier S., Migliano A.B. (2021) Children are important too: juvenile playgroups and maternal childcare in a foraging population, the Agta. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 376(1827): 20200026. <https://doi.org/10.1098/rstb.2020.0026>.

Page A.E., Migliano A.B., Dyble M., Major-Smith D., Viguier S., Hassan A. (2023) Sedentarization and maternal childcare networks: role of risk, gender and demography. *Philosophical transactions of the Royal Society B*, 378(1868), 20210435. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0435>.

Pessin L., Rutigliano R., Potter M.H. (2022) Time, money, and entry into parenthood: The role of (grand) parental support. *Journal of Marriage and Family*, 84(1): 101–120. <https://doi.org/10.1111/jomf.12782>.

Power E.A., Ready E. (2019) Cooperation beyond consanguinity: post-marital residence, delineations of kin and social support among South Indian Tamils. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 374(1780): 20180070. <https://doi.org/10.1098/rstb.2018.0070>.

Pryor F.L. (1985) The invention of the plow. *Comparative Studies in Society and history*, 27(4): 727–743.

Schaffnit S.B., Sear R. (2014) Wealth modifies relationships between kin and women's fertility in high-income countries. *Behavioral Ecology*, 25(4): 834–842. <https://doi.org/10.1093/beheco/aru059>.

Schaffnit S.B., Sear R. (2017a) Support for new mothers and fertility in the United Kingdom: Not all support is equal in the decision to have a second child. *Population Studies*, 71(3): 345–361. <https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1349924>.

Schaffnit S.B., Sear R. (2017b) Supportive families versus support from families: The decision to have a child in the Netherlands. *Demographic Research*, 37: 414–454. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.37.14>.

Sear R. (2018) Family and fertility: does kin help influence women's fertility, and how does this vary worldwide? *Population Horizons*, 14(1): 18–34. <https://doi.org/10.1515/pophzn-2017-0006>.

Sear R., Coall D. (2011) How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition. *Population and development review*, 37: 81–112. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x>.

Sear R., Mace R. (2008) Who keeps children alive? A review of the effects of kin on child survival. *Evolution and Human Behavior*, 29: 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2007.10.001>.

Shaver J.H., Sibley C.G., Sosis R., Galbraith D., Bulbulia J. (2019) Alloparenting and religious fertility: A test of the religious alloparenting hypothesis. *Evolution and Human Behavior*, 40(3): 315–324. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2019.01.004>.

Shaver J.H., Power E.A., Purzycki B.G., Watts J., Sear R., Shenk M.K., Sosis R., Bulbulia J.A. (2020) Church attendance and alloparenting: An analysis of fertility, social support and child development among English mothers. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 375(1805): 20190428. <https://doi.org/10.1098/rstb.2019.0428>.

Sheppard P. (2021) Grandparental Investment. In: Weekes-Shackelford V.A., Shackelford T.K. (eds.) *The Oxford Handbook of Evolutionary Psychology and Parenting*. Oxford: Oxford University Press: 411–435.

Starkweather K.E., Reynolds A.Z., Zohora F., Alam N. (2023) Shodagor women cooperate across domains of work and childcare to solve an adaptive problem. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 378(1868): 20210433. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0433>.

Weisner T., Gallimore R. (1977) My brother's keeper: Child and sibling caretaking. *Current Anthropology*, 18: 169–190.

Weisner T.S. (2017) Socialization for parenthood in sibling caretaking societies. In: Altmann J. (ed.). *Parenting across the life span*. New York: Routledge, 237–270.

Weitzel E.M., Wilson K.M., Spake L., Schaffnit S.B., Lynch R., Sear R., Shaver J.H., Shenk M.K., Sosis R. (2024) Cost structures and socioecological conditions impact the fitness outcomes of human alloparental care in agent-based

model simulations. *Evolution and Human Behavior*, 45(5): 106613. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2024.106613>.

Ziker J.P., Fulk K.S. (2019) Paying it forward or giving back? Women's sharing networks in Siberia. *Cross-Cultural Research*, 53(3): 272–290. <https://doi.org/10.1177/1069397118806821>.

Zinkina J., Korotayev A. (2014) Projecting Mozambique's Demographic Futures. *Journal of Futures Studies* 19(2): 21–40.

Zinkina J., Goldstone J.A., Shulgin S., Korotayev A. (2026) Why Does High African Fertility Persist? Women's Education vs. Women's Employment. *Population and Economics*, 10(1): 38–52. <https://doi.org/10.3897/popecon.10.e132902>

Источники

UNPD [UN Population Division] (2025) *World Population Prospects Database*. New York, NY: United Nations [<https://population.un.org/wpp/>] (дата обращения: 02.08.2025).

ALLOPARENTING AS A FACTOR OF THE PERSISTENTLY HIGH FERTILITY RATES IN CENTRAL AFRICA

*Vadim V. Ustyuzhanin*¹ (vvustuzhanin@hse.ru),

Julia V. Zinkina^{1,2} (juliazin@list.ru),

Andrey V. Korotayev^{1,3} (akorotayev@gmail.com)

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

³ Institute for African Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Citation: Ustyuzhanin V.V., Zinkina J.V., Korotayev A.V. (2026) Alloparenting as a factor of the persistently high fertility rates in Central Africa. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 228–258 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.9> EDN: BPPEEH

Abstract. The high fertility rates that persist in Tropical African countries are a kind of anomaly, since other developing countries had lower fertility rates when having similar socio-economic development indicators — phenomenon dubbed “African pronatalism” in Western demography. Meanwhile, the lag in fertility transition contributed greatly to Africa's economic backwardness since independence, which is why the study of “African pronatalism”, the nature of which is still not fully understood, is of high practical importance. This study aims to assess the contribution of alloparenting as a potential factor of this phenomenon. Existing studies show the importance of alloparenting for traditional agrarian societies. However, in terms of its impact on fertility, the main

attention is paid to the role of the woman's parents and her older children, while the potential role of other relatives remains relatively understudied. Meanwhile, for the countries of Tropical Africa, this role may be one of the elements of "pronatalism", since in this region, due to the historical prevalence of hoe agriculture, where woman is the main worker in the field, the support of numerous relatives can be especially significant in facilitating the combination of agricultural work and childcare for the mother. The prevalence of extended families and its impact on the total fertility rate are assessed. The results show that the traditional prevalence of non-plough/hoe agriculture is positively associated with the prevalence of extended families, which in turn does have a significant positive effect on fertility. This seems to be part of the explanation for "African pronatalism" and partially responds to the question why socio-economic development per se has had less of an impact on fertility decline in this region as compared to rest of the developing world. The importance of female education and other targeted efforts to reduce fertility in the region is highlighted.

Keywords: Tropical Africa, fertility, alloparenting, extended families, hoe agriculture, non-plow agriculture.

Приложение

Статистическая модель

Предлагаемая причинно-следственная модель, изображенная на рисунке 2, может быть оценена через последовательные двухступенчатые МНК модели (2МНК или 2SLS): сначала мы оцениваем уравнение, где зависимой переменной является историческое внедрение плуга, а затем, используя полученную информацию, оцениваем влияние исторического внедрения плуга на распространение расширенных семей в современном мире. На последнем шаге мы снова используем полученные ранее информацию и оцениваем уже влияние распространения расширенных семей на рождаемость. Такой подход позволяет сделать распространение расширенных семей экзогенной переменной и, следовательно, получить состоятельные оценки ее влияния на рождаемость.

На первом шаге мы оцениваем следующую модель:

$$P_c = \pi_0 + I_c \eta + G_c \gamma + \xi_c,$$

где, как и на рисунке 2, P_c — историческое внедрение плуга в стране c , I_c — стимулы к внедрению плуга (мы используем две переменные — распространенность пахотно-положительных и пахотно-отрицательных сельскохозяйственных культур), G_c — это набор географических факторов (фиктивные переменные континентов, средняя долгота и широта страны, а также средняя температура поверхности в 1970-е). Главное предположение на этом шаге — условная экзогенность I_c , т.е. $E(I_c \xi_c | G_c) = 0$. Другим немаловажным предположением является сила инструмента, т.е. что I_c действительно оказывает значимое влияние на P_c . Далее, как и в классической модели 2МНК, мы используем предсказанные значения из этой модели, \hat{P}_c , для второго шага как источник экзогенной вариации:

$$D_c = \delta_0 + \delta_1 \hat{P}_c + G_c \theta + \epsilon_c,$$

где D_c — это та или иная операционализация распространения расширенной семьи. В данном случае, если выполнено предположение первого шага, \hat{P}_c является экзогенной переменной и позволяет оценить причинный эффект от исторического внедрения плуга на распространение расширенной семьи в стране c в современности. Главное, чтобы этот инструмент оказался достаточно сильным, т.е. чтобы \hat{P}_c оказывало значимое влияние на D_c . Без этого результаты, к сожалению, окажутся сильно смещенными

и, как следствие, неинтерпретируемыми¹. Наконец, мы используем предсказанные значения из этой модели, \widehat{D}_c , для оценки уравнения последнего шага:

$$Y_c = \beta_0 + \tau \widehat{D}_c + \mathbf{G}_c \Phi + \varepsilon_c,$$

где Y_c — это уровень рождаемости (который мы операционализируем как СКР) в стране c . Так как на первых двух шагах мы предполагаем, что и I_c , и \widehat{P}_c условно экзогенные, наша итоговая независимая переменная, \widehat{D}_c , тоже экзогенная и, следовательно, параметр τ , связывающий между собой распространение расширенных семей и рождаемость, может быть состоятельно оценен, что даст оценки причинно-следственной связи (а не простой корреляции)².

В качестве оценщика для предлагаемой модели мы используем последовательность МНК-моделей. Чтобы рассчитать вариацию итоговых оценок, мы используем непараметрический бутстрап. Также стоит заметить, что предлагаемая модель идентична 2МНК-модели, где используются только первый и третий шаги (т.е. где в качестве инструментальных переменных для распространения расширенных семей используются стимулы к внедрению плуга). Однако мы решили оценить все три шага, чтобы количественно проверить нашу теоретическую модель, изображенную на рисунке 1. Итоговая модель обладает теми же свойствами и также эффективна, как и классическая 2МНК.

Последнее замечание, которое стоит сделать, — это обсуждение других потенциальных оценщиков. Действительно, мы бы могли использовать простую МНК-модель между распространением расширенных семей и рождаемостью. Однако, как сказано выше, мы ожидаем, что такая модель несостоятельна из-за пропущенных факторов и обратной каузальности.

¹ Отметим, что для одной из наших операционализаций распространения расширенной семьи — среднего числа взрослых в домохозяйстве — историческое введение плуга оказывается крайне слабым инструментом, что и объясняет противоречие между эффектом этой переменной и остальных двух операционализаций.

² Важно отметить, что представленный здесь оценщик является только асимптотически несмещенным, т.е. на малой выборке оцененный параметр может отличаться от реального. В нашем случае число наблюдений в модели с кросс-секционными данными составляет 134, что довольно мало. Мы провели серию Монте-Карло экспериментов и увидели, что при таком числе наблюдений смещение не является существенным. Так, если бы реальный коэффициент τ равнялся бы 1, наша модель в среднем оценивала бы его как 1.02.

Другими словами, обычные линейные регрессии будут давать неправильные оценки, что не позволит узнать причинный эффект¹. Между тем мы могли бы использовать обычную 2МНК-модель, где в качестве инструмента для расширенных семей выступало бы историческое введение плуга. В таком случае оценки могут получиться еще более смещенными, чем в случае с обычными МНК-моделями, потому что мы предполагаем, что историческое введение плуга является невалидным инструментом, что создаст по итогу еще большее смещение и, как следствие, не позволит узнать причинный эффект².

¹ В секции с описанием результатов мы представляем обычные МНК-модели в таблице 1. Можно заметить, что ни одна из операционализаций распространения расширенных семей не является значимой, что мы связываем именно с несостоятельностью таких моделей.

² Тем не менее если наше предположение неверно, полученные оценки по описанному методу последовательных 2МНК будут давать те же оценки, но с большими доверительными интервалами. Другими словами, оценивая более консервативную модель, мы лишь немного жертвуем в эффективности оценок.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПЯТИЛЕТНИЙ ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ НА ПЛОЩАДКЕ ЗАПАДНОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС (г. КАЛИНИНГРАД)

Владимир Иванович Шаронов (sharonovvi@gmail.com)

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Калининград, Россия

Цитирование: Шаронов В.И. (2026) Цивилизационный потенциал российских регионов: пятилетний опыт проведения совместных конференций на площадке Западного филиала РАНХиГС (г. Калининград). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 259–267. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.10> EDN: BRHNEL

Когда пять лет назад Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург) (СИ РАН) предложил Западнему филиалу РАНХиГС стать партнером и соорганизатором исследований цивилизационного потенциала российских регионов, скептиков среди коллег в эксклавному вузе нашлось немало. Прозвучали аргументы об ориентированности подготовки студентов на работу в реальном секторе управления и производства по специальностям «государственное и муниципальное управление», «таможенное дело», «региональная экономика и менеджмент», «гостеприимство и туризм». Высказывались сомнения о продуктивности переноса цивилизационного анализа на масштаб российских регионов и локальных территорий, вспоминали полемику вокруг этого подхода и т.д.

Однако понимание проблем, возникших в результате прежнего многолетнего курса догоняющей модернизации, а также стремление выработать новые общетеоретические подходы и модели для прикладных исследований взяли верх. К тому же у каждой из сторон имелся свой интерес: СИ РАН видел перспективы в партнерстве, предложенном Калининградскому филиалу, поскольку приобретал дополнительную опорную площадку в совершенно особом, эксклавному субъекте Российской Федерации. Исследования и экспертные оценки местных специалистов обещали дать ценные сравнительные результаты о процессах, происходящих на территории поселений и всей области. Их своеобразие и уникальность обуславливалась послевоенным освоением части территории Восточной Пруссии

советскими переселенцами, а в 1990-е годы миграционными потоками из бывших советских республик и т.д.

Для Западного филиала РАНХиГС партнерство с академическим институтом, находящемся в общем Северо-Западном федеральном округе, также было актуальным. Сотрудничество с Санкт-Петербургскими учеными обещало совсем молодому вузу стать мощным катализатором для возникновения собственной научной школы. Оно же могло помочь решить несколько ощутимых проблем, в том числе помочь некоторым преподавателям преодолеть склонность к реферативному формату своих научных статей, а иногда и к банальной компиляции, что сказывалось на показателях публикационной активности.

В результате обсуждений партнерство было подтверждено подписанием Соглашения о творческом сотрудничестве между Западным филиалом и СИ РАН. Участники проекта сочли целесообразным структурировать программу предстоящей деятельности проведением ежегодных всероссийских научно-практических конференций, а для сохранения необходимой гибкости вносить коррективы в принятый план и уточнять тематические акценты работы на каждый предстоящий год. Помимо этого, партнеры сочли важным после каждой конференции издавать сборники с наиболее интересными материалами¹.

Первая Всероссийская научно-практическая конференция под общим названием «Цивилизационный потенциал территории субъекта РФ» состоялась в 2021 г. Еще на этапе подготовки организаторы почувствовали трудности с продвижением идеи цивилизационного подхода: заметная часть авторов из различных научных и научно-образовательных организаций страны, предложивших свои темы и доклады для обсуждения, основывалась в своем подходе на узком дисциплинарном анализе — специализированно экономическом, социологическом, педагогическом и др. Согласиться на доминирование таких курсов означало бы отказ от цивилизационного подхода, от попытки объемно схватывать «целостность жизни территории региона в системе новых координат: действующих во всех сферах субъектов, подвижной социальной структуры, культурного пространства, регулирующих институтов» (Козловский 2021: 8), от внимания к происходящему не только на авансцене, но и к малозаметным периферийным процессам на территории региона, локальной территории.

¹ Перечень тем проведенных всероссийских научно-практических конференций с 2021 по 2025 г. представлен в названиях изданных сборников материалов этих конференций. См. литературу к настоящему обзору.

Одним из первых на проект исследования цивилизационного потенциала российских регионов откликнулись ученые Челябинского института культуры. С.Б. Синецкий, давно разрабатывавший проблематику государственной культурной политики, в частности, обратил внимание соорганизаторов на опасность тенденции фокусировки заметного числа отечественных авторов на противопоставлении общественных и государственных институтов. В своей высокой оценке совместного проекта СИ РАН и Западного филиала ученый исходил из убеждения, что подобная одномерная и опережающая установка на «институциональное противопоставление применительно к политической установке на “культурную идентичность”, “социальную солидарность” и т.п. не имеет консолидирующего потенциала» (Синецкий 2020: 85), в отличие от цивилизационного подхода применительно к российскому региону.

Важным звеном совместного проекта стал выпуск Западным филиалом коллективной монографии «Калининградская область в 2021 году: горизонты развития», посвященный анализу ежегодных основных социально-экономических показателей развития региона (Калининградская 2022).

Широкое участие в первой конференции преподавателей Западного филиала и практиков государственного и муниципального управления, сотрудников реального регионального производственного сектора подтолкнуло соорганизаторов к тому, чтобы сосредоточить наибольшее внимание участников II Всероссийской научно-практической конференции в 2022 г. на проблемах измерения, интерпретации и оценки цивилизационного потенциала конкретного российского региона.

В 2022 г. по итогам первой конференции Челябинский государственный институт культуры принял решение войти в проект в качестве третьего постоянного соорганизатора. Территориальный разброс партнеров проекта, значительная разница в структуре экономико-промышленных комплексов, демографических показателей и других характеристик территорий местонахождения соорганизаторов были восприняты как повод обозначить темами второй ежегодной конференции неравенство и неравномерность экономического, производственного и культурного развития регионов.

Важным итогом обсуждений в ходе этой второй научно-практической конференции стало решение соорганизаторов о проведении силами СИ РАН полевого исследования общественного мнения населения муниципальных образований Калининградской области, чтобы эмпирически проверить и оценить использование цивилизационного подхода и разработанных моделей для анализа реальных процессов развития территории. В свою очередь, Западный филиал РАНХиГС перевел подготовку

и издание монографии «Калининградская область: горизонты развития» в режим ежегодных изданий, что стало еще одной формой поддержки совместного проекта.

Заметное внимание на конференции было уделено теме места и значения религии в оценке цивилизационного потенциала российского региона. В одном из докладов, посвященных взаимоотношениям религии и культуры, профессор Смоленской православной духовной семинарии протоиерей Георгий Урбанович убедительно показал, какие воспитательно-патриотические возможности обнаруживаются при тщательном изучении малоизвестных страниц отечественной истории с позиций, не приемлющих самоуничижительной, ложной культурной идентичности, с позиций понимания мировой значительности деятельности высших российских государственных лиц, русской культуры и русской армии, миссионерских усилий православной церкви в XIV–XIX вв. Особенно впечатляющим для участников конференции было то, что священник и ученый показал это на примере древних исторических памятников, уцелевших и сохраняемых на территории Калининградской области, имеющей, казалось бы, сравнительно небольшой отрезок пребывания в составе России (Урбанович 2022).

Темой III Всероссийской научно-практической конференции «Цивилизационный потенциал российского региона: состояние и перспективы роста» соорганизаторы уравнивали возникший ранее крен исследовательского внимания к проблематичным сторонам бытования российского населения. Полученные материалы полевого исследования общественного мнения населения муниципальных образований Калининградской области, проведенного СИ РАН, выявил высокую степень социального оптимизма жителей в оценках перспектив своего благополучия в самом расширительном значении этого понятия, в том числе наличие преобладающей позитивной оценки усилий местной и региональной власти в обеспечении развития территорий. В этом, по мнению петербургских социологов, ярко проявилась имеющая цивилизационная специфика региона, реализуемая «в разнообразных формах современной жизни, способах жизнедеятельности, меняющихся условий, институтов и практик общественной жизни» (Цивилизационный 2023: 6).

Тему специфических особенностей цивилизационного потенциала российских регионов на материале Донецкой Народной Республики продолжила в своем докладе А.А. Градинарова (Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского). По ее мнению, обеспечение равных прав и возможностей групп населения в сфере публичных финансов в условиях послеконфликтного периода

и политической стабильности представляет собой важное условие реализации цивилизационного потенциала территорий (Градинарова 2023: 105).

Ученые Челябинского государственного института культуры познакомили участников с результатами своих эмпирических исследований и предложили к обсуждению типологию локальных идентичностей в зависимости от солидаризации его жителей с властями, степенью конфликтности и готовности к протесту, вовлеченности в жизнь поселения, видения перспектив в будущем и т.д. В частности, было выделено шесть устойчивых типов локальной идентичности: 1) проблемно-пограничный; 2) условно-лояльный; 3) рутинный; 4) эмпатийный; 5) ресурсный; 6) позитивный (Шуб 2023: 86).

В 2024 г. эмпирические исследования продолжили оставаться центром основного внимания участников проекта. Центральным докладом на пленарном заседании IV Всероссийской научно-практической конференции «Цивилизационный потенциал российского региона: люди и перемены» стало обсуждение результатов опросов населения, проведенных сотрудниками СИ РАН в Республике Карелия и Новгородской области (Цивилизационный 2024: 15–33). Уже на этом далеко не завершенном этапе сравнительный анализ материалов эмпирических исследований позволил предварительно подтвердить обоснованность гипотезы о множественном своеобразии социально-культурной идентичности населения трех исследованных регионов, непосредственно связанном с цивилизационным потенциалом каждой территории.

Л.Б. Зубанова поделилась с участниками конференции результатами прикладных исследований, осуществляемых ею с 2021 г. в Челябинской области. Она предложила рассматривать отношение к конкретным культурно-историческим памятникам мемориального ландшафта территории, характеристики процессов цивилизационной самоидентичности населения территорий, реализующих общую духовную потребность в отождествлении своих представлений о действительности с «корневыми» слоями культуры (Зубанова 2024: 59). 2024 год был отмечен еще одним важным итогом в реализации проекта исследования цивилизационного потенциала российских регионов СИ РАН и указанных партнеров института — изданием монографии «Цивилизационное многообразие современного мира». В числе прочего ее авторы при анализе процессов, протекающих в российских регионах и на локальных территориях, уделили особое внимание социологическим интерпретациям цивилизационного подхода (Цивилизационное 2024: 105–233).

В 2025 г. организаторы оказались в ситуации непростого выбора темы пятой ежегодной конференции: мнения участников разделились на две

почти равные группы. Одни участники считали правильным продолжить разработку тем практического характера, прикладные исследования, вторые убеждали, что эффективность цивилизационного подхода пострадает, если в проекте будет уделено недостаточное внимание продолжению обсуждения общетеоретических вопросов, особенно тем духовно-культурных представлений и ценностей. В результате предварительных дебатов организаторы нашли устраивающую все стороны формулировку темы V Всероссийской научно-практической конференции — «Цивилизационный потенциал российского региона: общее, частное и личное благо». Она позволила интегрировать самые широкие исследовательские интересы от проблемы теологии, философии до экономики, социологии, истории и др., включая находящиеся в междисциплинарных зонах.

Эффект суммарных усилий организаторов по привлечению внимания к теме цивилизационного потенциала российских регионов самым впечатляющим образом проявился в количестве участников: если до этого в работе каждого ежегодного форума согласно суммарной статистике (online + offline) в среднем принимало участие около 200 человек, то работа последней объединила около 700 участников.

Заметно повысилась широта исследовательских подходов при рассмотрении участниками главной темы проекта. Так, проректор по научной работе Санкт-Петербургской духовной академии РПЦ (Санкт-Петербург), богослов и ученый протоиерей Константин Костромин предложил подходить к исследованию проблемы раскола XVII в. не только в качестве сугубо церковной, религиозной темы, но и видеть в ней и цивилизационный конфликт Востока и Запада и одновременно цивилизационное своеобразие российской ситуации, в том числе реализацию сценария, предвосхитившего петровские реформы XVII в.

Организаторам конференции было важно и то, что на тему откликнулся один из самых известных специалистов по русской религиозной философии А.П. Козырев (МГУ им. М.В. Ломоносова), предложивший участникам свое авторское видение того, как решалась проблема ценностного выбора в русской религиозной мысли, и того, насколько кардинально при одном и том же используемом понятийном словаре, даже бытовой лексики, различается содержание ценностей в России и на Западе. Сегмент докладов, ориентированных на прикладные исследования, был наиболее ярко представлен докладами научных сотрудников СИ РАН: с результатами последних исследований формирования территориальной идентичности пожилых людей Северо-Запада России поделилась И.С. Петухова, доклад О.А. Парфеновой был посвящен вкладу местных сообществ в благополучие пожилых в российских селах.

Главным итогом обсуждений соорганизаторов проекта после проведения завершающей конференции стало общее решение о продолжении совместной работы и определении главной темы конференции на предстоящий 2026 г. — «Цивилизационный потенциал российских регионов: внутренний рост и межтерриториальное взаимодействие».

Литература / References

Градинарова А.А. (2023) Цивилизационный потенциал развития системы публичных финансов в Донецкой Народной республике. В сб.: Шаронов В.И. (сост.) *Цивилизационный потенциал российского региона: структура, состояние и перспективы роста: материалы II Всероссийской научно-практической конференции*. Калининград: Полиграфычъ: 98–102.

Gradinarova A.A. (2023) Civilizational Potential for the Development of Public Finance in the Donetsk People's Republic. In: Sharonov V.I. (comp.) *Civilizational Potential of the RF region: Structure, Status, and Growth Prospects: Reports and Articles of the III Russian Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad: Poligrafyich (in Russian).

Зубанова Л.Б. (2024) Мемориальные ландшафты: потенциал цивилизационной идентичности и ресурс позиционирования (на примере Челябинской области). В сб.: Шаронов В.И. (сост.) *Цивилизационный потенциал российского региона: люди и переменны: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции*. Калининград: Полиграфычъ: 57–61.

Zubanova L.B. (2024) Memorial Landscapes: The Potential of Civilizational Identity and Positioning Resource (Based on the Chelyabinsk Region). In: Sharonov V.I. (comp.) *The Civilizational Potential of the RF region: People and Changes: Proceedings of the IV Russian Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad: Poligrafyich: 57–61 (in Russian).

Калининградская область в 2021 году: горизонты развития (2022). Калининград: Полиграфычъ.

Kaliningrad Region in 2021: Development Horizons (2022). Kaliningrad: Poligrafyich (in Russian).

Козловский В.В. (2021) Профиль и ресурсы цивилизационного развития территории региона РФ. В сб.: Шаронов В.И. (сост.) *Цивилизационный потенциал территории субъекта РФ*. Калининград: Полиграфычъ: 6–16.

Kozlovskiy V.V. (2021) Profile and resources of civilizational development of the territory of the RF region: Reports and Articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. In: Sharonov V.I. (comp.) *Civilizational potential of the territory of the RF subject: Reports and Articles of the I Russian Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad: Poligrafyich: 6–16 (in Russian).

Синецкий С.Б. (2020) Культурная политика как отражение норм социального взаимодействия. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 5(97): 82–89.

Sinetsky S.B. (2020) Cultural Policy as a Reflection of Social Interaction Norms. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 5(97): 82–89 (in Russian).

Урбанович Г. (2022) Исторические и культурные основы патриотического и духовно-нравственного воспитания в Калининградской области. В сб.: Шаронов В.И. (сост.) *Цивилизационный потенциал российского региона: проблемы измерения, интерпретации и оценки: материалы II Всероссийской научно-практической конференции*. Калининград: Полиграфычъ: 66–70.

Urbanovich G. Historical and Cultural Foundations of Patriotic and Spiritual-Moral Education in the Kaliningrad Region (2022) In: Sharonov V.I. (comp.) *Civilizational Potential of the RF region: Problems of Measurement, Interpretation, and Evaluation: Reports and Articles of the II Russian Scientific and Practical Conference* (2022) Kaliningrad: Poligrafyich: 66–70 (in Russian).

Цивилизационное многообразие современного мира (2024). Р.Г. Браславский, А.В. Малинов (ред.). М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.

Civilizational diversity of the modern world (2024). Braslavskiy R.G., Malinov A.V. (eds.) Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Цивилизационный потенциал российского региона: проблемы измерения, интерпретации и оценки: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. (2022). В.И. Шаронов (сост.). Калининград: Полиграфычъ.

Civilizational Potential of the RF region: Problems of Measurement, Interpretation, and Evaluation: Reports and Articles of the II Russian Scientific and Practical Conference (2022). V.I. Sharonov (comp.). Kaliningrad: Poligrafyich (in Russian).

Цивилизационный потенциал российского региона: люди и перемены: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (2024): 6 декабря 2024 г. Шаронов В.И. (сост.). Калининград: Полиграфычъ.

The Civilizational Potential of the RF region: People and Changes: Proceedings of the IV Russian Scientific and Practical Conference (2024). V.I. Sharonov (comp.). Kaliningrad: Poligrafyich (in Russian).

Цивилизационный потенциал российского региона: общее, частное и личное благо материалы V Всероссийской научно-практической конференции (2025). В.И. Шаронов (сост.). Калининград: Полиграфычъ.

The Civilizational Potential of the RF region: Common, Private, and Personal Benefits: Reports and Articles of the II Russian Scientific and Practical Conference (2025). V.I. Sharonov (comp.). Kaliningrad: Poligrafyich (in Russian).

Цивилизационный потенциал российского региона: структура, состояние и перспективы роста: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (2023). В.И. Шаронов (сост.). Калининград: Полиграфычъ.

Civilizational Potential of the RF region: Structure, Status, and Growth Prospects: Reports and Articles of the III Russian Scientific and Practical Conference (2023). V.I. Sharonov (comp.). Kaliningrad: Poligrafyich (in Russian).

Цивилизационный потенциал территории субъекта РФ: Всероссийская научно-практическая конференция (2021). В.И. Шаронов (сост.). Калининград: Полиграфычъ.

Civilizational Potential of the Territory of a RF region: Russian Scientific and Practical Conference (2021). V.I. Sharonov (comp.). Kaliningrad: Poligrafych (in Russian).

Шуб М.Л. (2023) Типологическое разнообразие локальной идентичности (на примере Челябинской области). В сб.: Шаронов В.И. (сост.) *Цивилизационный потенциал российского региона: структура, состояние и перспективы роста*. Калининград: Полиграфычъ: 84–86.

Shub M.L. (2023) Typological Diversity of Local Identity (Based on the Chelyabinsk Region). In: Sharonov V.I. (comp.) *Civilizational Potential of the RF region: Structure, Status, and Growth Prospects: Reports and Articles of the III Russian Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad: Poligrafych (in Russian).

CIVILIZATION POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS: FIVE YEARS OF JOINT CONFERENCES AT THE WESTERN BRANCH OF RANEPА (KALININGRAD)

Vladimir I. Sharonov (sharonovvi@gmail.com)

Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPА), Kaliningrad, Russia

Citation: Sharonov V.I. (2026) Civilizational potential of Russian regions: five years of joint conferences at the Western Branch of RANEPА (Kaliningrad). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 259–267 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.10> EDN: BRHNEL

Abstract. This review analyzes a five-year collaborative project (2021–2025) between the Western Branch of RANEPА (Kaliningrad), the Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS (St. Petersburg), and the Chelyabinsk State Institute of Culture. The project focused on researching the civilizational potential of Russian regions through a series of annual All-Russian scientific and practical conferences.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на книгу: HESTER H., SRNICEK N. (2023)
AFTER WORK: A HISTORY OF THE HOME
AND THE FIGHT FOR FREE TIME.
London; New York: Verso — 288 p.**

Владимир Кузьмич Карнаух (karnaukh-vk@ranepa.ru)

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Карнаух В.К. (2026) Рецензия на книгу: Hester H., Srnicek N. (2023) After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time. London; New York: Verso — 288 p. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 268–277. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.11> EDN: BSCWLN

Авторы этой книги — британские исследователи Хелен Хестер и Ник Срничек. Ник Срничек — преподаватель цифровой экономики в Королевском колледже Лондона. Он известен в России как автор книг «Платформенный капитализм» и «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без работы» (совместно с Алексом Уильямсом). Хелен Хестер — профессор гендерной политики, технологий и культурной политики в Университете Западного Лондона. Ее исследовательские интересы включают технофеминизм, социальное воспроизводство и теории труда.

В центре внимания авторов — проблемы репродуктивной деятельности и построботы; вопросы использования техники для облегчения домашней работы и неудачи в этом; социальные отношения, связанные с воспроизводством населения; домашние пространства и индивидуализация работы, и, наконец, перспективы построботы.

В вводной главе своей книги авторы акцентируют внимание на том, что в современном мире всё чаще обсуждаются перспективы посткапиталистического будущего. Одним из наиболее заметных проявлений этого тренда стало, по их мнению, увеличение числа проектов, ориентированных на завершение работы и минимизацию ее объемов (р. 1). Труд вызывает проблемы не только из-за того, что он, как утверждают авторы, становится всё более напряжённым и опасным, но и потому, что он остается несвободным в рамках капиталистической системы.

Исследователи выделяют два подхода к пониманию построботы. Первый подход предполагает, что внедрение новых технологий и авто-

матизация приведут к значительному сокращению числа рабочих мест, доступных для людей. Второй, более радикальный подход, отрицает центральную роль работы в жизни человека, утверждая, что люди должны стремиться к освобождению от наемного труда.

Анализируя перспективы пострabоты, авторы обоснованно утверждают, что исследователи преимущественно сосредотачивают внимание на изучении наемного труда и в значительной мере оставляют без внимания работу по общественному воспроизводству, включая воспитание новых работников, восстановление трудоспособности и поддержку тех, кто утратил способность к труду (р. 3).

В целях преодоления противоречия между репродуктивным трудом и пострabотой авторы предлагают модифицированный проект пострabоты. По их утверждению, этот проект может быть полностью реализован только тогда, когда будет принята во внимание репродуктивная деятельность. Согласно данному подходу, необходимо в первую очередь сократить время, затрачиваемое на неоплачиваемое социальное воспроизводство. Поскольку значительная часть такого труда не является ни стимулирующей, ни творческой, авторы считают необходимым стремиться к его минимизации.

Для перехода к пострabоте существенное значение имеют технологии, которым посвящена вторая глава книги. Авторы прослеживают влияние технологий начиная с первых десятилетий двадцатого века, когда происходила «промышленная революция в доме» (р. 17), до распространения интернета, цифровых платформ и «умного дома».

Как же эти изменения повлияли на рабочую нагрузку? В 1970-е годы, как отмечают авторы, обнаружилось, что, несмотря на все новые технологии, время, потраченное на работу по дому, не уменьшалось. Отмеченный парадокс получил название парадокса Коуэн (р. 22) — по имени американского историка Рут Шварц Коуэн, впервые обнаружившей его. Авторы книги исследовали причины этого парадокса.

Автоматизация домашнего труда способствовала его индивидуализации. Деятельность, которая когда-то требовала скоординированных коллективных усилий, теперь могла осуществляться одним неоплачиваемым работником. Так, машинная стирка превратила то, что могло быть коллективным промышленным процессом, в работу одинокой домохозяйки, и, как справедливо отмечают авторы, экономия за счет масштаба (или государственной поддержки) не была достигнута.

Другая причина парадокса Коуэн, по мнению авторов, состояла в том, что по мере внедрения новых домашних технологий распространялись и новые стандарты, поддержание которых требовало дополнительных

трудовых затрат. Производимая дополнительная работа нивелировала потенциальные преимущества экономии времени, обеспечиваемых многими технологическими новшествами. Более того, парадокс Коуэн продолжает действовать и сегодня: количество времени, которое тратится на домашние дела, остаётся примерно одинаковым на протяжении всего XX в.

Таким образом, одних лишь технологий недостаточно для сокращения объема домашней работы. Как показывают авторы, необходимо также учитывать изменения социальных норм и ожиданий, характер гендерного разделения труда, формы домашнего хозяйства. Эффективность технологий зависит от социальных условий, в которых они используются.

В главе «Стандарты» авторы рассматривают, как изменялись стандарты повседневной жизни. К числу быстроизменяющихся стандартов, по их мнению, относятся стандарты чистоты. Чистота начинает рассматриваться как выражение социального порядка, как способ войти в «респектабельное» гражданское общество и как по сути своей цивилизационная практика. Все эти многогранные элементы чистоты проявились в различных аспектах работы по дому — от личной гигиены до стирки и уборки.

Изменения затронули и сферу ухода за детьми. Это обусловлено, во-первых, тем, что современные женщины гораздо чаще заняты оплачиваемой работой, чем 70 лет назад. Во-вторых, государство активно поддерживает уход за детьми посредством финансовых и налоговых льгот.

Почему родители стали уделять своим детям больше времени, чем прежде? По мнению авторов, это связано с изменениями материальных условий жизни: увеличением неравенства, переходом к экономике, акцентирующей внимание на «человеческом капитале», и усилением конкуренции.

Существенные изменения произошли в занятости населения. Если аристократическая праздность когда-то могла быть показателем высокого социального статуса, то сегодня такими показателями стала занятость, превратившаяся в социальную норму, к которой стремятся многие элиты. Новый статус занятости выражается в первую очередь в более продолжительном рабочем времени (р. 75–76).

Культурная трансформация, по мнению авторов, приводит к усилению трудовой этики. В современном мире трудовая этика превратилась в важнейший инструмент самовыражения. Прилежная работа становится стандартом, который прочно укоренился не только в профессиональной сфере, но и в повседневной жизни, проникая в наши дома и быт.

По мнению авторов, недостаточно ограничиться индивидуальными дискуссиями о стандартах. Необходимо изменить структуры, которые

диктуют эти стандарты. В конечном итоге следует создать механизмы, позволяющие совместно определять и юридически закреплять нормы, которым мы хотели бы следовать.

В главе «Семья» авторы анализируют роль семьи в организации репродуктивной деятельности в домашних условиях. По их оценке, эффективность семьи в выполнении этой функции остаётся крайне низкой (р. 82). Исследователи выяснили, что, хотя с 1960-х годов доля неоплачиваемых домашних обязанностей, выполняемых женщинами, уменьшается, а участие мужчин в этих делах незначительно возрастает, гендерные различия в распределении домашнего труда по-прежнему существуют. Для устранения диспропорции в распределении репродуктивного труда и обеспечения равномерного распределения свободного времени среди членов семьи, авторы предлагают пересмотреть структуру семейных отношений.

Исследователи анализируют, как женщины организовывали репродуктивный труд до наступления капиталистической индустриализации. Они выделяют три ключевые черты этого процесса: коллективный характер труда, сравнительно небольшое количество времени, уделяемое домашним обязанностям, и понимание домохозяйства через призму трудовых отношений (р. 87).

Авторы рассматривают изменения в социально-экономической системе при капитализме, в результате которых утвердилась модель «кормилец/домохозяйка» (р. 95). Эта модель, основанная на чётком разделении рыночной и бытовой функций, стала преобладающей в большинстве стран в конце XIX — начале XX века. В тот период активно развивалась особая форма семейной структуры — нуклеарная семья, включающая в себя работающего мужа, жену, не занятую на рынке труда и выполняющую домашние обязанности, а также их несовершеннолетних детей. Такая модель также отличалась чётким разделением сфер рыночной деятельности и быта.

В современных условиях изменение роли мужчины как основного кормильца семьи привело к тому, что замужние женщины стали меньше зависеть от потенциального дохода своих партнеров. Это способствовало росту их финансовой независимости и расширению личных возможностей.

Согласно проведенному исследованию, с начала нового тысячелетия прослеживается тенденция к росту общей продолжительности рабочего времени и сокращению количества свободного времени. Это явление затрагивает как мужчин, так и женщин, независимо от семейного статуса и гендерной принадлежности.

Проведенный анализ позволил авторам сделать вывод о завершении периода относительной стабильности и соответствия между семейными и экономическими процессами. Количество браков сокращается, число разводов растёт, что свидетельствует о переменах в институте семьи. Параллельно отмечается рост числа детей, рожденных вне брака, особенно в странах ОЭСР. Ожидается, что эта тенденция будет усиливаться в глобальном масштабе. Происходит увеличение числа домохозяйств, возглавляемых одинокими родителями, что приводит к формированию новых моделей семейных структур. Статистические данные также свидетельствуют о снижении доли многопоколенных семей, что отражает изменения в семейных практиках и структуре домохозяйств. Домохозяйства, состоящие из одного человека, становятся всё более распространенными.

Тем не менее, как справедливо отмечают авторы, семья остается важнейшим элементом поддержки и защиты. В эпоху капитализма матери зачастую выступали в качестве основной резервной рабочей силы в домашнем хозяйстве. Сегодня фокус сместился с женщины как домашнего работника на женщину как основного неоплачиваемого субъекта заботы. В экстренных ситуациях семьи склонны сокращать наемную занятость, чтобы обеспечить уход за больными родственниками — будь то хронически больные пожилые люди или маленькие дети — предпочитая выполнение репродуктивных функций переходу к полной занятости на рынке труда.

Авторы книги акцентируют внимание на необходимости развития доступных рыночных услуг, социальных программ поддержки и волонтерских инициатив. Это позволит снизить нагрузку на семьи и предоставит альтернативные варианты ухода за теми, кто нуждается в помощи.

Для преодоления нынешнего репродуктивного кризиса необходимо, по мнению авторов, пересмотреть семейные репродуктивные модели на фундаментальном уровне. Это требует переосмысления традиционных представлений о семье, доме, социальных нормах и бытовых технологиях. Только через такой всесторонний подход можно обеспечить справедливое распределение семейных обязанностей и ресурсов, а также создать устойчивую основу для их использования.

В главе «Пространства» авторы рассматривают, как изменялись пространственные формы организации семейной жизни. Исследование пространств репродуктивного труда неразрывно связано с изучением пространства дома. Неудивительно, что проблема жилищной политики стала одной из ключевых в контексте социально-экономического развития городов.

В конце XIX — начале XX в. в различных странах, включая Россию, предпринимались попытки реформировать жилищную политику, чтобы справиться с острым жилищным кризисом. Одним из наиболее заметных экспериментов в этом направлении, по мнению авторов, стала русская коммунальная квартира, возникшая после Октябрьской революции 1917 г. В Вене левоцентристское городское правительство возвело жилые комплексы с мастерскими и прачечными, которые до сих пор вызывают восхищение. Однако проблема обустройства быта и ухода за близкими в условиях женской занятости все еще не была решена.

В отличие от России, в США и Великобритании наблюдалось резкое пространственное обособление домохозяйств. Несмотря на преимущества индивидуальных домов, критики подчеркивали, что их содержание чрезвычайно ресурсоемко и требует значительных затрат топлива, оборудования и времени на выполнение рутинных задач.

В конце XIX в. в ответ на капиталистическую индустриализацию и массовое переселение сельского населения в города впервые возникает социальное жилье (р. 126). Это было вызвано острой необходимостью решить проблему нехватки городских жилых помещений, что побудило европейские правительства активно участвовать в разработке и внедрении альтернативных подходов к жилищному строительству. По мнению авторов, социальное жилье стало не только ответом на острую нехватку жилых площадей, но и способом продемонстрировать, как могло бы выглядеть социалистическое, бесклассовое общество.

В XX в. произошла трансформация жилищного пространства, связанная с развитием массового домовладения (р. 130). Этот процесс, начавшийся в первой половине века, к его концу стал доминирующей формой проживания в большинстве экономически развитых стран. Массовое домовладение изменило социальную структуру городов и пригородов, способствовало стандартизации жилищных условий.

Новый тип жилищного строительства, как справедливо отмечают авторы, помимо экономических последствий, выполнял важную социальную и культурную функцию, способствуя закреплению определенных ценностей и норм. Эти ценности включали упорный труд, занятость, индивидуализм, самостоятельность и определенную структуру семьи.

При реализации этого проекта особое внимание уделялось тому, как частная собственность на жилье может способствовать формированию капиталистической культуры, основанной на личных интересах и самостоятельности. По мнению авторов, расширение домовладения рассматривалось как эффективный способ снизить вероятность вовлечения

работников в политическую деятельность: забота об улучшении жилищных условий отвлекала от участия в политических процессах.

В 1960-е годы в Соединенных Штатах сформировалась субкультура, представители которой противопоставляли себя ключевым элементам традиционной западной культуры или отвергали их. Она получила название контркультуры. Всех участников этого движения объединяло чувство протеста. Некоторые радикальные коммуны 1960-х и 1970-х годов, по утверждениям авторов, можно рассматривать как воплощение утопических идей о посттрудовом обществе (р. 139–149).

В последние годы наблюдается рост популярности неолиберальных коливингов — новой формы совместного проживания, появившейся в крупных городах по всему миру (р. 150). Эти пространства предоставляют набор коммунальных услуг, включая коворкинги, фитнес-центры и другие зоны для социального взаимодействия и повышения продуктивности. Следует, однако, учитывать, что доступ к таким коливингам ограничен. Они в основном ориентированы на молодых одиноких профессионалов, стремящихся к карьерному росту и активному социальному взаимодействию.

Сегодня жилье рассматривается не только как место для жизни, но и как финансовый инструмент, чья стоимость зачастую определяется его доходностью, а не практическими свойствами. Это порождает ряд проблем, таких как увеличение количества элитной недвижимости и недостаток доступного жилья для большинства граждан.

В шестой главе «После работы» авторы попытались обосновать модель будущего социального воспроизводства, основанного на принципах постработы. Основное отличие этой модели от существующих состоит, по их мнению, в переходе от сферы необходимости к сфере свободы (р. 153). В такой системе удовлетворение базовых потребностей человека происходит в условиях, когда свобода не ограничивается необходимостью выживания.

В контексте посткапиталистического общества центральную роль играет время. Целью такого общества является расширение пространства свободы, что позволяет людям осмысленно подходить к вопросу о том, как использовать свое время. Для достижения истинной свободы, по мнению авторов, необходимо чтобы средства производства и распределения находились в коллективной собственности и были доступны каждому члену общества. Изобилие создает условия, при которых люди могут свободно распоряжаться своим временем, не подчиняясь экономическим ограничениям, связанным с продажей рабочей силы.

Авторы считают, что социальное воспроизводство — это особый феномен, находящийся между сферами необходимости и свободы. С одной

стороны, эта деятельность обусловлена потребностями, что позволяет классифицировать её как часть сферы необходимости. С другой стороны, она также может быть результатом свободного выбора, что делает ее элементом сферы свободы.

Особое внимание в работе уделяется цели посткапиталистического общества и средствам ее достижения. Согласно авторам, такой целью является минимизация трудозатрат при расширении возможностей для самореализации и свободной деятельности. В посткапиталистическом мире предполагается значительное сокращение рутинных и обременительных аспектов труда, связанных с общественным воспроизводством, что позволит сосредоточиться на более значимых видах деятельности, выбираемых на основе личных интересов и предпочтений.

Авторы обращают внимание на ключевые принципы, которые определяют будущее социального развития. Они утверждают, что для создания более совершенного общества необходимо опираться на принципы коммунальной взаимопомощи, общественного богатства и темпорального суверенитета, то есть суверенитета личности над собственным временем (р. 157).

Принцип коммунальной взаимопомощи или общественной заботы предполагает социальную трансформацию и расширение сферы отношений заботы между людьми. В результате этого процесса должны быть созданы более эффективные механизмы поддержки и укрепления социальных связей, что в конечном итоге будет способствовать улучшению качества жизни всех членов общества.

Принцип общественного богатства основывается на ограниченности ресурсов, необходимых для его формирования и распространения. В отличие от личного богатства, которое воспринимается как статусное благо, доступное лишь избранным, общественное богатство предназначено для всех его членов.

Проект постработы должен быть ориентирован на повышение личной свободы. Для начала авторы предлагают пересмотреть и, если нужно, изменить законодательные и культурные нормы, которые поддерживают традиционные нуклеарные семьи. Это поможет создать более гибкую и адаптивную систему социальной защиты, которая будет способствовать личностному и профессиональному росту каждого человека.

Авторы отмечают, что для многих пожилых людей совместное проживание может способствовать улучшению физического и психического здоровья, повышению уровня социальной активности и снижению чувства одиночества. Коллективы пожилых женщин часто выбирают такую форму проживания, чтобы укрепить свою независимость, эффективно использовать ресурсы и улучшить качество жизни.

В нынешних обстоятельствах, по мнению авторов, субсидии следует направить на помощь тем, кто нуждается в длительном уходе, включая людей с инвалидностью и пожилых. Эти группы населения особенно остро нуждаются в услугах по уходу и чаще всего принимают такую поддержку.

Авторы выступают за переход к более устойчивой и справедливой системе обеспечения жильем, которая потребует значительных вложений в строительство социального жилья. В условиях капиталистической системы они считают необходимым стремиться к декоммодификации жилья, что должно обеспечить доступ к безопасным, надежным и качественным жилищным условиям для всех, независимо от уровня доходов.

Одним из важных проектных решений, предложенных авторами, является интеграция жилых зданий и коммунальных услуг. Это основано на концепции общественного богатства и направлено на обеспечение доступности объектов и удобств. Жители могут активно участвовать в управлении общественными ресурсами, что сокращает время на бытовые нужды и передвижение. Это особенно важно для людей, занятых репродуктивным трудом.

Создание инфраструктуры для досуга подразумевает формирование пространства, где люди могут встречаться, общаться, творить и заниматься созидательной деятельностью без необходимости что-либо покупать или платить за вход. В этом пространстве можно организовать как традиционные, так и современные высокотехнологичные площадки для коллективной работы.

В итоге приоритетной задачей, как считают авторы, является не минимизация трудозатрат как таковых, а создание условий для высвобождения времени и формирования институтов, которые позволят человечеству осознанно и коллективно управлять своим развитием. Необходимо обеспечить свободу в определении приоритетов и направлений деятельности.

В заключение следует отметить, что заслуга авторов рецензируемой книги состоит в тщательном исследовании репродуктивного труда как особой формы работы, анализе его эволюции и выявлении причин, по которым он длительное время оставался без должного внимания исследователей. Рецензируемая книга носит просветительский характер и, по существу, представляет концепцию развития репродуктивной деятельности в условиях постработы. Однако она не дает ответа на вопрос, как реализовать эту программу без радикального изменения сложившихся общественных отношений.

**Book Review: HESTER H., SRNICEK N. (2023)
AFTER WORK: A HISTORY OF THE HOME
AND THE FIGHT FOR FREE TIME.
London; New York: Verso — 288 p.**

Vladimir K. Karnaukh (karnaukh-vk@ranepa.ru)

RANEPA St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

Citation: Karnaukh V.K. (2026) Book Review: Hester H., Srnicek N. (2023) *After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time*. London; New York: Verso — 288 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 268–277 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.11> EDN: BSCWLN

Ж
У
Р
Н
А
Л

С
О
Ц
И
О
Л
О
Г
И
И

С
О
Ц
И
А
Л
Ь
Н
О
Й

А
Н
Т
Р
О
П
О
Л
О
Г
И
И

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2025 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, Белый список — уровень 1, индексируется в базе данных RSCI.

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме
без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2026. Том 29. № 1. Дата выхода в свет 27.03.2026.

Формат бумаги 60x84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40